

ВАЛЕРИАН БОРОДАЕВСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Валериан Валерианович Бородаевский

Стихотворения

Текст предоставлен правообладателем

Стихотворения: 1923

Аннотация

«...Сумрак предрассветный... Буря снеговая...
Злоба вихрей бледных треплет ранний звон...
Колокол безумный бредит, обмирая,
И относит дальше взвешанных ворон...»

Содержание

Стихотворения (Элегии, оды, идиллии. СПб, 1909.)	21
I. «Вкруг колокольни обомшелой...»	21
II. Ранняя обедня	23
III. «Панихиды в синеве мерцают...»	24
IV. «Слышу я тихие стуки...»	25
V. Свидание	26
VI. «Маскарад любите погребальный!...»	27
VII. «Рассветало. Моросило...»	28
VIII. «Печаль опустошенной, затихающей души...»	29
IX. «Нынче Горе мое нарядилось...»	30
X. «Хожу меж обугленных балок...»	31
XI. Пир	32
XII. Степные вихри	33
1. «Глянь: как лезвие, остер...»	33
2. «Там, в далекой дали...»	33
XIII. Карета	35
XIV. Ноктурно	37
XV. Ад	39
XVI. «Вижу там, в багреце заходящих лучей...»	40
XVII. «Я пронжу, пронжу иглой...»	41

XVIII. «Он нашел тебя, овца заблудшая...»	43
XIX. «Кругом – одна лазурь. Прозрачен небосклон...»	44
XX. «Над пустынными полями видится...»	45
XXI. Страстные свечи	46
XXII. Напрасно	47
XXIII. Сораспятые	48
XXIV. Эолова арфа	49
XXV. В недрах	50
XXVI. В музее	51
XXVII. Колеса	52
XXVIII. Да и нет	54
I. «Художник, женщина и солнце! Вам дано...»	54
II. «Вглядись во мрак, печальный богомаз...»	54
XXIX. «Зову тебя в воды хрустальные...»	56
XXX. «Явлен знак. На персях напишу я...»	57
XXXI. Искусителю	59
XXXII. Маги	60
I. «Мы – цари. Жезлом державным»	60
II. «Мы – цари. В венцах с жезлами...»	61
XXXIII. Барельеф	62
XXXIV. Херувимы	63
I. «Херувимы Ассирии, быки крылатые...»	63
II. «Вашу правду несете вы, пращуры	63

древние...»	
XXXV. Сфинкс	65
XXXVI. Я холоден	66
XXXVII. С дороги	67
XXXVIII. Тоска	68
XXXIX. Мяч	70
XL. Возле елки	71
XLI. «Мы носились на гигантах...»	72
XLII. На пасхе	74
XLIII. Божья коровка	75
XLIV. Встреча	76
XLV. «Наши тени на снегах...»	77
XLVI. Старые девушки	78
I. «Повесть немая о тягостной страде...»	78
II. «Ты любила стихи и была горбатая...»	79
XLVII. «Номер тринадцатый наша каюта...»	80
XLVIII. «Мышь ворвалась к нам летучая...»	81
XLIX. У себя	82
L. Голубятник	83
LI. Апрель	84
LII. «Капал дождик с шатких веток...»	85
LIII. «Зеленя разбегались, струились...»	86
LIV. Беглые строфы	87
LV. В лесу	88
I. «Утро раннее в красных огнях...»	88
II. «Оттепель. С длинных сосулек	89

сбегая...»	
LVI. Виноград	90
LVII. «Образы любимые, что сердце перетрөгало...»	91
Уединенный дол. Вторая книга стихов. (М.: Мусагет, 1914)	92
I. Медальоны. Цикл сонетов	92
1. Святой Франциск	92
2. Мильтон	93
3. Паскаль	94
4. Сведенборг	94
5. Калиостро	95
6. Бальзак	96
II. Орлы	98
III. Памяти Н. Ф. Федорова	100
1. «С каким безумием почтил ты человека...»	100
2. Заставка	100
IV. Гимн предкам	102
V. Ковыль	104
VI. Тучи	105
VII. «Порвался мертвый полог забытья...»	107
VIII. «Мой хранитель в орлянку играл...»	109
IX. «Когда Господь метнет меня на землю...»	111
X. Водопад	112
XI. Бескрайный путь. Сонет	113

ХII. Искатели	114
ХIII. «Я не искал крутых дорог...»	116
ХIV. «Как столб, иссеченный в горах, один, затерян...»	117
ХV. «Не люби на земле ни леса, ни луга заливные...»	118
ХVI. Христова невеста	119
ХVII. Скиты	121
ХVIII. Старцы	123
ХIX. Икона	124
На лоне родимой земли	125
I. «Ударил гром. В ночи бездонной...»	125
II. Багрянородному	127
III. Береза	128
IV. На балконе	130
V. Иволга	131
VI. «Я пью мой долгий день, лазурный и прохладный...»	132
VII. Февраль	133
VIII. Ранний сев	134
IX. «В сизые волны речные юноши, сбросив одежды...»	135
X. «Любишь ржавых тростников...»	136
XI. Вечер	137
XII. День тумана	138
XIII. «Тревожен лепет темных верб...»	139

XIV. Казанская. Сонет	140
XV. Дрофы	141
XVI. «Я не сменю на вас, возвышенные грезы...»	142
XVII. Памятник брата	143
XVIII. Белые ветки	144
XIX. «Вы прошли, как листва прошлогодня...»	145
XX. На лоне родимой земли	146
Интимные лики	148
I. Памяти Фета	148
II. Утро охотника	150
III. На выборах	151
IV. Дом дедов. Сонет	152
V. Портрет в кабинете. Сонет	153
VI. Церковный староста. Сонет	154
VII. Приказчик	155
VIII. Повар	157
Богини	158
I. Богини	158
II. В осмнадцать лет	160
III. Ребенку	162
IV. «Ты помнишь ли тот день, когда в саду отцовом...»	163
V. «Лицо твое, как светлый храм...»	164
VI. Речные лилии	165

VII. Мефистофель	167
VIII. Идиллия	169
IX. «Долгий день читали вы журналы...»	171
X. Зарево	173
XI. Баядера. Сонет	174
XII. «Ты, женщина любви, бегущая вольней...»	175
XIII. Уездная	176
XIV. «Ты в дубленом полушубке...»	178
София	179
Разбитое зеркало	181
I. Моя свирель	181
II. «Я не знаю, что было, как было...»	182
III. «Июль пылал, и вихорь пыльный...»	183
IV. «Огнем пожара сожигая...»	184
V. «Довольно. Злая повесть кончена...»	186
VI. «Подошли мы к разбитому зеркалу...»	187
VII. «Натянешь ли ты голубую вуаль...»	188
VIII. Прогулка	189
IX. «Ты, дорассветной мечтою взволнована...»	191
X. «Солнце потоками крови горячей исходит...»	192
XI. Двое	193
XII. «Если сердцу нужно приобщиться радости...»	194

XIII. «Гремели, ослабев, и множились трикраты...»	195
XIV. Осенний пантум	196
XV. Рондели	198
1. «Румяный луч из-за руин...»	198
2. «Вас было двое меж олив...»	198
3. «Листва вздымалась под ногой...»	199
XVI. «Золотая минута любви как лист пролетает осенний...»	201
XVII. Последний ландыш. Цикл сонетов	202
1. «О, светлый день, едва на вешней прялке...»	202
2. «Уж по кустам малиновок и славок...»	203
3. «Ты, бархат глаз! Истомная кручина...»	203
4. «Как ягода кровавой белладонны...»	204
5. «Весна спешит, и быстрокрылый лёт...»	205
XVIII. Ночь	207
Итальянская призма	208
I. Фрески. Сонет	208
II. Двулика	209
III. Падающая башня	210
IV. В полдень	211
V. Сиенский череп	212
VI. Эпилог	213
Стихотворения, не вошедшие в основные сборники	214

Из сборника «Страстные свечи: стансы». СПб, 1909	214
Солнце–лира	214
«Отведи синие шторы...»	215
Серенада	216
Зарница	217
Странник (Восточный мотив)	218
Роза и лилия	219
«Надвое косу свою расчесала...»	220
Гимн заре (Ведийская мелодия)	220
Публикации 1915–1917 гг.	222
Сонет	222
На войну. Сонет	223
Зима в деревне	224
I. «И вот опять судьба моя упорна...»	224
II. «Был разговор. И спор. Но что же?..»	225
III. «Лилово небо, поле бело...»	225
IV. «Зачем зашли мы в этот лог...»	226
V. «Вносили смолистую елку...»	227
VI. «Здесь много лет, в теплице парной...»	228
«Ледяная рука простучала в окошко...»	230
Песнь народу русскому	231
Стихотворения, не опубликованные при жизни автора	233
I	233
«Ты не читала их – слова мои больные...»	233

«Отсветы облак в струях розовато-лиловые...»	234
«Томится зноем степь. Морщины залегли...»	234
«Вы правы, как всегда – нужны ль мои признанья...»	235
Светлане	236
«Мне иногда судьба дарила...»	237
«Как мотылек ты бьешься в паутине...»	237
«Сегодня над душой царит туман...»	238
Ризе	239
«Когда б мы здесь отпечатлели...»	240
«Конец безрадостным блужданиям...»	240
«Я слезам заглушенным внимаю...»	241
«Непреклонен и упорен...»	242
Подражание Андрею Критскому	243
«К милой родимой земле мы прикованы цепью бескрайной...»	244
Лебедь	244
«Бродячая безумная царица...»	245
«Хочется солнцу тучку порвать...»	245
«Полет грачей над жнивьем опустелым...»	246
«Преклонись, душа, будь наготове...»	247
«Качнуло дерево порывом бури вешней...»	248
У моря	249
«Трепещут голуби упругими крылами...»	250

II	251
Жаворонки	251
«Истомно в лазурности плаваясь нещадной...»	251
«Душа угрюмая, и в стародавнем вкусе...»	252
«Как печальны глаза, где часами, во мгле мутно–белой...»	253
Соловецкий инок	254
«Что ни день, как пчела, ужалит...»	254
«Пусть слова тоски бесплодно отшумели...»	255
«Жарок полдень. Небо как пергамент...»	256
«Слышно – ноет истомно сирена...»	257
«Это случилось недавно и вовсе нежданно...»	258
«Только и знаю – леса да овраги...»	258
«О, пусть весна погонит к морю...»	259
«И нас венчали в утро Божие...»	260
Н. Е. Маркову	261
В. Н. Кушнаревой	261
Автосонет	262
«Бредешь наудачу по роще осенней...»	263
«Как эти строки сладостны и новы!..»	264
«Печаль мою снежинками...»	265
На могиле сына	265
Свободной	267

«Золотому дождю подставляю...»	267
Урсула	268
Мессия	269
Былое	270
Колыбельная сердцу	271
Retardus	271
В степи	272
Снежинки 1922 года	273
1921	274
«Родитель мой король – он был в жестоком гневe...»	275
9 января	276
Ш	278
«Наш милый сын, рожденный на вершине...»	278
«В сияющей чаше белогрудые ласточки...»	279
«Ты свела, как раковина, створки...»	279
«Скажи, какой рукой, нечистой и позорной...»	280
«Итак, фальшивы были роды...»	281
«На поиски, быть может, лучших мест...»	281
Бабье лето	282
«В звуке – вся жизнь, вся надежда в торжественном гуле...»	283
«Серебристо–воздушными нежными пятнами...»	284

Resignation	285
«Нам, полоненному народу...»	286
Легенда о Моисее	287
Песенка стража	289
Мечтатель	290
Эзопу	291
Паук	292
Песня луны	293
Посох в цвету	294
Друг природы	294
Защита песни	295
Мальшу	296
Андре Шенье	297
Книга в тюрьме	298
Моему сыну. Сонет мистический	299
Тиф	300
У больного	301
Солнце в коридоре	302
Чья красней?	303
Изобретатели	303
Окно без рам	305
Виргилий. Сонет	306
Павел Ефимов	307
Жена и муза	308
Тебе и ему	309
Старуха	310

Запретное свидание	311
Новые соседи	312
Корейша	313
Моей жене	314
Не хлопочи	315
Сектант. (Откровение, гл. 11, ст. 2–3).	315
Рудольф штайнер. Сонет	316
Сосед	317
Семицкая песня	318
«Сегодня в сумерках звучал согласный хор...»	319
Первый зуб	320
«Свободен мухи лёт, а пауку работа...»	320
Сонет прозревшего. Сонет	321
Жене больного	322
Любовь и смерть. Сонет Диме	323
Мертвая голова. Сонет Диме	323
Скарабей	324
Ракиты	326
Охотнику. Сонет	327
Зимний рассвет	327
Новобранец	328
Акафист в камере	329
Похвала тюрьме. Сонет	330
Кретин	331
Песня черной земли	331

Царица нищета	332
Веревка	333
«Пальмы да пальмы... Сплетения пальм без конца...»	334
Эпиграмма (на Валер. Гавр. Калинина)	335
Отрывок	335
«Наш разговор оборван часовым...»	336
Пляска стражей	336
Песня	337
Народ освобожденный	338
Косовица	339
Замочная скважина	340
«Сердце бьется шибко, шибко...»	340
Свобода	341
Памяти сына	342
I. «Был у нас такой мальчонок – Бог увел его от нас...»	342
II. «Вырастал наш Павел крепким; был спокоен, много спал...»	343
III. «С революцией настала Павлу новая пора...»	343
IV. «Так роман был первый начат, и конца роман не знал...»	344
V. «Провожали гроб ребята и девушки без числа...»	345
Ad Rosam Per Crucem[3]	345

Подражание Кампанелле	346
Слепой	347
Вечное. Сонет	348
Аид	349
Воробьи	349
Убежали	350
«Я новеллы нынче слушал...»	351
«Во тьме, меж нами, в ночь беззвездную...»	352
«Пятидесятый день меж этих мрачных стен...»	353
Песня юродивого	354
«Кругл и розов. Взор сияет...»	355
«Мы двое вышли из тюрьмы...»	356
Кручина	357
«Издалека мертвил я благодать...»	358
«Он нездоров – и стал вдвойне нам дорог...»	358
«Причалили... И брызги влажной пыли...»	359
Перекаати–поле	360
Два сонета	361
1. «Лик Спаса моего я подниму ль, склоняясь...»	361
2. «В руке Твоей я только ком земли...»	362
«О новом смертнике мы слышим каждый день...»	363

«Мои часы ведутся без ошибки...»	363
«Ты пишешь и слезу роняешь на листок...»	364
«Жизнь сердца жаждет вечной перемены...»	365
Удавленник	366
Сновидцы	367
Близким	368
На смерть С.С.Р.	370
На смерть С.С.Р.	371
1. «В дали веков у склонов Этны жгучей...»	371
2. «Ты рождена голубкой нежной...»	372
«Я сквозь железом кованную дверь...»	372
Зимняя буря	373
Первая лекция в тюрьме. Сонет	374
Пять ран богоматери (К циклу медитаций)	376
1. «В заветный день Перворожденный Богу...»	376
2. «О, дивный Отрок, мудрыми словами...»	377
3. «Послушай, мать. Ликует сила злая...»	377
4. «Вот тело обнаженное белеет...»	378
5. «Родимый Сын, не ты ли предо мною...»	379
Adler Lied[4]	380

Остров Южный	381
I. Очи земли	381
II. Прогулка	381
III. Красная роза	382
IV. Психея	383
Балет изы валлат	384
IV	386
«Над сдвигами бровей рубцы глухого сплина...»	386
Возок	387
«Поэты роскошной Пальмиры!..»	388
«Если ливень промчится стремительный...»	389
Дети	390
Тебе	391
Маргарите	392
Своим	393
«По коридору печки трещат, и, близ огней...»	394
Диме из тюрьмы	395
Гимн из тюрьмы	395

Валериан Валерианович Бородаевский Стихотворения

Стихотворения (Элегии,
оды, идиллии. СПб, 1909.)

I. «Вкруг колокольни обомшелой...»

Вкруг колокольни обомшелой,
Где воздух так безгрешно тих,
Летают траурные стрелы
Стрижей пронзительных и злых.

Над кровью томного заката
Склоненных ив печаль светла.
И новых стрел душе не надо:
Душа все стрелы приняла.

Стрижи ватагою победной
Дочертят вещую спираль;
И, догорая, запад бледный

Отбросит пурпурную шаль.

И будут ив бездумны речи,
Как черствый ропот старика,
Когда одна стучит далече
Его дорожная клюка.

II. Ранняя обедня

Сумрак предрассветный... Буря снеговая...
Злоба вихрей бледных треплет ранний звон...
Колокол безумный бредит, обмирая,
И относит дальше взвевянных ворон.

Там, в приделе черном, засветилась свечка.
Что-то там скребется... Крыса или поп?
Протянулось дыма сизое колечко,
Замерцал глазетом позабытый гроб.

Яростная буря воеет неустанно,
Бьется в стекла церкви льдистое крыло...
И зачем так холодно? И зачем так рано?
И зачем дороги снегом замело?

Не склонится ухо к тайне позабытой.
Нагорает свечка. Вырастает гроб.
Плачет воск один на каменные плиты,
Да в дверях, простершись, молится сугроб.

III. «Панихиды в синеве мерцают...»

Панихиды в синеве мерцают,
Зажжены рукой холодеющей.
Облетают, отлетают,
Те, что нежились в полдень млеющий.

Широко открытыми глазами
Смотрят в поле окна пустынные.
Над полями, над прудами
Нити тонкие, паутинные.

Паркой срезаны жизни скромные,
И концы их лаской светятся...
На кресты садятся темные,
Над могилой хотелось бы встретиться.

IV. «Слышу я тихие стуки...»

Слышу я тихие стуки,
Стуки ночные в стены...
Слабые, милые руки,
Земли вас опутали плены.

Бьете, как сторож в доску,
Черствое сердце мягчите.
Выманить надо ль вам слезку?
Тайную ль встречу сулите?

Глохнут залетные звуки...
Вот и совсем замолчали...
Милые, белые руки,
Видно, вы пути порвали!

V. Свидание

В тайне рассвета, бела, недвижима,
Ризой, как облаком легким, одета,
Мертвая, – ты мне явилась, томима,
В тайне рассвета.

Ты мне сияла лучом искупленья.
Сердце тревожилось и трепетало...
Но, побеждая земное смятенье,
Ты мне сияла.

Светлой мечтою промчалась ты мимо
Сумрак, серея, навис надо мною...
Тихо; лишь сердце, как арфа, томимо
Светлой мечтою.

VI. «Маскарад любите погребальный!..»

Маскарад любите погребальный!
Да живит, как легкое вино,
Этот блеск цилиндров триумфальный,
Строй коней под черным домино, –

Фонари, повязанные крепом,
Длинный гроб, где кто–то, притаясь,
В этом фарсе, милом и нелепом,
Мертвеца играет, не смеясь!

Хороши под балдахином дроги
И цветы из ласковых теплиц,
И зеленый ельник по дороге,
И слеза на выгибе ресниц...

И люблю, когда, со мной равняясь,
Подмигнет он радости моей.
Я молчу... Я тайно улыбаюсь
Черным маскам ряженных коней.

VII. «Рассветало. Моросило...»

Рассветало. Моросило.
Нахлобучив капюшон,
Ночь угрюмо опочила.
И, в умершую влюблен,
Застонал последний сон.
А по улице печальной
Побледневшие спешили
Вереницей погребальной:
– Ночь, тебя мы обнажили,
Миром сладостным омыли.
Ты ушла с заклятой тайной! –
Под зонтами, вереницей
Шли за черной колесницей.

VIII. «Печаль опустошенной, затишающей души...»

Печаль опустошенной, затишающей души,
Где свет, словно в чаше, что расчистил топор.
Склоненные колени у последней межи,
Широкая улыбка, туманный взор.
Обнять, простить хотелось бы, обласкать ножи убийц,
Презрительной любовью одарить врагов: –
Так Цезарь, в плаще закутанный, поверженный ниц,
Торжественно вступал в обитель богов.

IX. «Нынче Горе мое нарядилось...»

Нынче Горе мое нарядилось,
Надевало бальное платье;
Духами смеясь окропилось,
У зеркал примеряло запястья.

Нынче, Горе, твои именины.
Будет бал, торжествен и светел.
В алом – дамы; в черном – мужчины.
Я гостей улыбками встретил.

В нежном танце тебя закружу я,
Потону в твоём огненном взоре.
Как хочу твоего поцелуя,
Как люблю тебя нынче, Горе!

Х. «Хожу меж обугленных балок...»

Хожу меж обугленных балок
Пожарища веси моей.
Сам себе странен и жалок,
Пепел собираю,
На ветер гудящий бросаю,
И солнце сквозь пепел страшной.

О, как пламенело, как жгло ты,
Блаженство багряных орлов!
Сладость твоей позолоты
Век не изжить!
Той изгари едкой вовек не избыть
Всей дружбе холодных ветров.

Но траурной ризы не сброшу.
Влеку этот длинный
Шлейф, как бесценную ношу.
Пепел собираю,
Над пашней разрытой бросаю:
Взойди, воскрешенный, забвенный, старинный!

XI. Пир

Зеленые, хитрые волны, со мной не лукавьте,
Честных объятий хочу я, старый пловец.
Мчите от берега прочь, песней забавьте.
Вокруг головы оплетите зеленый венец.

Вспененные гряды в зыби – морское похмелье!
Тело, что бури ковали, не нужно земле.
Акулы, акулы, любил я ваш плеск и веселье
В холодной, глубинной, зеленой, колдующей мгле.

Вы, белые чайки, отраден ваш лёт замеделённый,
Склонитесь, приникните ближе к холодным губам!
Акулы и чайки, на пир! Кудрявой коровой
Увенчанный друг потрясает свой кубок червонный,
Где горькая кровь, что кипела по дальним морям.

ХII. Степные вихри

1. «Глянь: как лезвие, остер...»

Глянь: как лезвие, остер
Край земли.
Мчится всадник, буйн и скор,
Там вдали.
Мчится он по лезвию
Все кругом:
Обскакал бы жизнь мою
На лихом!
Я спешу наперерез...
Я – всё здесь. Он – всё там!
Дух чудес,
Заверть, вьется по степям...

2. «Там, в далекой дали...»

Там, в далекой дали,
Перерезаны жилы мои.
Я не вижу, не знаю,
Только чую, –

Истекаю

Там вдали, за тридевять земель...

На смертельную рану мою

Я скачу посмотреть.

Ошалелые тройки гублю, –

И кого мне жалеть?

На смертельную рану мою –

Там вдали – посмотреть!

– Этих вражьих равнин

Неоглядную рать

Отрази, паладин,

Научись побеждать!

Мчатся кони на смерть,

Пена снегом валит.

Одинокая жердь,

Угрожая, стоит –

Там вдали...

ХІІІ. Карета

Ах, карета, что еле плетется,
Ослабевшими дверцами машет!
Улица грубо смеется,
Ветер пронзительный пашет...

Голубая обивка слиняла,
И герб облупился древний.
Ты везла меня, дребезжала,
Подпевала душе моей гневной.

Там гуляла любезная сердцу,
Поджидала приезд желанный.
Распахну скрипучую дверцу,
И войдет с улыбкой венчанной.

Повернуть, шатаясь, клячи,
Посвистит толпа, провожая –
Потому, что не могут иначе:
Мы простим, всех простим, дорогая.

Не поедем в наследственный терем,
Распряжем коней, спустим шторы –
И в мечту свою пылко поверим,
И сплетем своих снов узоры.

А на утро покинем карету;
Как бродяга, встал день, беззаботен...
Разнесем наше счастье по свету
Под шарманку у всех подворотен.

XIV. Ноктурно

Я тень зову, я жду Леилы.

Пушкин

Ко мне в жемчужнице, на черных лебедях,
Плывешь, любимая, и простираешь длани,
С глазами нежной и безумной лани
И розой в смольных волосах.

Тоскуя ждешь, да примет берег мой
Твою ладью и спутников прилежных.
Два черных лебедя у камней прибережных
Плывут торжественной четой.

И камни острые вонзаются им в грудь!
И перья черные развеяны ветрами.
Расширенный мятежными зыбями,
Влечется алый, алый путь...

Ко мне в жемчужнице, на черных лебедях,
Плывешь, любимая, и простираешь длани,
С глазами нежной и безумной лани
И розой в смольных волосах.

Как недвижимый страж, замерший на часах,
Я жду, когда, недлительно и строго,

Снесут тебя до бедного порога,
Подъяв на траурных крылах.

И слезы на обветренных глазах
Туманят даль; и пенистые гряды
Растут, гремят, вздымаются в громады,
Изнемогая на камнях.

Тоскуя ждешь, да примет берег мой
Твою ладью и спутников прилежных.
Два черных лебедя у камней прибережных
Плывут торжественной четой.

Твои глаза подъемлются с мольбой,
И видишь ты угрюмые теснины...
И воют волны с яростью звериной,
И брызжут пеной снеговой.

Воздвигнуты над грозною волной,
Презрев истому, лебеди стремятся, –
Но скалы хмурые на встречу им толпятся
Неколебимую стеной.

И камни острые вонзаются им в грудь!
И перья черные развеяны ветрами.
Расширенный мятежными зыбями,
Влечется алый, алый путь...

XV. Ад

Певучим голоском, колебля тощий посох,
Про муки адские рассказывал монах...
Пел соловей о монастырских розах;
Лучилась звездочка в березовых ветвях,
Дремотно зыблющих сережки и листочки;
И, охмелев, неслись янтарные хрущи...

– «Так сбудется от строчки и до строчки:

Возьмут тебя в каленые клещи»...
И, вскинув посох, сумрачный, грозитя.
Замолк; потупился: «Вот так–то, милый брат!»
И теребить плачевную косицу.
– «И подлинно... Уж если ад, так ад –
Пунцовый, с бесами и серными парами!..»
О, звезды нежные! Влюбленный соловей!
И пусть она придет, с губящими глазами,
И этот ад сожжет меня скорей!

XVI. «Вижу там, в багреце заходящих лучей...»

Вижу там, в багреце заходящих лучей,

Паучок раскачался на нити своей.

– Золотая березка, ты удержишь меня?

– Ты закинешь повыше, – повыше меня?

Мимо мошек огнистых летит, упоен,

Как они – окрылен, как они – озарен.

И на ветер пустил хитроумную сеть.

Не беда ведь осенним деньком поговорить!

– Золотая березка, ты вскинешь меня?

– Золотая березка, ты любишь меня?

В багреце заходящих холодных лучей

Ты проходишь, шурша вдоль пустынных аллей.

Вот замедлишь. И глянешь... И сумрачный взгляд

Изольет в мою душу томительный яд.

Вырвут слабый, восторженно–жалобный крик

Эти красные губы и каменный лик.

– Золотая березка, ты примешь меня?

– Золотая березка, ты любишь меня?

XVII. «Я пронжу, пронжу иглой...»

Я пронжу, пронжу иглой
Сердце куклы восковой.
– Жарко, сердце, загорись,
Разорвись! –

Много дней и много лет
Целовал я милый след.
– Оглянись ко мне, – шептал,
Умолял.

В тихой комнате моей,
Непреклонный чародей,
Ныне я колю иглой
Сердце куклы восковой.

– Жарко, сердце, загорись,
Разорвись! –
Неподкупная игла
Так светла...

Вот, ты здесь, в моих руках,
Воском таешь... Смертный страх
Здесь со мной, дрожит во мне:
«Я в огне.

Приголубь большую грудь,
Осени на смертный путь...»
Сердце куклы восковой
Под иглой.

– Здесь я, здесь, твой верный друг,
Обвожу заклятый круг
И в дыханьи тайных чар
Шлю тебе мой лучший дар:

– Сердце, сердце, разожгись,
Разорвись! –
Неподкупная игла –
Как стрела.

XVIII. «Он нашел тебя, овца заблудшая...»

Он нашел тебя, овца заблудшая, –
Не пугайся солнечного взгляда.
Для Него теперь ты – лучшая,
Ты – царица белого стада.

Забудь об оврагах глубоких,
Где нога твоя тайно скользила.
О ночах забудь темнооких
И о тех, кого ты любила.

Отдыхая на росистых травах,
Говори с цветами голубыми;
Но молчи про злую правду правых –
Ты, греховная, взнесенная над ними.

XIX. «Кругом – одна лазурь. Прозрачен небосклон...»

Кругом – одна лазурь. Прозрачен небосклон.
Трепещет речка в искрах золотистых.
Раскинулись ковры подснежников звездистых,
И слышен зябликов задорный перезвон.

Березки белые, как дружные сестрицы,
Лепечут что–то... Трудно их понять!
Высоко надо мной едва–едва видать
Последних журавлей отсталые станицы...

Праматерь смуглая, благослови меня!
Я – сердце, полное терзаний
Неутолимого огня.
Я – блудный сын среди твоих созданий.
Я только блудный сын, – благослови меня!

XX. «Над пустынными полями видится...»

Вячеславу Иванову

Над пустынными полями видится
В облачках серебристая лествица.
До меня ли Любовь унижится?
Ты ли, Крепкий, грядешь из-за месяца?

Через грудь мою руки скрещаются,
Я вступаю на путь неизведанный, –
И ступени так томно качаются
Под пятой, землистому преданной.

От низин задымились туманы,
Голубые с алыми отливами.
Чей-то смех прозвенел так странно.
Белый образ под черными ивами.

Устоишь ли, воздушная лествица?
Отойдешь ли, чудо недостойному?
Серый зверь притаился у месяца.
В очи смотрит небесному Воину.

XXI. Страстные свечи

Отвращайте свечами страстными
Тучу белую, тяжелую градом.
Призывайте Господне имя:
Смилуйся, Пастырь, над стадом!

Синеалых молний изломы
Плещут крыльями, как гневные птицы.
Прогремят многотрубные громы,
Долу велят склониться.

И презрительно туча минует,
Взыскуя нив не залятых,
Где сожгли уже свечку страстную
В темных, пугливых хатах.

XXII. Напрасно

Колючей молнией венчанное Чело
Точило кровь с высот... Печальный, тихий дождь
Багрил поля. Сквозь желоба несло
Рубинную струю. И мы зывали: «Вождь!
Божественная жертва! За тобой
Все потечем... Незреченный час!
Покинем очаги и бледною толпой
Все устремимся на призывный глас!»

Пролился тихий дождь. И огненный закат
На клочьях сизых туч гневливо трепетал,
И сладкий свет надоблачных лампад
Блеснул – и ночь сошла... И каждый засыпал!
А поутру докучный, белый свет,
Как бич, сгонял к заботам и трудам.
И дню угасшему мы говорили: «Нет!
Ты был ли там? Нет! Как верить облакам?»

XXIII. Сораспятые

Горькая складка скривила уста.
Кровь пролилась на ланиты.
– «Если Ты – Бог, сойди со креста!
С нами вместе сойди Ты»...

Мертвенно тело на древе, – в ночи
Руки так бледны, так хилы.
Слабо у Лика струятся лучи;
Тлея, мерцают, унылы.

– «Ветру ли славу Твою унести?
Ночь ли украдет победу?
Вместе по крестному шли мы пути,
Ты не поможешь соседу?»

Или погибнем, пройдем без следа?
Будут злодейства – забыты?
Если Ты – Бог, сойди со креста!
С нами вместе сойди Ты!»

XXIV. Эолова арфа

Ты, да ветер, да арфа эолова
На столбе, в голубой вышине.
Тяжко дремлется... Мало веселого!
Как в горячечном пышет огне

Изнемогшая степь. Трескотание
Замирает усталых цикад.
И растет, искушая, стенание,
Оловянные петли звенят...

Через степь, через степь дымносерую
Преклоняется нудный быльняк...
Нынче горестно в Господа верую:
Нынче Бог – будто тот же бедняк.

На крыльце прикорнул Он у хижины,
Загляделся в бесплодную степь...
И, к Предвечному странно приближены,
Все влекут бесконечную цепь:

Ты, да ветер, да арфа эолова...
Ах, уснуть бы, уснуть... Не могу!
Затомила коробка из олова:
Топором бы хватил по столбу!

XXV. В недрах

Плесень по сводам, осклизлые стены.
И рудокоп, ночью и днем,
С чахлым огнем.
Вянушим, тающим, – в долгие смены
Медленным мерно стучит молотком...

Кони понурые вдоль галереи
Гулко катят груды камней.
Окрики: гей!
Плавно дрожат седоватые шеи,
Вислые губы темничных коней.

Словно над гробом, поют молотками...
Слышишь удар? То динамит
Скалы громит.
Цепи тележек бегут за конями.
Снова и снова гремит и гремит.

Мнится, рассядет утроба земная.
Дух заняло... В глубях земли –
В желтой пыли –
Скорбные тени, огнями качая,
Двигутся, движутся. Мимо. Прошли...

XXVI. В музее

Зародыши людей! примите мой привет,
Бессмертные в спирту, меж кукол восковых,
Желудком пьяницы (что тоже много лет
Черпал бессмертие из чарок огневых) –

И слепком гнусных язв, карающих пороки!..
Зародыши людей! я знаю: ваша пыль
Мрачит лазурный день, и сточных труб поток
Подземной Летой мчит неявленную быль...

Миры планетные, безумною пятой
Низринутые в мрак и хаос сил слепых!
Здесь, рядом с женщиной, сообщницей больной,
Я вас приветствую меж кукол восковых.

XXVII. Колеса

*И колеса кругом были полны очей.
Иезекиил, X, 12*

Сон молнийный духовидца
Жаждет выявиться миру.
О, безмысленные лица!
О, разумные колеса!

Ткут червонную порфиру.
Серо-бледны, смотрят косо.
И под гул я строю лиру...
За ударом мчатся нити.

И на лицах нет вопроса,
И не скажут об обиде.
И зубчатые колеса
Поцелуев вязких ищут.

На железный бег смотрите!
Челноки, как бесы, рыщут.
Напевая дикой прыти,
Свиристит стальная птица.

Рычаги, качаясь, свищут.
Реют крылья духовидца.

XXVIII. Да и нет

В.В. Розанову

I. «Художник, женщина и солнце! Вам дано...»

Художник, женщина и солнце! Вам дано
Родить... Вы матери, о Трое!
Художник, кисть твоя! Вот солнце золотое,
Освободясь от туч, ударило в окно.
Покров упал. Сияньем залита,
Нагая плоть безгрешна, как мечта.

II. «Вглядись во мрак, печальный богомаз...»

Вглядись во мрак, печальный богомаз.
Кто здесь с тобой средь кельи омертвелой?
Бросай же камнем в этот призрак белый!
Но ты в смятении... – не отводишь глаз
И руки тянешь к ней – и только лишь

«Будь проклята» молитвенно гласишь.

XXIX. «Зову тебя в воды хрустальные...»

Зову тебя в воды хрустальные,
К безгрешным объятьям маню.
Засмотрятся ивы печальные
На белую тайну твою.

Ты в брызгах идешь, окропленная,
И ты высока под луной,
Навстречу любви устремленная,
Подхвачена синей волной.

Плывем мы, как духи бесплотные.
И ты далека в глубине.
Гляди – огонечки болотные
Кивают нам, будто во сне.

И ластились руки воздушные...
И был неподкупен хрусталь...
А страсти, как дети послушные,
Глубоко таили печаль.

XXX. «Явлен знак. На персях напишу я...»

Явлен знак. На персях напишу я:
– Ты моя. Не быть тебе с другим. –
И запястьем окружу десную,
Пламенеющим, тройным.

Кандалы любви, свяжите ноги,
Чтоб измене жало разрубить.
И ключами зазвоню я, строгий, –
У темницы любо мне бродить.

Ты жива ли, умерла ль, не знаю.
Стой ли то, иль капля с потолка?
Цепь ключей к губам я прижимаю,
Грудь сжигает сладкая тоска...

Нет! О, нет! К себе тебя ревную!
Пусть ключи летят в туман морской...
Как на грудь, паду на дверь стальную...
Слышишь плача смертного прибор?

Это я. Мой череп о засовы
Бьется, бледный, а в руках дрожит
Связка роз, и мой костяк суровый

Страсть твою, как прежде, сторожит.

Через скважину проникнут взоры
Двух орбит, где ночи глубина...
Но в мой дух, что передвинет горы,
Верю – ты на вечность влюблена.

XXXI. Искусителю

Печать Антихриста – червонная звезда –
Горит на лбу твоём, возвышенном и ясном.
И луч певуч, и поднята мечта
Глаголом пышно–сладострастным.

– «Ко мне, ко мне – в запечатленный круг.
Наш легок пляс, а губы – язвы неги.
Мой миг велик, и нет разлук и мук
Тому, кто смел в последнем беге». –

Соблазны древние! О, памяти моей
Полуистертые, разбитые скрижали...
И зов веков, и вещей змей страстей, –
Завитые, скользящие спирали.

Печать Антихриста! Иуда! Страшный суд!
Всё та же ты, – икона Византии.
Но ярче твой огонь. – Сердца куют и жгут...
О, мудрецы!.. Рабы глухонемые!

XXXII. Маги

I. «Мы – цари. Жезлом державным»

Мы – цари. Жезлом державным
Крепко выи пригибаем
Своенравным.

Нашей воле двигать звенья
Цепи мира вправо, влево
Наслажденье.

Корабли несут нам дани:
Амбру, золото и пурпур.
Взмах лишь длани –

Мерно в бубны ударяя,
Хор плясуний легких вьется...
Девой рая

Будет та, что перст укажет:
Улыбнется
И к ногам владыки ляжет.

II. «Мы – цари. В венцах с жезлами...»

Мы – цари. В венцах с жезлами
Мы идем в пустыню грезить
Под звездами.

И столицу забываем,
Забываем блеск престольный
И внимаем.

Речи праведных созвездий,
Головой склоняясь на камень:
Нет в них лести!..

Там короной драгоценной
Из ключей черпаем воду –
Дар бесценный.

И, торжественные маги,
Пьем свободу,
Как забвенные бродяги.

XXXIII. Барельеф

Пока на льва Сарданапал
С копьем в руках в рдяным оком,
Напрягши мышцы, наступал,
И зверь кидался и стонал
И падал, пораженный роком, —

В опочивальне смутных грезь
Царица тихо распускала,
Как знамя грусти, траур кос,
И чаши увлажненных роз
К грудям пылающим склоняла...

Далекий рёв! Предсмертный рёв!
И плеск, и буйственные клики...
Но неподвижен и суров,
Подъят над спинами рабов
Чернобородый лик владыки.

Внесли... Поникни головой,
Склонись, поздравь царя с победой,
Да примет кубок золотой, —
И пурпур губ его отведай,
Закрывшись бледною фатой.

XXXIV. Херувимы

I. «Херувимы Ассирии, быки крылатые...»

Херувимы Ассирии, быки крылатые,
Бородатые,
Возникают из пыли веков.
Железо лопаты, как резец ваятеля,
Чародателя,
Возрождает забвенных богов.
Херувимы крылатые – камень питания
Высшего знания, –
Из пыли веков
Двинулись ратью на новых богов.

II. «Вашу правду несете вы, пращурьы древние...»

Вашу правду несете вы, пращурьы древние,
Херувимы Ассирии,
Ответ человека на пламенный зов Божества.

Был час – и на камне

Почила Рука и руку искала:

Вы – встреча двух дланей,

Вы – их пожатые.

Привет вам, быки круторогие,

С лицом человечески–хмурым глядите!

XXXV. Сфинкс

Каменным когтем на грудь наступил.
Шествовал мимо и грузной стопой
Тронул, свалил.
Орошались уста ярко-рдяной струей:
Сфинкс проходил.

Шествовал мимо божественный зверь,
Белые очи в безбрежность ушли.
Лапой смахнул, – и в кровавой пыли
Пал я теперь.

Белые очи в глубинах скользят,
Поднят к далеким и чуждым мирам
Льдистый их взгляд.
Лапы по теплым ступают грудям,
Кости хрустят.

Лапы по рдяным ступают цветам.
Тронули, – вот под пятой я расцвел...
Сфинкс, устремляясь к безбрежным векам,
Мимо прошел.

XXXVI. Я холоден

О, если бы ты был холоден или горяч!
Апокалипсис, гл. 3, 15.

Отверзи мне двери, те, что я не открыл –
Оттого, что заржавели петли, – не было сил.

Заржавели петли от холодных дождей...
От людей, что Ты дал мне, – от слез людей!

Людей, что Ты дал мне, – я их не любил.
Из сладостной Книги был ближний мне мил.

Из сладостной Книги я много читал.
Мне за это отверзи. Я устал...

Душа моя – льдина, до костей я застыл.
Открой хоть за то мне, что я не открыл!

XXXVII. С дороги

Белый храм родной моей деревни,
Я любил тебя – издалека.
Забелеешь – бубенцы напевней,
И прошла дорожная тоска.

Ранним мартом, меж туманов сизых,
Мне подснежник грезился в тебе,
Что раскрылся, как весенней вызов,
Беззаботно брошенный судьбе.

А дорога прилипала к спицам,
Чтобы миг желанный оттянуть,
Чтобы счастья дробные крупницы
Вихрем встреч бездумно не смахнуть.

Поворот. Резвее скачут кони.
Рига. Сад. И дом за ним родной.
А уж храм забыть на тихом склоне,
Как цветок, оборванный рукой.

XXXVIII. Тоска

Вот он, старинный зал, где фикусы всё те же,
Так неизменны под кривым ножом, –
(Десятки лет он им вершины режет).
Вот он, старинный зал, где бегал я мальцом
С квадрата на квадрат паркетный вперепрыжку...
Вощенный пол скользил под резвою ногой,
И, стульев чопорных наруша строгий строй,
Здесь с братьями играл я в кошку–мышку,
Но чаще с бледной маленькой Тоской.

Она была – как кукла восковая,
Невелика. И в локонах. С лицом
Неизъяснимо сладким. Золотая
Коронка высилась над выпуклым челом, –
Челом упрямыцы... И, правда, ты упряма
Была, и нудила: «Играй со иной. С одной.
О них не думай... Будь для них – немой.
Засохнуть фикусы. Остынет папа, мама.
Изменят братья. – Но всегда ты мой». –

И крепко, крепко шею обнимали
Мне ручки тонкие. И больно было мне,
И радостно. И в горле замирали
Рыдания бурные... И мчались мы по зале!..
И поздно, ввечеру, при сладостной луне,

Я крался с ней по дремлющим покоем.
Звенел хрусталь в шандалах голубых.
От жардиньерок розой и левкоем
Тянуло слабо... И в ушах моих
Был топот тихий. В тайную беседу
Вступали мы. Хотелось воскресить
Забывтый мир... крылатую планету,
Где можно, не стыдясь, обнять, любить...
И тени фикусов тянулись по паркету.

Вот он, всё тот же, мой старинный зал,
Где фикусы по кадкам, точно мумий
Иссохший ряд... Где я с тобой играл!
Ты подросла. Тоска... Темнее и угрюмей
Твои глаза. Но также и теперь
Желанна ты, и мне не изменила.
Я на балкон открыл широко дверь...
Луна высокая и белая царила
Над елями... Как прежде, так теперь!
И те же ветхие, бестрепетные ели
С крестообразными вершинками у звезд...
Как будто мимо годы пролетели,
Как будто мало град, и снег, и бремя гнезд
Над мшистыми ветвями тяготели...

XXXIX. Мяч

Давно—давно, в беспечной суматохе
Ребятчих игр, кружась меж детей,
Лиловым вечером плененных тополей
Ловил я тайные, прерывистые вздохи.

Их тень, как исполин, бежала на меня
И падала к ногам, как исполин сраженный!
И вдруг глаза мои слезою затаенной
Туманились. Дыхание огня
Чела касалось. Я игры шумливой
Законы строгие внезапно забывал,
И мимо рук моих далече улетал
Свистящий мяч... Я слышу переливы
Дразнящих голосов, и смеха яркий звук
Бесславное мое венчает поражение!..
И жалко было тех, но смутное томленье,
Как первый вестник отдаленных мук,
Хватало сердце тонкими когтями...

О, глупый, старый мяч! Игра сплетенных воль!
Не бреди ребяческую боль:
Ты пролетишь над праздными руками!

XL. Возле елки

В шумной зале, где играли
Возле елки освещенной, –
Как дриада, в чаше сада,
Меж ветвей смеялась Нелли.

Мы глядели, как блестели
Золоченые орехи,
И глазами, что огнями,
Обожгли друг другу сердце.

Вся краснея и робея,
«Навсегда!» – она сказала.
Это слово было ново... –
«Навсегда!» – я ей ответил.

И, с улыбкой, вдруг, ошибкой,
Мы устами повстречались...
А вокруг елки были толки,
Что... играть мы не умеем.

XLI. «Мы носились на гигантах...»

М. Б.

Мы носились на гигантах.
Мы кружили до усталости.
В ваших косах, в ваших бантах
Были зовы сладкой алости.

Эти косы, эти змеи, –
Две змеи в игре стремительной, –
Разбегались все смелее,
Заплетались упоительней.

С обнаженными ногами,
Нежным хохотом дразнящие,
Два амура между нами,
На одном кресте висящие,

В синем бархате витали,
Златокудрые, воздушные...
Отдаляли и сближали
И свергались, простодушные.

И гвоздик кровавых гряды
Замутились, благовонные.
И не знали мы, что взгляды

Наши встретились – влюбленные.

XLII. На пасхе

«Христос воскрес!» – Потупилась она.
Зардела вся, как утренняя зорька...
Но неотступен он, и – сладко или горько, –
«Воистину» пролепетать должна.
Уста сомкнулись в гресе поцелуя.
И думают...

Она по–своему: «зачем
Когда я жажду слов, он, как заклятый, нем?
Он имени Любви не произносить все...
Он ждет... Чего? Я понимать должна:
Страшит грядущее... Но как бы я любила!
Я сердца первоцвет, как тайну, сохранила...»

А он по–своему: «мила, но холодна».

XLIII. Божья коровка

«Лети туда, где суженый живет!»
Шепнула ты, – и божия коровка
По белым пальчикам забегала неловко.
Мигнула, поднялась... Слежу ее полет.

Над синевой реки чуть видная краснеет.
Слабеют крылышки... Она не долетит!
Твой взор, насмешливый и ласковый, горит,
И ветерок кудрями тихо веет...

За ней, за ней летят твои мечты,
Ты счастья ждешь. – А божия коровка
Уж тонет... Грустно мне. Но радостно плутовка
Смеется, светлая: «как легковерен ты!»

XLIV. Встреча

В стекла кареты твоей заглянули
Солнцеподобные желтые лики
И, лепестками качая, кивнули, –
И на шелку перекинулись блики.

Ты пробудилась, ты вздрогнула. Мигом
Окна спустила, в поле вдыхала...
И, отвечая подсолнечным ликам,
Белым платочком приветно махала.

Встретилась в тряской телеге молодка.
Барышню мимо, дивясь, пропустила.
Стан над подсолнухом выгнулся четко.
Желтую голову ловко сломила.

XLV. «Наши тени на снегах...»

Наши тени на снегах
Закачались, закивали.
Месяц – в бледных кружевах
Лик утонченной печали.

По межам бурьян горит
Переливными огнями;
Вдалеке как бы висит
Лес застывшими клубами.

Мы восходим на бугор,
Где сугроб завился башней.
Продолжаем разговор –
Неоконченный вчерашний.

Месяц в тонких кружевах
Мудрый череп преклоняет,
И признание на губах
Так красиво замерзает.

И когда мы разошлись
Каждый с чуждыми мечтами,
Наши тени обнялись
И кружились над снегами...

XLVI. Старые девушки

I. «Повесть немая о тягостной страде...»

Повесть немая о тягостной страде
Жалко загубленных дней –
Осеребренные белые пряди
В пышной прическе твоей.

Выпала чаша из рук золотая
И, убегая, звенит...
В дрожи пугливой руки прочитаю:
«Кто позабыл – позабыть».

Тайны коснусь я, тревожный и чуткий;
Что не прочту – допоют
Голуби пленные с пестрою грудкой, –
Девичьей спальни уют.

Жгучей пустыней Египта святого
Вспоена горькая трель.
Нежно воркуют, – и тайна бывшего –
Как золотая свирель.

II. «Ты любила стихи и была горбатая...»

Ты любила стихи и была горбатая.
Были резкие тени на желтом лице.
И часто мечтала ты, с тайной усладою,
О бале блестящем и жемчужном венце.

Ты днем закрывала ставень скрипучий,
Жалобно читала, запрокинув чело;
Вдруг голос твой крепнул и лился так жгуче,
И рука поднималась, дрожа как крыло.

А мы шли к окошку подсмотреть, поглумиться,
Ловили сквозь щели обезумевший глаз...
Но всё же ты пленной казалась царицей,
И наш смех срывался, фальшивил и гас.

И, бывало, мы видели в ночи грозóвые –
Появлялась ты белая на ветхом крыльце;
И казалось: ты вышла под зарницы лиловые
С блестящего бала в жемчужном венце.

XLVII. «Номер тринадцатый наша каюта...»

Номер тринадцатый наша каюта:
Нам хорошо, но и жутко...
Мы так смеемся, так веселы, будто
Вовсе лишились рассудка.

Мы обручальные кольца снимали,
Надписи в кольцах читали;
В бледном, тревожном раздумьи смолкали,
Мысли, как чайки, летали...

Вышли на палубу. Ветер порывом
Рвал наши речи на клочья.
Белый платок в исступленьи красивом...
Плакали синие очи.

Ждали ограды... великого чуда!
Волны всё выше вставали.
– Номер тринадцатый ваша каюта, –
Пенясь, нам злые бросали.

XLVIII. «Мышь ворвалась к нам летучая...»

Мышь ворвалась к нам летучая,
К белому платью заманена...
Вот и дождался я случая:
Жутью ты в сердце ужалена!

Звякнет у люстры... По зеркалу
Вдруг соскользнет – и замечется!
В сумраке сладостно меркнуло
Белое платье прелестницы.

Низко над грудью взволнованной
Цепкие крылья проносятся...
Сердце забьется по-новому, –
К новому сердце запросится.

XLIX. У себя

Я не знаю лучшего:
Сумрак голубой,
Лунный трепет Тютчева
Льется под рукой;

Золотыми косами
Заплело окно;
И шумит березами
Ветер про одно, –

Про одно, забытое,
Что нельзя забыть,
Про одно, изжитое,
Что нельзя изжить...

И ласкаю пальцами
Лунные листы.
И в тени за пяльцами
Улыбнешься ты.

Л. Голубятник

Когда в закатный час, к лазури,
Над сизой головой твоей,
Ты бросишь к небу голубей
И смотришь вверх, глаза сощуря,
На осветленный хоровод,
А с колоколен позлащенных,
Как в медь, в сердца неуголенных
Гудящий колокол забьет,
И тряпка белая взовьется
На палке в старческих руках, –
Я мыслю: всё пройдет как прах,
Но этот вечер помянется...
Пусть немые рабские уста.
Твоя молитва, в плоть одета,
На белых крыльях, в струях света,
Кружа, взлетит к Нему – туда.

II. Апрель

Лазурные цветы по зыби облаков,
С отливами то жемчуга, то стали,
Сырые ветры резво гнали
От южных берегов.

Размытым логом буйно убегали
Дубовые листы, вися до облаков.
И вешний день, то светел, то суров,
Играл кинжалом вороненой стали.

Резнет клинок, внезапен и суров, –
И прячется в ножны, чтоб снова расцветали,
Росли и множились, плелись и убегали
Лазурные цветы над сучьями дубов.

И там, где синие гирлянды расцветали,
Курлыкая под зыбью облаков,
Как буквы двух божественных стихов,
Равнялись журавли и рифму окликали.

ЛII. «Капал дождик с шатких веток...»

Капал дождик с шатких веток,
А уж звезды просияли,
Беглым тучкам напоследок
Ласки тайные шептали.

Что шептали, что открыли,
Не слышать в моей лощине, –
Но светлее тучки плыли
Через свод сафирно–синий.

Но как знак – как знак ответный –
Длани тонкие метали
И, облекшись в саван бледный,
Улыбались – умирали.

ЛШ. «Зеленя разбегались, струились...»

Зеленя разбегались, струились,
Справа, слева, – далёко, далёко...
И я видел, как былки молились
Расцветающей Розе востока.

Замирали, прилежно склоняясь,
Повторяли тропарь хвалебный,
Призывали на хрупкую завязь
Дождик ласковый и целебный.

И о росте молились безбольном,
О подъеме над матерью черной,
Чтобы колос развился привольно,
Чтоб налились янтарные зерна.

О кончине покорной гласили
Под косой, чьи размахи велики...
И от Розы небесной сходили
На склоненных святые языки.

LIV. Беглые строфы

Небо заткано мелким узором, –
Облака высоки и недвижны.
Будто лилия, солнце за ними
Хрупкой чашей сквозит и мерцает.

Забурело поблеклое жнивье.
Зеленеет и стелется озимь.
И порхающий ветер лепечет
Однозвучные белые строфы.

Разыгрались грачи. Ниспадая,
Загудят, словно рокот прилива,
И поднимутся снова, и реют,
На невидимых волнах качаясь...

Мнится, будто сию и гляжу я
В мой альбом, где все лица – родные,
Под наивной гравюрой, старинной,
Одноцветной, как серое небо.

LV. В лесу

I. «Утро раннее в красных огнях...»

Утро раннее в красных огнях.
Серебром и румянцем сугробы горят,
И в еловом лесу, на тяжелых ветвях,
Ледяные мечи в переливах дрожат.
Сном окованный
На заре искрометного белого дня.

Темносиние тени кругом
Полегли неподвижной зубчатой каймой.
У опушки, скрываясь густым лозняком,
Волчий след потянул... Вот другой.
И в лощину два следа спускаются
И сплетаются
И бегут, хоронясь от стрельчатых лучей.

Отгорая, тускнеет восход.
Слышен по лесу звучный топор:
Рубят старую сосну, и глухо поет
Похоронную песню встревоженный бор.
Вьются вихри, как духи бесплотные,
Перелетные

На заре ослепительно–яркого дня.

II. «Оттепель. С длинных сосулек сбегая...»

Оттепель. С длинных сосулек сбегая,
Капля за каплей бежит, напевая.
Серо и сыро. В косматом лесу
Гулко рокочат высокие кроны.
Смутно пророчат, – и нежные звоны
В сердце больном я покорно несую.

Эти печальные, сладкие звоны...
Жалобный крик пролетевшей вороны
И безнадежная зелень хвои!
Оцепенение и содрогание,
Жизни прощение, смерти лобзание –
Лед, – это слезы твои!

LVI. Виноград

Я насаждал виноградные тонкие лозы.
Я поливал их, роняя любовные слезы.

Зыбкие листья тихонько руками колебля,
Я выпрямлял, воздвигал побледневшие стебли.

С жаром и холодом бился, – прожорливой птице
Ставил силки, и капканы лукавой лисице...

Диво ли в том, что теперь, упоенный струею,
Сплю и царицу мою обнимаю мечтою?

Диво ли в том, что мой хмель так разымчив и светел,
Что виноград за любовь мне любовью ответил?

LVII. «Образы любимые, что сердце перетрогало...»

Образы любимые, что сердце перетрогало,
Измололись жерновом, потеряли связь.
Я с руки взволнованной отпускаю сокола,
Я застыл, Восходу алому дивясь...

Вот он стаю гонит, высоко заброшенный.
Знал я этих томных, лживых лебедей!
Старая лебедка падает, подкошена,
Мертвая покоится на груди моей.

Выше взмыл стремительный, тучами овеванный.
С птицей–Рок схватился. Птица–Рок страшит...
Побеждай, о сокол, сердцем возлелеянный,
Кровью лучшей вспоенный – кровных обид!

И глаза смежаются, солнцем ослепленные...
Там под жгучим оком вершится бой!
И завяло сердце, мукой пораженное,
И маню заступника – мертвой рукой.

Уединенный дол. Вторая книга стихов. (М.: Мусагет, 1914) Далекий брег

I. Медальоны. Цикл сонетов

Далекий, возделенный брег!
Пушкин

1. Святой Франциск

Когда я пал так безнадежно низко,
Что взор Христа страшуся повстречать, –
Хочу рукой слабеющей достать
До ризы бедной нежного Франциска.

Так тленный глаз от солнечного диска
К его лучам спешит перебежать;
Когда – в разлуке – милой не обнять,
Так сладостна – любовная записка.

Друг нищих душ, о младший брат Христов,

Ты не забыл ни пташек, ни волков,
Скитаясь меж бездомных лаззарони;

И даже злую плоть, что распинал,
В предсмертный час улыбкой ты ласкал,
Соединив пронзенные ладони.

2. МИЛЬТОН

Как сладко грезить мне, что, вспенив море,
Я посету туманный Альбион,
Где состязались мудро виг и тори,
И даже бури ведали закон!

Мечтать в ночи о важном разговоре
Вестминстерских часов, – услыша звон, –
И о гробнице в лавровом уборе,
Где имя гордое прочту: *Мильтон*.

А ниже: Бард, или еще: *Свобода*.
И ясен мир заморского народа,
И как приближен дальний этот край!

Бестрепетный, железный пуританин,
Я верую в твой *возвращенный рай*,
Где даже дух твой – вечный Англичанин.

3. Паскаль

На лоб твой геометра полагая
Венок из терний, – вещую печаль,
Смирясь, умирил ты, Блэз Паскаль!
Пусть бездны зев грозит тебе, зияя, –

Пронзенная Десница всеблагая
Коснулась глаз твоих, и дальний Граль
Провидел ты и лобызал скрижаль,
Еще горящую огнем Синая.

А в час отдохновений и побед
Вручал тебе свой циркуль Архимед,
И дух живил предвечный Архитектор;

Склонясь к листу, ты числил и чертил,
Но под пером твоим малейший сектор
О таинстве распятий говорил.

4. Сведенборг

Едва теснины дольные расторг
Твой жгучий глаз и в далях безымянных
Витал, – скажи, избранный от избранных,

Кто о тебе подьял последний торг?

Кто, охмелевший бездной Сведенборг,
Встречал тебя на скалах перевозанных, –
Денница ли с изгибом уст желанных,
Сулящий в дар свой ледяной восторг?

Как отвечал ты Князю искушений,
Воздвигнутый горе, к иным кругам
В обители лазоревых видений?

Но голос твой, завещанный векам,
Звучит темно и глухо о святыне,
Как колокол, затопленный в пучине.

5. Калиостро

Спеша из края в край в раскрашенной карете,
Как кожу гибкий змей, меняя имена
И жесты важные, – Маэстро и жена,
Лоренца лживая, несутся к дальней мете.

Великий Кофта ли в пурпуровом берете,
Граф Феникс в бархате, – быть может, Сатана? –
Он сыплет золотом и зельями, – она
Глазами жгучими влечет в иные сети.

И золото всех стран за райский Пентагон
Рекой стекается и, нимбом окружен,
Ты – чудо сам себе, волшебник Калиостро!

Но, чу! рожок звенит... Толпа ливрейных слуг
Снует бездельная... И мчит тебя, сам–друг,
Карета шестерней, малеванная пестро.

6. Бальзак

Огромный Оноре! плечом циклопа
Покорно принял ты, как дар от муз,
Седых камней неизреченный груз,
Отторгнутых могуществом потопа.

Ты храм воздвиг, – но дряхлая Европа
Змеей бежит пророчественных уз:
Богам из глины молится француз
С позорным сладострастием холопа.

До наших дней непонятый чудак,
Как хороша твоих созданий свита:
Ведун Ламберт и томный Растиньяк,

И лик свирепый красного бандита!
Но слаще всех, возвышенный Бальзак,
Твой андрогин крылатый – Серафита.

II. Орлы

Где будет труп, там соберутся орлы.
Матф. 24, 28; Луки 17, 37

На бледный труп от льдистой мглы,
С бесплодных гор, ширяя, канут
Широковейные орлы
И, веки приподняв, заглянут
В безжизненный зрачок... И вот,
Пророча воскресенье персти,
Орел седой, ярься, клюет
Из окровавленных отверстий.
Глаза, что в грозный день Суда,
Восхищены от пасти орлей,
Уж не померкнут никогда, —
Скользят в ненасытимом горле.

И ждут косматые орлы
Обряда темного свершенья;
Глядят, нахмурены и злы,
На первое преображенья.
Их дрогнут крылья, чуть старик
Вонзит меж ребер клюв согбенный,
И горд и буен будет клик,
Когда из груди вожденной
Ужасный повлечет комок

И когтем над орлами вскинет,
Да клюва алчного не минет
Пустой бессмертного чертог.

III. Памяти Н. Ф. Федорова

1. «С каким безумием почтил ты человека...»

С каким безумием почтил ты человека,
Как жутко высоко ты длань его занес,
Ты, вещий и святой старик–библиотекарь,
Кротчайший из людей и повелитель гроз!

В убогой комнате, зарями золотыми,
Когда Москва спала, а Кремль был нежно–ал,
Листы дрожащие, непонятый алхимик,
Реченьем пурпура и крови покрывал.

Как зыбким ладаном, овеянный отцами,
Сын человеческий, сыновством ты болел;
И выкрикал, трубя над горными мирами,
Аскет и праведник, – бессмертье грешных тел!

2. Заставка

Высокий серый крест... У мшистого подножья

Желтеет тускло шар на скрещенных костях.
Вдали – гряда холмов. А сверху: *Нива Божья*.
Славянской вязию гласит поблеклый стяг.

Адамов череп там возник из бренной персти,
Но в ужасе глазниц подъята тьма гробов:
Так когти льдистые владычной древней смерти
Еще свирепее под молотом веков!

Эдема бедный Царь, на дне времен не ты ли,
Как божий сын, сиял в безгрешной нагоде,
И то тебя – Тебя – нагого пригвоздили
Твои сыны, вверху, на сером том кресте?

...А там холмы, холмы... И сверху: *Нива Божья*,
Вписал Неведомый на полинялый стяг
И опочил, припав у серого подножья,
С нетленной лилией в хладеющих перстах.

IV. Гимн предкам

То верно был монарх, кто взора жадной тягой
Тарпана дикого сдержал привольный лёт;
Чей клич, как первый конь, носился пред ватагой
И заклинал, грозя, и в дальний звал поход.

Нагой среди нагих, седым крылом орлиным
Холодный блеск чела по праву оттенил;
И первый тот венец за первородным сыном
Копьем жестоких битв, не дрогнув, закрепил.

То верно был пророк, кто на костер гудящий,
Кудрявый, радостный, юнейший из костров,
Пролил всю кровь свою и, бледный, пал средь чаши,
Как жертва сладкая для трапезы богов.

Любовь вам, пращурь, чьи трепетные жилы,
Как узы строгие, на хаос налегли,
А сердца рдяный уголь и чресл слепые силы
Вещали тайну солнца и земли.

И это был поэт, кто в темном реве ветра
Ловил крылатую души своей печаль
И звуки первые размеренного метра
Одни, свистящие, любил в тебе, пищаль;

Кто в шее лебеда провидел выгиб лиры,
В кудрях возлюбленной искал поющих струн;
Блуждая по горам, на красные порфиры
Врубил, восторженный, сплетенья первых рун.

И это был поэт, кто крик любви жгучей
Бросал одним волнам песчаных берегов
И слушал перезвон дождя, смеясь под тучей,
И руки простирал за трубами громов.

О, пращуры, когда внимаю бури ропот,
И злоба выюжная кружит отмерший лист,
Мне будто слышится набегов буйный топот
И тяжких ваших стрел неверный, резкий свист.

Не вы ль проносите, овеянные мглами,
Будить и влечь сынов к невиданным огням,
Чтоб кровью жертвенной и гулками струнами
Ваш дух живой отдать иным векам?

V. КОВЫЛЬ

Где только плуг пройдет, ковыль, волшебство степи,
Развеется, как серебристый дым;
И дикая страна немых великолепий
Отступит вглубь, за пастырем своим.

С печальным рокотом встревоженные волны,
За валом вал, спеша, прольют гурты;
Верблюдов проплывут чудовищные челны,
Качая рыжекосмые хребты.

И косяки коней сомкнет гортанным кликом,
Арапником над головой свистя,
Широкоскулый всадник с медным ликом,
Родных степей любимое дитя.

За пыльным облаком, без дум и без желаний,
Исчезнет, как непонятая быль;
И, уходя, свернет ковры бесценных тканей, –
Жемчужный и серебряный ковыль.

VI. Тучи

Есть тучи бурые, как стая злых гиен,
Косматых, мстительных и никогда не сытых,
С промозглым холодом струящих гробный тлен
Своих дыханий ядовитых.

Они приходят в дни грозой чреватых лет,
Когда разгул стихий так хмелен и беспечен,
И ливень, брошенный для варварских побед,
Поникшими полями встречен.

Они приходят к нам, когда, в закатный миг,
Лиловый тусклый диск из щели косо глянет
И в лужи кровь прольет, презрителен и дик,
И в бездну дымчатую канет.

Тогда–то, с севера, на пепельный покров
Нежданно ринется, друг друга обгоняя,
Ватага желтая с оскалом злых клыков,
На бой развернутая стая...

В торговой слободе, по суетным делам,
Тоскующий, я жил, сжигая дни за днями;
Средь жадных прасолов трактирный слушал гам,
Смеясь за водкой и груздями.

Касанья цепких рук, делецкий разговор,
Развинченный орган и этот дым зловонный, –
Весь кем–то для меня придуманный позор, –
Я нес, холодный, непреклонный.

А вечером глядел сквозь потное окно
На небо сизое, на жидкий луч закатный,
На скачку бурых туч, и было мне дано
Раскрыть их символ непонятный.

Они бегут туда, бурно зло прошло,
Где всё ненастьями убито или смято, –
Гиены жадные, – и правят ремесло,
Им предназначенное, – свято.

VII. «Порвался мертвый полог забытья...»

Порвался мертвый полог забытья:
Внезапный ужас сердце ускоряет.
Виски стучат... – Зачем я здесь? Кто – я?
И чья игра из бездны забытья
Меж этих стен, как кость, меня бросает?

С игральной костью сопряженный дух
Восстал, дивясь... И были непривычны
Тень головы, руки и светлый круг
На потолке. И чуждо резал слух
Гудящий бой часов, как зов иноязычный.

Да, – я летел... Я пережил позор...
Рука у сердца, ослепленный взор,
И стыд пылал, как факел, на ланитах.
Склоню колена... Мягче – на ковер.
И глажу перья крыл моих разбитых.

А там?.. Бессилен мозг. Душа молчит.
Разбились, выпали божественные звенья.
Я перья глажу... Нет, крыло не полетит!
Лишь маятник из глубины стучит,
Да серым пеплом сыплется забвенья.

VIII. «Мой хранитель в орлянку играл...»

Мой хранитель в орлянку играл,
И высоко меня он метал.

Выше гор, и лесов, и озер
Поднимался я, весел и скор.

– Будь орел! – он вскричал и замолк;
А другой усмехнулся, как волк.

Выше гор и озер я летел,
Ярче солнца в лазури горел.

– Выбирай. Обретаешь ты власть
Возлететь, устоять или пасть. –

И я – стал... Размышлял... И стрелой
Пал на ниц, повлеченный землей!

И хранитель в смущеньи поник,
Побледнел затуманенный лик.

А другой взял суму, развязал,
Горсть открыл и бездумно мигал.

IX. «Когда Господь метнет меня на землю...»

Когда Господь метнет меня на землю, –
Как кошка блудная о камень мостовой
Ударюсь когтем я и гневный вопль подъямлю;
И, выгибаясь жилистой спиной,
Гляжу к Нему: с улыбкой наблюдает
Мой жалкий вид Господь – и, сумрачен, бреду...
Потом кричу: «Ты прав! Душа моя пылает!
Ты прав!» – кричу в молитвенном бреду.

И смотрит Он. Рука Его подъята,
И я бегу, и на руки Его
Бросаюсь, и ложусь так беззаботно–свято;
И гладит Он меня, лаская: «Каково?»

Х. Водопад

O Mort, vieux capitaine, il est temps! levons l'ancre!

Ce pays nous ennuie, o Mort! Appareillons!

Baudelaire

О волны хмельные, о сосны вещей дремы.
Хоругви строгие зубчатых мудрых елей!
Грозящий гулкий смех, воркующие громы
Зеленых рокотов, алеющих веселий!
Ты, книга бурная псалмов, от века петых,
Меж скал раскрытая на древнем аналое,
Склонись к призывам рук, молитвенно воздетых,
И погаси в груди смятенье роковое...
А нет – благослови на путь к безвестным странам.
Прыжок слепой тоски оплачьте, волны, пеньем;
И, буйные, опав над телом бездыханным,
Пролейтесь благостным заоблачным виденьем!
И, прилетев, ту песнь подхватит хор метелей,
Помчит к горам, кружась от сладостной истомы...
О, волны хмельные, о сосны вещей дремы,
Хоругви строгие зубчатых мудрых елей!

XI. Бескрайный путь. Сонет

Полярными пионами венчана,
Пирует твердь над бледностью снегов,
Над башнями лазоревых дворцов
У берега холодного Мурмана.

Узывный бубен древнего шамана,
Утишь круженье огненных духов!
Олени ждут, и самоед готов, –
И белая приветлива поляна.

Бескраен путь, а нарты так легки!
Мне к небесам, играючи, снежки
Подбросить хочется, – но уж возница

Заносит жердь... Ветвистые рога
Качаются, – и мы летим, как птица,
Взметая вихревые жемчуга.

ХII. Искатели

Вам по плечу и, знаю, нужен
Чудовищный и тяжкий шлем
И трубка гибкая, – затем,
Что вы – искатели жемчужин.

Зовут, манят во мглу пучин
Волшебства зарослей пурпурных,
Лилеи в известковых урнах
И сангвинический дельфин.

Морской конек на ваше пламя
Круглит, дивясь, беззубый рот;
Звезда заденет и падет
И слабо хрустнет под ногами.

И золотистых рыб игра
Овеет вдруг, как лист осенний...
Но уж, виясь из клуба теней,
Плывет змея... Пора, пора!

Под грузом непосильной тяги
Вы рветесь ввысь – к земле родной.
Любовь владычицы морской
Не вам – лукавые бродяги!

Руно червонное кудрей,
Томящий хвост осеребрённый,
И лучший перл – тоски влюбленной
Из бледно–голубых очей –

Тому, кто, с тайной грустью дружен,
Приплыл к ней бледный – наг и нем...
Он презрел этот мудрый шлем,
Вы, похитители жемчужин!

XIII. «Я не искал крутых дорог...»

Я не искал крутых дорог
На обездоленные скалы;
Их очерк был так дивно строг,
Мои шаги – так скорбно малы!

От глетчера поток бежал
И пенился, и голос гневный,
Ударясь с кручи, разрывал
Ручьев долины хор напевный.

И в огненных лучах, зардев,
Свергались, ухая, лавины;
А гром гремит, как ярый лев,
Гремит и бьется о стремнины.

И чей-то исступленный лёт,
Свой путь означа буреломом,
Безмерной скорбью сотрясет
Столетний лес вослед за громом...

Мне не искать святых дорог
На цепенеющие скалы,
Где на заре глядится Бог
В золотосиние кристаллы.

XIV. «Как столб, иссеченный в горах, один, затерян...»

Как столб, иссеченный в горах, один, затерян
У нисходящего пути,
Приказу древнему самозабвенно верен,
Я не могу сойти;

Я не могу сойти в роскошные поляны,
Где труд и пир людской,
Где нивы спелые грустят благоуханны,
Когда спадает зной.

И странен я и дик для вас, бегущих мимо, –
Посмешище и грех, –
Но сердце темное мое неуязвимо,
Сокрытое от всех.

Лишь тот один, кто здесь меня оставил
И пригвоздил пяту,
Тот ведает, что, – против ваших правил, –
Я на моем посту.

XV. «Не люби на земле ни леса, ни луга заливные...»

Не люби на земле ни леса, ни луга заливные, –
Над полями, над бором люби монастырские главы;
Темносиние главы и звезды по ним золотые,
Колокольный отгул и седины затворника–аввы.

Припечатанный лаптем, на звоны бегущий проселок
Где в железах поет юродивый, алкающий боли;
И, белея платками, присела толпа богомолков,
Распуская узлы и грустя про земные недоли.

И над озером тихим, где тянутся братские тони
И огромными хлопьями падают белые птицы,
По–над рокотом пенистых волн, в опрозраченном звоне
Ты услышишь серебряный голос Небесной Царицы.

XVI. Христова невеста

Хрусткой ночью путь—дороженька ведет,
Хрусткой ночью глаз Лукавый не сомкнет.

Ты иди, моя смиренница, иди,
Ничего, душа, не бойся и не жди!

Льдистой ночью исчисляются дела,
Льдистой ночью закаляется стрела.

Непорочная, иди себе да пой —
И жива пройдешь под вражеской стрелой.

Синей ночью сопрягаются пути, —
Синей ночью, одинокая, иди.

А увидишь если беса под кустом,
Огради себя ты Спасовым крестом.

Чуткой ночью замыкается кольцо,
Чуткой ночью открывается лицо.

Ах, не нужно бы, не нужно бы кольца,
Всё идти бы без оглядки, без конца!

Чтоб тропинка да за горы поднялась,

Через звездные узоры повелась...

Зоркой ночью путь—дороженька ведет,
Зоркой ночью глаз Лукавый не сомкнет...

XVII. Скиты

Они горят еще – осколки древней Руси –
В зубцах лесной глуши, в оправе сизых вод,
Где в алый час зари, распятый Иисусе,
Любовный голос Твой и плачет и зовет.

Чуть из конца в конец неизречимый клекот
Небесного Орла прорежет сонный бор
И сосен мачтовых ответит струнный рокот
И запоет в груди разбуженных озер;

И, за свечой свеча, разверзнут очи храмы –
Кругом у алтаря, как черный ряд столпов,
Сойдутся иноки, торжественны и прямы,
Сплетать живую сеть из верных тайне слов.

Там старцы ветхие в священных гробах келий,
Где дышит ладаном, и воском, и смолой,
Уж видят кровь Твою, пролитую сквозь ели,
И воздвигают крест иссохшею рукой.

И в алый час зари, распятый Иисусе,
Как голос Твой томит и манит и зовет
Разрезать плен сердец – к осколкам древней Руси,
К зубцам лесной глуши, к оправе сизых вод,

К сиянью алтарей и чарованиям строгим
Стихир таинственных, чтоб сетью властных слов
Жемчужину любви привлечь к сердцам убогим
Из царства розовых и рдяных облаков.

XVIII. Старцы

Волы священные – Иосиф, Варсонофий, –
Глубоко взрезали вы скитские поля.
И белый – тих и благ, а сизый – тем суровой,
Чем неподатливей заклекая земля.

На жесткий ваш ярем, два сопряженных брата,
В лучистом трепете нисходит крестный знак;
И с ликом огненным божественный Вожатый
К отцовым пажитям ведет ваш мерный шаг.

Две кельи связаны объятьем низких сводов,
Две дружные сестры у нежно-алых врат;
Их окна зрячие, презрев дрему и отдых,
В седую мглу ночей без усталости глядят...

Глядят на дремный бор, что глуше всё и старей,
На перегиб тропы, завитой меж стволов,
Где тихо шествуют Амвросий и Макарий
Прозрачной радугой в лиловый сон снегов.

XIX. Икона

Я не один, когда с таинственной иконы
Предтеча Господа, Архангел окрыленный,
Глазами дикого, пустынного орла
Глядит, пронзительный и острый как стрела,
И в согнутой руке, глася о грозном чуде,
Подъемлет голову кровавую на блюде.
Хладеют сумерки, и желтый вечер строг.
Из скал зазубренных, опоры смуглых ног,
Кривится тощий куст, а у корней, под деревом,
Секира брошена, отточенная Гневом,
И свиток выгнулся, как разъяренный змей,
Готовый броситься в сумятицу людей.

Я не один, когда с крылатым Иоанном
Я, духом пробудясь, пою о несказанном,
И в тихие часы мне, как своя, близка
Меж скал гремящая пустынная тоска,
И пальмы стройные, и волны Иордана,
Где, верую, моя запекшаяся рана
Тобой омоется, а перст укажет твой,
Вдали Идущего с поникшей головой.

На лоне родимой земли

*И распяты копны крестами старинными
На лоне родимой земли...*

I. «Ударил гром. В ночи бездонной...»

Ударил гром. В ночи бездонной,
Раскрыв пурпурные глаза,
На колеснице окрыленной,
Как фурия, летит гроза.

Там – треск осей и ржанье коней,
И бледных грив слепящий взлет;
Здесь – шелест листьев на балконе
И в сердце – жути тонкий лед.

Что ты несешь родимым нивам
Под громыхающей пятой,
Сердцам унылым и пугливым,
Царица ночи боевой?

Ломящий вихрь? Кристаллы градин?
Огонь, что нищий дом сожжет? –
Дать сок от лучших виноградин –

Довлет сердцу в свой черед.

II. Багрянородному

Кремлевый дуб, один ты близ опушки взрос
Широк размах ветвей державных;
Чело кудрявое над лесом ты вознес
И трепет листьев своенравных

Гармонию творит неведомых услад
В часы вечерних откровений,
И пляска легкая доверчивых дриад
У ног твоих колышет тени.

Лесные голуби в развилине суков
Найдут семейственным заботам
Прибежище и мир под сению листов;
Замедлит сойка перелетом

На маковке твоей, лазоревым крылом Кичася...
Безмятежный, строгий,
Ты всем окрест отраден и знаком,
Откроешь всем свои чертоги.

Когда же, в осени, вдруг бурей омрачен,
Воспримешь гневную завесу,
Ты, мнится, сам той бурей порожден
И злую мать бросаешь лесу.

III. Береза

Остановись. Смотри, как хороша сквозная
Игра моих листов... Уж больше сотни лет
Тростинку хрупкую сажал твой грозный дед,
О лаврах боевых мечтательно вздыхая.

И он мне изменил – в двенадцатом году.
А я росла в громах иных, воздушных ратей...
Вы, страсти грозные и взрывы злых проклятий,
Когда металась я в горячечном бреду! –

Я вас осилила!.. Иного поколенья
Неслась ко мне волна – лазурный, нежный сон;
И кроткий человек, осмеян и влюблен,
Лишь мною понятый, бродил, как привиденье...

И ночью вешнею ко мне издалека
Домчалась песнь любви... Как сладко шелестели
Юнейшие меня, и серьги в лад звенели,
А соловей молчал под чарами смычка.

Я выше всех росла и стала я – царица.
Я мантию снегов, мой горностай, люблю.
Приди: моя кора – как чистая страница,
Белей, чем тело жен, – тебе ее даю.

Мой ствол – как столп небес. Я древняя береза.
Я как своей – горда мне близкой синевой;
Но ветвь поникшую родню с твоей мечтой
И трогаю чело, как трепетная греза.

IV. На балконе

Стихи прочитаны, приветы отшумели,
И самовар погас. – Молчи и слушай ночь.
И совы, может быть, про то, что не сумели
Мы воплотить в слова, проплачут нам – точь–в–точь.

Ты слышишь? Вот они, раскатистые кличи,
Где робкая мольба вдруг перельется в смех,
Смех истерический, русалочий – не птичий...
И снова жалоба – на смутный миг утех.

А полночь звездная тиха, – и месяц нежный
На небе выведен, как некий тайный знак;
И шепоты в листьях о доле неизбежной,
О том, что путь любви прорежет злой овраг...

Куда умчало нас? Иль мы не на балконе.
Где недопитый чай и бедный том стихов,
А в мире чудом вдруг открывшихся гармоний
Божественных и музыкальных сов?

V. Иволга

В сады моей страны и хмурые дубровы
Ты солнце тропиков на перьях принесла;
И строгой красоты нарушила основы,
Вся – слиток золота, и уголь – два крыла.

И крик твой радостный волшебною валторной
Как вызов прозвенит, как дерзостная весть,
Что для любви моей медлительно–упорной
Есть солнце жаркое, и счастье тоже есть!

Когда по синеве пологими волнами
Ты мягко кинешься, твой золотистый след
Хочу я задержать широкими глазами,
В душе зарисовать отрадный силуэт.

В сады моей страны и строгие дубровы,
Вся – слиток золота, и уголь – два крыла,
Ты образ женщины любимой принесла,
С ноги заточника снимающей оковы.

VI. «Я пью мой долгий день, лазурный и прохладный...»

Эрнесту Кейхелю

Я пью мой долгий день, лазурный и прохладный,
Где каждый час – как дар и каждый миг – певуч;
И в сердце, трепеща, влетает рдяный луч,
Как птица райская из кущи виноградной.

Я пью мой синий день, как брагу хмелевую
Из чьих–то смуглых рук, склонивших древний жбан.
От утра до зари брожу, смятен и пьян,
И землю под ногой жалею и милую.

И тайно верится, что в струях этой влаги
Отныне и вовек душа не отцветет...
Но тише... Меж дерев – ты слышишь? – Бог идет.
И ветви, заалев, колышатся, как стяги.

VII. Февраль

Уж истошил февраль последние метели, –
Сегодня синева, и солнце, и капли;
И тронули сугроб предвешние лучи.
Иссиня–черные клювастые грачи
Над первой лужицей ступают осторожно.
Крыльцо уж высохло, и сельской деве можно,
Накинув на лицо лазоревый платок,
Без шубки выглянуть на солнечный припек
И поцелуй принять от берегов далеких;
Меж тем, как бережно два парня краснощеких
На долгих поводах проводят у крыльца
В попоне праздничной гнедого жеребца.

VIII. Ранний сев

Лишь воды вешние в оврагах отыграли
И озимь тронулась – прозеленели дали;
И, спячку долгую с трудом преодолев,
Тушканчик выбежал взглянуть на первый сев.
Из деревень, брэнча, съезжают сохи к нивам;
Влекутся бороны, и сосункам пугливым
За кроткой матерью не спрятаться никак;
Спокойней стригуны: их юношеский шаг
Степенен и ленив, а морды, то и дело,
К телеге, где овес, склоняются несмело...

Вот пашня рыхлая. И каждый черный ком
Рассыплется в руках, едва его сожмем...
Соха налажена. Старик проводит лехи.
Севалку поднял сын – не видно ли прорехи;
И, осенив крестом широкий белый лоб,
Рядно отворотил и семена загреб.

IX. «В сизые волны речные юноши, сбросив одежды...»

В сизые волны речные юноши, сбросив одежды
И долгогривых коней метким прыжком оседлав,
Бойко вступают. Храпят боязливо добрые кони,
В брызгах и плесках зыбей мерно копыта взнося.
Там, где студеней бегут родников потаенные струи,
Прянули юноши вдруг, рядом с конями плывут;
Снова и снова взлетают на скользкие зыбкие спины,
С кликом победы лучам стройные кажут тела.
Этот, – могучий плечами, раскинувши смуглые руки,
Ржанью коней подражал, – тот, – горделивый нарцисс, –
Нежной рукой подбочась, заслушался песни далекой,
Рокота первой тоски зорких и ласковых дев.

Х. «Любишь ржавых тростников...»

Любишь ржавых тростников
Полусонное шептанье?
Любишь утренних часов
Золотое одеянье?

Любишь дни, как валуны,
В синь реки бросать без счета?
Любишь степи? Табуны?
Ветер? Шмелей диких соты?..

Любишь – Бог тебя дарит!
Выбирай коня любого, –
Вихрем взвейся... Гул копыт
Сердцу слаще говорит,
Чем докучливое слово.

XI. Вечер

Слышишь ли иволги голос влюбленный
В куще зеленой?
Видишь, как ласточки выют хороводы
В синих просторах Пьянящей свободы?

Трав подрастающих шорох,
Шепоты в чаще цветочной,
Повисшей от неги...
Грохот порожней телеги,
Где, стоя, красотка несется;
За первой – вторая...
И парень смеется,
Скоком ее догоняя, –
Сельских ристаний
Нестройные клики!

Меж тем как багровый, великий
Расточитель желаний,
Могуч и безгрешен,
Трогает ложе земли, лиловой чалмой занавешен...

ХІІ. День тумана

Тихий день тумана струйно–белого
Над рекой, над бором и лугами, –
Передышка лета всепобедного,
Утомленного льстивыми хвалами.

Влажный сноп, оставленный, не вяжется,
Не свистит косы стальное жало.
В праздный день скорей усталость скажется;
И клубы из труб струятся вяло...

Дымка неги вьется над равнинами,
В грезах смерти понижают знаки;
Красный царь с очами соколиными
На охоте позабыл о браке.

Краток отдых лета перед родами
Над рекой, над бором и лугами, –
Сон царицы с синими глазами,
Утомленной хвалебными одами.

ХІІІ. «Тревожен лепет темных верб...»

Тревожен лепет темных верб,
Вздыхает красная пшеница;
Заносит позлащенный серп,
Склонясь, божественная жница...
Час совершений и ущерб!

И колос жизнь предать готов
Янтарной горсти спелых зерен;
И лишь насмешливо упорен
То здесь, то там, – со всех концов, –
Немолчный бой перепелов.

XIV. Казанская. Сонет

И вот они – кануны сельской страды.
Под липняком толчется мошकारа;
И, жарким солнцем залито, с утра
Цветет село, что маков алых гряды.

Владычице мы поклониться рады,
А колокол гудит: пора! пора!
Но смутен лик под ризой серебра
И красными миганьями лампы.

А вечером, при трепете зарниц,
Тревожны взлеты диких, вольных птиц
Над слабо плещущей, заросшей речкой;

И в полумрак малейшей между хат
Заглянешь Ты, – где, возлюбя, почтят
Смиренную копеечную свечкой.

XV. Дрофы

Вы не верите нам... О, как знаете
Вы нас, – дрофы мудрые, сторожкие...
Как будто беспечно гуляете,
А заходите в межи – заросшие.

Вы крылами широкими, мощными
Плеснете – и тихо отходите;
И кругами своими урочными
За собой обманчиво водите.

Наши кони ничуть не страшны вам,
Отвратительны – бледные лица!
Но чужда своевольным порывам
Умудренная степью птица.

Безопасно по жнивью гуляете:
Не дохватят винтовки мелькнувшие...
Вы нас знаете, мудрые, знаете,
Глубже нас в нашу ложь заглянувшие!

XVI. «Я не сменю на вас, возвышенные грезы...»

Я не сменю на вас, возвышенные грезы,
Мой тихий серый день,
И крик сорок, насевших на плетень,
И бедный гул моей березы.

И по тропам спускаюсь я неспешно
К обрыву над рекой.
Парит бездумно взор над сизой чешуей,
А сердце стонет безутешно.

И этот стон, как будто извлеченный
Из гулких тростников,
Растет, подъемлется, – как небо однотонный,
Как полог серых облаков...

XVII. Памятник брата

Ах, верно, мертвецам покоя не найти
И в матери–земле!.. И нет черты заветной:
Твой бедный памятник велели нам снести,
Дождями вымытый твой столбик безответный!

Живым всё места нет... И ветхий сельский храм,
Болея и кряхтя, разверз объятия шире
Таким же, как и он, убогим старикам
И детям ласковым, как ты, уснувший в мире.

Но нет... К тебе стучат, и холмик твой разрыт...
И больно, что ты там, – стенами окруженный,
Что птица ранняя весной не прилетит
К твоей проталинке, пригретой и зеленой.

XVIII. Белые ветки

Колыхались бледные гардины,
Манили блуждать и вздыхать;
Цветом яблонь томились куртины,
Когда умирала мать.

И кукушка золото ковала,
Обещала нам долгий век,
А рука на руке лежала,
И темнели провалы век...

Голосящая нота псалтири,
Огоньки, огоньки – как в бреду,
И мечта, что лучшее в мире –
Это белые ветки в саду.

XIX. «Вы прошли, как листва прошлогодняя...»

Вы прошли, как листва прошлогодняя,
Вы, смиряясь, легли под кресты,
Чтобы внукам дышалось свободнее
И пестрели над тленом цветы.

Чтобы в ночь половодья безлунную
К вам сбегали, журча, ручейки
И, упав на ограду чугунную.
Заплетались две милых руки.

Если вешние стрелы нас маяли,
Нам так любо у тихих отцов,
Что, как снежные куклы, истаяли
На распутии ребячьих годов.

XX. На лоне родимой земли

Близ пруда брожу и пою под осинками,
Репей рассекая хлыстом,
А пруд мне кивает кугой и кувшинками,
Обласканный ранним лучом.

Из чаши лазурной на желтые пажити
Прольется томительный зной;
И миги промчатся – провеяли, скажете,
Стрекозы над рябью стальной.

Вот косы пришли и звенят над равнинами...
Ряды золотые легли;
И распяты копны крестами старинными
На лоне родимой земли.

И миги, сменяясь, промчатся за мигами;
И, жизни свершая чертеж,
Закованный в годы, как в цепи с веригами,
Согбенный ты снова придешь.

Рукой заслоняясь от солнца, с усилием
Поймешь, как осинник подрос;
Опять умилишься над злаком и былием
И свисты почувствуешь кос.

И пруд, изумрудной затянутый ряскою,
Меня загадочный лик,
Покажется вещей и мудрой присказкою
В предсмертный и радостный миг.

Интимные лики

Гр. Алексею Н. Толстому

I. Памяти Фета

У парка дремного, где на заре весенней
Рокочут горлицы среди зеленых теней;
Где в ризе золота, воздушный иерей,
Взывает иволга под куполом ветвей, –
Просторный, белый дом, уютный и прохладный,
Обвитый дикою лозою виноградной,
Как бы расцветенный лирической мечтой,
Лелеял бережно твой вдумчивый покой.
Белели яблони в расчерченных куртинах,
И ранний первоцвет ждал песен соловьиных,
И ждали соловьи, когда ты выйдешь к ним,
Старик болезненный, но с пламенем живым
Неутолимых глаз, влачащий слабо ноги,
И станешь, охватив колонну, на пороге...
Лениво громоздясь, воздушных облак рой
В лазурной высоте проходит над тобой;
Сонливый ветерок, дохнув, на кольцах ржавых
Натянет полотно – и опадет на травах;
И белая твоя взовьется борода

От вздоха жаркого, забывшего года...
Ты в светлой комнате... Твой профиль хищной птицы
Заостренную тень на белые страницы
Бросал, а зайчиков лучистая игра,
Лаская череп твой, скользила у пера;
Меж тем, как радуга из песен восставала
И вещим таинством два мира сопрягала.

II. Утро охотника

Еще тенета паука
Волшебны в бисере росистом;
Еще замглевшая река
Прибережного кулика
Не внемлет перекрестным свистам;

Еще бакчи столетний страж,
Приметив, как подьемлет донце
Подсолнечник, – бредет в шалаш
И проворчит, кряхтя: шабаш!
Оставя караульным солнце.

Деревню лиловатый дым
Волнистым ладаном окурит,
И, прозвоня ведром своим,
Лучом обласкана рдяным,
Молодка томный глаз прищурит; –

А уж псари ведут на двор
Коней, – и ты, степной патриций,
Спешишь, под завыванье свор,
Чтоб кончить твой вчерашний спор
С ушедшей в камыши лисицей!

III. На выборах

С. С. Романовскому

Да здравствует задорный треск шаров
И ящики загадочных избраний;
Мундирный блеск и рокот голосов, –
Внезапный взрыв призывных восклицаний!

Пожатъя рук и сочный поцелуй, –
И на руках взлетает предводитель!
И острый ток шампанских пенных струй
Широко льет румяный победитель.

Я слушать вас любил с досужих хор,
Шумливые российские дворяне.
Смотрю, дивлюсь... Потом слабеет взор, –
Вы там, внизу – в мистическом тумане...

Меж тем со стен, где бледных досок ряд
Златят имен немые вереницы, –
На буйный пир таинственно глядят
Блестящие холодные гробницы.

IV. Дом дедов. Сонет

Ты не для жизни, нет, – для томной мелодрамы
Построенный, стоишь, дощатый серый дом,
Где стекла – в радугах, и покосились рамы
С сердцами по углам, поросшими грибком.

Здесь были до конца меланхоличны дамы...
Как нежно клавесин журчал и пел о *нем*!
Но франты ловкие ловили легче гаммы
Записку жгучую с надушенным платком.

И тонкий аромат красивого порока,
Насквозь провеянный дыханьем злого рока,
Струил трагический и пряный пустоцвет;

И сколько шепотов носилось в темных залах,
Когда оглядывал в раздумьи пистолет
Вивёр, развенчанный усмешкой губок алых!

V. Портрет в кабинете. Сонет

В шлафроке стеганом, над грудью утучненной
Чубук подьемлет он как некий властный жезл;
Десница ж мягкая с истомой полусонной
Качает плавно кисть пурпурную у чресл.

На блеклом бархате резных огромных кресл
Как светел воск лица и череп обнаженный!
А над челом кумир Киприды благосклонной
Восставил друг искусств и судия ремесл.

Припухлые глаза, не ведая печали,
От дней медлительных лазурность потеряли, –
Лишь тлеет искорка в хладеющей золе.

Отец для поселян, а к девам пуще ласков,
Он весь тут до конца. – Прибавьте на столе
Том кожи палевой с тиснением: *Херасков*.

VI. Церковный староста. Сонет

Ты был простой и тихий человек
И в сюртуке ходил ты длиннополом;
Краснел как девушка, детей не сек
И не блистал ни сметкой, ни глаголом.

– Стань ктитором! – тебе однажды рек
Сам протопоп. В молчании тяжелом
Ты сгорбился, потупя пленку век,
Зане ты был смиренным мукомолом.

И двадцать лет по церкви ты бродил
С тарелкой жестяной, покуда сил
Хватало. Колокол, тобой отлитый,

Так сладок в ночь, когда затихнет мир,
Что для тебя, почивший под раkitой,
Он, – верю, – слаще лучших райских лир.

VII. Приказчик

Дорожкой полевой в потертом шарабане
Ты не спеша трусишь... Луга еще в тумане;
Но встал ты вовремя: ты правишь ремесло.
Картуз, надвинутый на хмурое чело,
В рубахе кубовой твой стан отяжелелый,
Степная крепость мышц и шеи загорелой,
В перчатке замшевой огромная рука
И длинный жесткий ус, седеющий слегка,
На грунте желтых нив и неба голубого, –
Как много для меня храните вы родного!
Лошадка круглая, не требуя вожжей,
Бежит размеренно – ни тише, ни скорей.
Ты должен осмотреть порядки полевые:
Потравы нет ли где, идут ли яровые,
Шалют ли овражки; не виден ли жучок...

Телега встретится: соседский мужичок;
Поклон приветливый – и вольная дорога. –
Ты тронешь козырек и поворчишь немного,
Что, в рожь заворотив, погложет как–никак
Клячонка тощая тобой хранимый злак.

На полку едешь ты. Там вольный распорядок.
Подолы подоткнув, рассыпались меж грядок
Девушки шустрые; не молкнет яркий смех...

Мелькнет вдруг молодость и первый сладкий грех,
И первое «люблю» полольщицы–дикарки
В глазах, расширенных как у пугливой ярки,
Что нож почуяла от любящей руки
И блеет и дрожит, исполнена тоски...

И снова никого... Кругом простор да тишь.
Поводья натянув, на пашню ты катишь,
А чибис, вспугнутый над ржавыми лугами,
Кружит и плачется и хлопает крылами...
Уж солнце высоко, и недалек обед.
Ты повернул – домой... Подруга многих лет,
Смирившая твой пыл своей природой прочной,
Завидя шарабан в окошечко молочной,
Поспешно кубаны на ледник отошлет
И, сплющив нос, к стеклу губами припадет.

VIII. Повар

Ходит черный при луне
Таракан по балалайке
И бренчит о старине
Да о белой молодойке.

На плите вода шипит,
Жаром пышет поварская. –
За окном сверчок трещит,
Смотрит звездочка, мигая...

– Спишь ты, старый? – И стучат
Девки шустрые в окошко.
За картинами шуршат
Прусаки... Мяучит кошка.

Замирает при луне
Таракан на грустных струнах,
И бежит по седине
Серебро от струек лунных...

Ну, играй же, таракан!
Запляши на балалайке!
– «Ночь раскрыла сарафан,
Светят груди молодойки!»

Богини

I. Богини

Их было две по сторонам балкона,
Отрытые из древнего кургана,
Две бабы каменных, широкоскулых
И с плоским носом – две огромных глыбы,
Запечатлевших скифский вещий дух.
И милый дом, восставшие от праха,
Вы сторожили, мощные богини,
С улыбкой простоватой и жестокой
На треснувших, обветренных губах...

Одна была постарше, с вислой грудью.
Ее черты казались стерты влагой:
Быть может, сам великий, синий Днепр
Ее терзал в порыве покаянном, –
Владычицу греховную зачатий, –
И мчал к морям, с порога на порог.
Другая, юная, еще хранила облик
Девический; граненых ожерелий
Тройная нить ей обнимала шею,
Округлую и тяжкую, как столп.

О, серый камень, как томил ты дивно
Ваятеля, – как мучил он тебя,
Чтобы мечту пылающих ночей
Привлечь к твоим шероховатым граням!
Когда ко мне прекрасная хозяйка.
Чуть улыбаясь, шла с балкона, в блузе
И пышных локонах, кивая головой,
И становилась, опершись на плечи
Одной из двух таинственных богинь, –
О, что тогда в груди моей кипело...
Я слышал речь ее, с едва заметным
Акцентом польским, целовал персты
И увлекал от каменных чудовищ
К террасе, завитой плющом тенистым...
А там, внизу, они стояли грузно,
И каменные плечи их серели
Непобедимой, вечной, мертвой мощью...

II. В осьмнадцать лет

В мой городок из северной столицы
Глухой, метельной ночью я скачу
Услышать смех двоюродной сестрицы.

Я юный ус порывисто кручу,
Бубенчикам залиvistым внимаю
И ямщику нелепости кричу.

Оборотясь, кнутом он машет: знаю!
(А борода – как глетчер, и в глазах
Лазурное приветствие читаю.)

Вкруг фонарей танцует снежный прах;
Дымится пар над крупами лошадок
И свищет ветер в гривах и хвостах.

И этот свист, как голос лирный, сладок
Под сводами торжественных ворот
(Являющих возвышенный упадок).

Вот белый дом. И здесь она живет...
Молчите, бубенцы! И тихо мимо
Дверей заветных он меня везет.

Горит душа, больной тоской томима,

И к лону нежной девушки мечта –
В восемнадцать лет! – влечет неудержимо.

«Теперь скачи!..» Знакомые места:
Дрема домов, что выбиты навеки,
Как в бронзе, в детской памяти. Креста

Серебряное пламя; шар аптеки...
Там – сад во мгле... Всё за сердце берет!
И грезится: вот приоткроет веки,

Шепнет: «целуй!» и как дитя уснет.

III. Ребенку

Смеясь идешь, но с твоего пути
Я сторонюсь и, головой качая,
Шепчу:
– Дитя, повремени цвести.
Не раскрывайся, роза, ласке мая!
Они страшат – твои тринадцать лет
И этот профиль горного орленка,
Глаза огромные – их тьма, их свет, –
И алость губ, очерченных так тонко,
И платице в широких кружевах...

Скажи мне – зеркалу ты верно говорила
Слова любви с улыбкой на устах?
И мать печальная, не правда ли, бранила
За долгий, нежный и пытливый взгляд?
Не прекословь... Склоненные ресницы,
Сокройте ясные глаза отроковицы:
Пусть тайну женскую до времени хранят.

IV. «Ты помнишь ли тот день, когда в саду отцовом...»

Маргарите Бородаевской

Ты помнишь ли тот день, когда в саду отцовом
Вдруг изнемог наш смех... И ты была в лиловом
И с лентой венчиком, и голос твой звучал
Как сладостный рожок среди вечерних скал;
А клены стройные сквозистыми перстами
Гасили острый луч и зыбились над нами, –
И падал изумруд – и вспыхивал и гас
Зеленый огонек полуоткрытых глаз?
Я полюбил узор простых и плавных линий,
И ты казалась мне забытой героиней
Романов дедовских, чью древнюю печать
Досужим вечером так сладко пробегать
И путать *m* и *ш*, похожие как братья...

И были мы одни. И многое сказать я
Хотел тебе... Но нет, нас кто-то окликнул!
И охлажденный ветер в лицо нам потянул,
И туча сизая, как чья-то дума злая,
Гнала полями тень от края и до края.

V. «Лицо твое, как светлый храм...»

Лицо твое, как светлый храм,
И купол сверху – золотистый.
Как этим северным чертам
Идут и кика и монасты!

В глаза как будто смотрит бор
Зеленых сосенок и елей,
Кивая смотрит – взор во взор –
Сквозь дымку мгlistую метелей.

Слова любви дрожат, текут...
В ответ едва ты двинешь бровью,
Но выются ленты и зовут
И на груди вскипают кровью.

А там – гудят колокола
От синих струй лесистой дали,
И в сердце сладкая стрела
Несет нездешние печали.

VI. Речные лилии

Вы лишь одни цветы речных холодных лилий
Душой младенческой тогда еще любили;
И праздником был вам тот долго жданный час,
Когда мы под вечер на счастье брали вас
В челнок охотницкий, и вы к рулю склоняли
Два пестрые крыла персидской легкой шали;
Мы ж, властно укротив лягавой визг и прыть,
Решали, важные, куда нам лучше плыть,
Чтоб дичь сторожкая – бекасы, утки, даже
Малютки–кулички (для полноты ягдташей)
Нас не почуяли, сокрытых в тростнике.

Так плыли мы втроем, качаясь в челноке,
И с весел медленных, журча, стекали капли.
За беглым плеском рыб, за взлетом тощей цапли
Следим прилежные... Вот щелкают курки, –
Весло скользит из рук... Напрасно: высоки!
И стайка серая чирят, свистя крылами,
Углом разорванным проносится над нами.

На миг забыты вы... Но зоркий синий глаз
Уж видит на волнах то, что пленяет вас:
За гривой камышей, в лучистой синей дали
Вам белые цветы любовно закивали.
Откинув локоны, вы, как бы невзначай,

Туда везете нас, и белый этот рай, –
Когда приблизимся, – с таким внезапным пылом
Охватит жадный взор, таким движеньем милым,
Ребяческим, вскочив, склоните лодку к ним, –
А шаль протянется по волнам заревым,
Чуть розовеющим, – и руки стебель длинный
Ухватят, цепкие, и вырвут с липкой тиной,
С листьями влажными возлюбленный цветок,
Что был (казалось мне) тот час уж недалек,
Тот строгий час, когда, тревожны и суровы,
Любви таинственной предать себя готовы,
Мы, побледневшие, как тайной роковой,
Упьемся этих глаз бездонной синевой.

VII. Мефистофель

Андрею Белому

В красный вечер вдоль опушки
Мне навстречу пудель черный:
Завитушки, погремушки,
Над ушами бант задорный, –

Пышный бант из ленты алой!
А за ним, как лебедь статный,
Чудо–дева колебала
Солнца пурпурные пятна.

Скромен был жакет дорожный;
Хлыст в руке и Ритор сладкий, –
Том божественно–безбожный, –
И в глазах одни загадки.

Мефистофель с бубенцами
Вдруг залился... Вот обида!
Улыбнулась мне глазами
Чудо–дева, Маргарита.

Прянул красный луч по платью,
На губах зажег рубины...
Сгиньте, мары злой заклятья,

Наважденья сатанины!

И оделись пыльной тучей,
Провалились за ракитой:
Лик безмолвный, том певучий,
Алый бант и пес сердитый.

VIII. Идиллия

*Le jour qui plus beau se fait,
Nous refait Plus belle et verte la terre.*

Ronsard

Отгремел последний гром.
Как вином
Упоен наш сад приветный.
Влажный лист в лучах сквозит,
И скользит
Резвый зайчик семицветный.

Тянет дым из поварской,
Над травой
Тихо стелется, молочный.
Звонкий голос прокричит,
Пробежит
Босоножка в час урочный.

Кличет желтых гусенят;
И пищат,
Ковыляя вперевалку.
На балкон с тобой придем
И вдвоем
Сядем в шаткую качалку.

Книжку станем разрезать,
Пробегать
И страницы потеряем...
Прочь! Друг друга на побег
В рощу нег
Влажным взглядом призываем.

IX. «Долгий день читали вы журналы...»

Долгий день читали вы журналы,
Одиноки в недоступной комнате.
Облака уж догорали, алы,
И я думал: теперь меня вспомните.

И как были мертвы в старом доме
Бесконечные коридоры и горенки...
И с какой изнывали истомой
За окном розоватые горлинки!

Я смотрел сквозь кружево завесы
На тропинки, песком убеленные,
Слушал шепот сада, шорох леса,
Свисты кос на лугах, – отдаленные.

И когда я грустил на закате,
И обвеялись тополи дремою,
Зашуршало любимое платье
И шаги простучали, – знакомые.

Коридоры темны и пустынные.
Думал я: в переходах заблудитесь...
Ваше платье так строго и длинно.

Как от долгого дня вы пробудитесь?

И как тронете ручку дверную:

Вдруг охватят льдистыми объятьями

Тени древние – горячую, живую, –

И пройдете, звякнувши запястьями...

Х. Зарево

Всю ночь над полями алело,
Как факел, тепло и светло.
Далекое где-то горело
Безвестное чье-то село.

И облак кровавые звенья
Вплетались в лазурную ночь
В тот час, как немые виденья
Плен сердца идут превозмочь.

Мы вышли... Искали прохладу...
Над клуней кричала сова...
Я верил пурпурному взгляду,
Но бледные лгали слова!

Всю ночь над равниной алело, –
Как знать, что творилось вдали?
И сердце восторженно пело
О розах ревнивой земли.

XI. Баядера. Сонет

Твоей мечтой взлелеяна химера
Высокого служения богам.
В объятия, отверстые, как храм,
Слепой хаос приемлешь, баядера.

Не дерзостно свободная гетера
Дитя учила ласкам и дарам, –
Покорствуя торжественным жрецам,
Ты возросла, священная пантера.

Твои полуоткрытые уста
Лобзаннями бессмертных славословят:
Как голубица в страсти ты чиста.

И путь из роз, смиренные, готовят
К лазури очистительной реки
В запястьях две истонченных руки.

ХII. «Ты, женщина любви, бегущая вольней...»

Ты, женщина любви, бегущая вольней,
Чем дикий мчится конь в безудерже степей
И, буйный, прядает, кидая вширь ногами;
Немая женщина с желанными губами,
Раскрытыми для нег, как розовый бокал,
Что в забытии моем я вновь и вновь искал!
Я знаю, – ты спешишь... Твои мерцают взоры.
Окно зовет тебя; открыты дерзко шторы
На площадь шумную, где каждый друг и брат, –
И пальцы по стеклу насмешливо стучат...

О, конь! Каким тавром плечо твое отметить
Иль бархатистый круп, чтоб, – где тебя ни встретить, –
Моя рука одна властительно легла
На холку длинную бездумного чела,
И ты пошел за мной, забыв и степь и волю,
И буйных косяков приманчивую долю?

Какой бы тайный знак мне в сердце начертать
Твоим, о женщина, чтоб, обратившись вспять,
Ты вновь пришла, любя, и, сжав чело перстами,
Сжигала кровь мою безумными словами?

ХІІІ. Уездная

Я люблю печаль уездных городов,
Тишину ночей беззвездных, гул подков;
Площадей ленивых травы – подорожник и лопух –
И причудливые нравы пригородных молодых.

Что мне в том, что машет осень рукавом,
Льется дождь, другим несносен – что мне в том?
Переклик неугомонный ржавых труб
Сердцу, ищущему звоны, – только люб!
Сердцу, любящему струны, – лучший друг
Ночь, несущая буруны, мать выюг.
На стене моей беленой два скрещенные ружья
И портрет необметенный – будто милая моя;
Затянуло паутиной взор усталый, неживой,
И над грудью лебединой окружило как фатой.

Ударяет тихо в ставни чья рука, –
Или ты, друг стародавний, ты, Тоска?
Нежно бусы прозвенели на губах.
Этот пламень в гибком теле, детский страх!

Ах, в пурпурных этих волнах мне ли к берегу доплыть?
Ты притихнешь и подсолнух станешь робко теревить.
На груди, не позабыла, принесла стыдливый дар
И, потупясь, говорила: муж хмелен и стар...

Как любил я эти нравы молодух!
Площадей ленивых травы и лопух;
Тишину ночей беззвездных, заглушенный гул подков, –
Грусть забытых и безвестных, слишком русских городов.

XIV. «Ты в дубленном полушубке...»

Ты в дубленном полушубке
Хороша, как зимний день!
Целовал бы эти губки,
Да подняться что-то лень.

Сапоги твои расшиты,
На подковке каблучок;
Брови хмуры и сердиты,
И нахохлился платок.

А глаза – что у голубки:
Не видал таких во сне...
Целовал бы эти губки,
Только жутко что-то мне.

Слово горькое отрубит
Иль ударит – не беда!
Страшно, если приголубит,
Зацелует навсегда.

Брови хмуры и сердиты,
Ходят бусы на груди...
Нецелованный, небитый
Лучше мимо проходи.

София

«София, София, Небесная Дева...»

София, София, Небесная Дева,
Кропила и грела ты эти поля;
Но рдяные заросли вражьего гнева
Мне к лету высоко подьмет земля.

София, София, Царица, Царица,
От гарпий спасешь ли твой гибнущий всход?
Взмахнешь ли серпом, светлоликая жница, –
Крылатая стая мне сердце клюет!

В победе неверной на миг взлетает
И кубком горячим упьется одна, –
Но мертвая снова, грозя, оживает
И вновь с победившей змеей сплетена.

София, София, Небесная Дева,
Царица над сонмами ложных цариц,
Исполнишь святого и правого гнева!
Сожженный к стопам твоим падает ниц...

София, София, Царица, Царица,
Еще я не кончил молитвы моей, –

Как новая сладкая, страшная птица
Резнула мне сердце ударом когтей.

Разбитое зеркало

I. Моя свирель

Моя свирель – из белой косточки:
Слезами щели прожжены.
Когда взойдут, мигая, звездочки,
И копыа льдистые ясны
Над белым и лазурным глетчером,
И зелень неба холодна, –
Еще белей холодным вечером,
Еще умильнее она.

Ко мне свирель моя запросится,
Коснется губ моих, любя;
И с ней душа горе возносится,
И с ней – ищу, ловлю тебя!
Вожу очами оробелыми:
И там и здесь – неверный свет...
И мне ль за горными пределами
Найти твой перелетный след?

II. «Я не знаю, что было, как было...»

Я не знаю, что было, как было, –
А смерть – та будет потом.
И за что мое сердце изныло,
Расскажет Архангел с мечом.

Расскажет Архангел гневный,
Потрясая пурпуром крыл,
Что очи любимой царевны
Я сам – убийца – закрыл.

А впрочем, на свитке свершений
Так много заклятых имен...
Так темны сходящие тени,
Так жуток прощальный их стон!

Не знаю, как было, что было, –
Вся мудрость моя изошла.
Кровавые смотрят светила
На холм, где царевна легла.

III. «Июль пылал, и вихорь пыльный...»

Июль пылал, и вихорь пыльный,
Крутясь, бежал и бил в лицо
И от невесты замогильной
Бросал разбитое кольцо.

Лучились жгучие осколки,
Дымился золотистый прах...
И дале вихорь мчался колкий
И где-то падал – на полях.

И где-то падал – в сизой дали,
И не восстанет никогда!
Ланиты, как июль, пылали
От грезы смутной и стыда.

А кузнецы в траве звенели,
Ковали неразрывный сплав...
И кольца новые горели
На перегибах шатких трав.

IV. «Огнем пожара сожигая...»

Огнем пожара сожигая
Из темных, окруженных глаз,
Мою дорогу, роковая,
Пересекала ты не раз.

И как губительной стихии,
Что победить не станет сил,
Я образа заповедные
Тебе навстречу выносил.

Ты усмехалась и бледнела
И, вскинув горестно платком,
Как лиру, выгнутое тело
Топила в хаосе людском.

Тогда я звал... Но ты молчала,
И я достичь тебя не мог,
Пока ты вдруг не выростала
На перекрестке трех дорог!

И через годы, – в этой пытке, –
На перекрестке трех дорог,
Судеб таинственные свитки
Я разбирал – за слогом слог.

И ныне мне темно и сиротливо:
Уж не постичь твоих путей,
Ты, пламень сумрачных очей,
Ты, плоть, звенящая как лира!

V. «Довольно. Злая повесть кончена...»

Довольно. Злая повесть кончена
О возмутившемся рабе.
Чтоб улыбнулась ты утонченно,
Я посвящу ее – тебе.

Ты в ней проходишь, маскирована;
Но, размышляя, ты поймешь,
Зачем с прожитым согласована
Однажды снившаяся ложь.

И острия зачем притуплены
Былой снедающей тоски,
И много ранее искуплены
Пожатия твоей руки.

Не повторить, что жизнью скажется
О возмутившемся рабе;
А как узлы в ней крепко вяжутся,
Ты верно знаешь – по себе.

VI. «Подошли мы к разбитому зеркалу...»

Подошли мы к разбитому зеркалу
И глядимся, глядимся туда...
Черной трещиной лица коверкало;
О былые, о злые года!

Камнем выбит твой смех озаряющий
(Я осколок в душе схоронил).
Брежит глаз, как огонь догорающий,
Как светляк на кусте у могил.

Изувеченный резкими струями,
С омертвелым стоял я лицом.
Покрывай же его поцелуями
И рыдай о небывшем былом.

VII. «Натянешь ли ты голубую вуаль...»

Натянешь ли ты голубую вуаль,
Мерцая булавкой, – широко, округло
Откинувши руки, и смотрятся в даль
Глаза, где угрюмое пламя потухло;

Иль руку в перчатке мне молча даешь
(Там бледный кружок у ладони любовно
Моим поцелуям оставлен!) – и ждешь
И слушаешь сердце, – забилося ли ровно;

И тронешь дверную скобу и ко мне
Опять повернешься и медлишь, мечтая
О встречах давнишних, о милой весне,
И крадет румянец вуаль голубая, –

Я знаю: я нищий... И чем отплатить
За чашу, где пенится горечь разлуки?
Не этой ли позой: недвижно скрестить
Тебя обнимавшие руки?

VIII. Прогулка

И гуще кровь становится, и сердце,
Больное сердце, привыкает к боли.

Ап. Григорьев

Да, мы пройдем с тобой близ ветхого собора
И стену обогнем, и тот же жидкий сквер
Нас поманит иссохшими ветвями
К скамье убогой, где когда-то мы
Читали вензеля, слова – признанья
Любовников давнишних... Уж они
Те надписи забыли и затерли
Телами грузными, вкушая отдых
С детьми и няньками в закатный час.

Под нами – Тускар. В голубых волнах,
Как жимолости цвет, снесенный ветром,
Тела людей отрадно розовеют –
Бесстыдные, зовущие тела.
Там, над водой часовенка и крест,
Которому так жарко я молился;
О чем – ты знаешь... Эти вечера,
Когда луна нас мягко озаряла,
Казалась ты далекой, как луна,
Как метеор, низвергнутый на землю...

Теперь всё это – правда ведь – как сон?
И, может быть, пора с холодным смехом
Резнуть ножом усталую скамью
И начертать горящие два сердца,
Которые пронзил единый вертел,
Протянутый лукавою судьбой?

Ты видишь, там – веселые гуляки,
Идут сюда... В нахохленном платочке
Девушка краснощекая... Нам нужно
Скамейку уступить. Мечтать о жизни
Они не будут, если должно жить!
И отведем глаза, затем что опыт
Неправо судит брэнную любовь.

IX. «Ты, дорассветной мечтою взволнована...»

Ты, дорассветной мечтою взволнована,
Никнешь к стеклу утомленным челом.
Белое небо, печально по-новому,
Смотрится будто незрячим бельмом.

С плеч заостренных платок опускается;
Ночью греховой ты шепчешь упрек.
Жадные красные губы сжимаются,
Как на снегу оброненный цветок.

К Царству Небесному сердце усталое,
Уж не противится, тихо идет.
Но и земное свое, запоздалое,
Счастье, как крест, покоряясь, несет.

Х. «Солнце потоками крови горячей исходит...»

Солнце потоками крови горячей исходит.
Солнцем зажженные, мы улыбаемся двое.
Губы раскрылись, как рана, – и рану находят.
Солнце великое, кто твою рану закроет?

В древнем покое бесстрастья – кто прорубил тебя,
злобный,
Жизнь неизбывная, боль воспаленных зияний?
Черные, милые очи, что тайне домирной подобны,
Слезы роняют одни, но верны своей тайне...

XI. Двое

С улыбкой детских губ, раскрашенных на диво,
Он смело подбежит и, перед вами став,
Окинет взглядом вас так остро и пытливо
Глазами цвета ранних вешних трав!

И вы потянетесь к остриженной головке,
Звеня запястьями; а он, скользя, как уж,
Докажет скоро вам, что не всегда вы ловки
И что дитя отважнее, чем муж...

Легки, затопают сафьянные сапожки;
У ваших ног, грозя, сомкнет он полк солдат,
Рукой коснется вдруг агата круглой брошки, –
И, не сморгнув, на взгляд ответит взгляд.

А вы потупитесь негаданно–нежданно,
И в сердце запоет, заноеет, зацветет,
Как роза пурпура, зияющая рана
И бледность щек окрасит в свой черед...

ХII. «Если сердцу нужно приобщиться радости...»

Если сердцу нужно приобщиться радости, –
Шелковинку нежной паутинной нити,
Что струится в крепком, ясном, синем августе,
Между мной и вами, улыбаясь, киньте.

Если скорби сердце хочет упоющей,
Только скорби жгучей – что, слепые, знаем? –
К страсти одинокой неравного товарища
Увлечете ль весело, холодная и злая?

Но я знаю, знаю... Пусть вы не поверите...
Ночь любимых глаз мне одному измерить:
Если станет жаждать сердце только смерти,
Вы одна придете смертный кубок вспенить.

ХІІІ. «Гремели, ослабев, и множились трикраты...»

Гремели, ослабев, и множились трикраты
Над сводами туманных, синих чаш
Еще зловещие, последних битв раскаты,
И в клочьях багровел простертый в небе плащ.

Стволы дубов, мрачась, как уголья, чернели;
Больной огонь под пеплом слабо тлел.
И только над крестом горе взнесенной ели
Кровавый мотылек любовью пламенел.

XIV. Осенний пантум

Разносит вихорь сумрачный глагол
Бездомными червлеными листьями.
Сойди ко мне в уединенный дол,
Коснись чела прохладными перстами!

Бездомными червлеными листьями
Пестрят овраги и сожженный луг.
Коснись чела прохладными перстами,
Заворожи снедающий недуг.

Пестрят овраги и сожженный луг.
Зеленый луч дробится в сетке веток.
Заворожи снедающий недуг,
Твой поцелуй рассеянный так редок...

Зеленый луч дробится в сетке веток.
Смешливая синица прозвенит.
Твой поцелуй рассеянный так редок...
В какую даль лазурный взор стремится?

Смешливая синица прозвенит.
Стучит желна, подьмлясь по вершине.
В какую даль лазурный взор стремится?
Ведь ты моя... Ведь ты моя – поныне?

Стучит желна, подьемлясь по вершине.
Там за холмом, трубя, манит рожок.
Ведь ты моя... Ведь ты моя – поныне?
Пусть затаен язвительный упрек.

Там за холмом, трубя, манит рожок.
Занает сук надломленной березы.
Пусть затаен язвительный упрек, –
Я жадно жду, когда прольются слезы.

Занает сук надломленной березы;
Вот дождь листов пурпуровый пошел.
Я жадно жду, когда прольются слезы.
Разносит вихорь сумрачный глагол.

XV. Рондели

1. «Румяный луч из-за руин...»

Румяный луч из-за руин
Прощался с темною землею,
Когда склоняла над волною
Ты тонкогорлый твой кувшин

И по тропе среди стремнин
Прошла бесшумною стопою.
Румяный луч из-за руин
Прощался с темною землею.

Я поднял твой забытый крин,
Благоухающий тобою.
Смыкались тени под горою;
И лишь в кудрях дрожал один
Румяный луч из-за руин.

2. «Вас было двое меж олив...»

Вас было двое меж олив.

И ты, и он в забвеньи млели.
Уж очи неба пламенели,
Был вечер грустен и красив.

У ног едва плескал залив,
И волны тускло голубели.
Вас было двое меж олив.
И ты, и он в забвеньи млели.

Домчал ли ветерка порыв
Вам нежный стон моей свирели?..
Вы лишь на звезды посмотрели
Про землю скудную забыв:
Вас было двое меж олив.

3. «Листва вздымалась под ногой...»

Листва вздымалась под ногой
Пестрее, чем ковер востока.
Скакала пегая сорока
По сучьям яблони нагой.

Ты шла с поникшей головой
И так задумалась глубоко.
Листва вздымалась под ногой
Пестрее, чем ковер востока.

Я тихо крался за тобой,
А возле, злая птица рока,
Трещица вертелась белобока,
И, будто смочена слезой,
Листва вздымалась под ногой.

XVI. «Золотая минута любви как лист пролетает осенний...»

Золотая минута любви как лист пролетает осенний,
Лист, что утренник меткой рукой в лазоревом небе
сломил.

Выходите же, мудрые девы, спешите на встречу
мгновений:

Скоро буря всё золото вмиг свет к уступам могил.

В час крылатых свиданий забудь про ненужные, длинные
речи.

Постучится ли в маску любовь, – нет, не гони ее прочь.

День придет, и вздыхая шепнешь: день не румянит мне
плечи.

Ночи скажешь: не лги про любовь, гадалыщица нищая,
прочь!

XVII. Последний ландыш. Цикл сонетов

1. «О, светлый день, едва на вешней прялке...»

О, светлый день, едва на вешней прялке,
Дробясь, мелькнет лазоревая нить,
И пальцами холодными весталки
Подснежники ты в цепи станешь вить!

О, первый день, едва дохнут фиалки,
А над рекой слетятся, чтоб кружить
В священном танце, белые рыбалки,
И сердце вновь запросится любить!..

Но высока стена меж нами, дева, –
На камень налегла, хладея, грудь.
В глазах огни то нежности, то гнева,

А губы шепчут: «Уходи! Забудь!»
И на руках – лазурны и лиловы –
Цветы весны, как сладкие оковы.

2. «Уж по кустам малиновок и славок...»

Уж по кустам малиновок и славок
Весенний хор щебечет без конца, –
Плетут круги из прошлогодних травок,
И сладко бьются нежные сердца.

Взгляни: клювы острей твоих булавок,
В их горле медь и сила бубенца...
Приобрати нехитрый сельский навык
Узнать по песне каждого певца.

Ах, приготовь душе своей тропинки,
Где можно сбросить иго тайных мук
И позабыть о скорбном поединке

Безжалостно сплетенных страстью рук,
Когда сердца покорны и усталы,
Как две ладьи, гонимые на скалы.

3. «Ты, бархат глаз! Истомная кручина...»

Ты, бархат глаз! Истомная кручина

Смешливой речи: «брат, твоя сестра,
В саду тобой забытая вчера,
Уснула на скамейке у жасмина»...

Сменяет грусть насмешливая мина.
А я в ответ: «душисты вечера.
Приветен сад и алых туч игра,
Но я хочу, чтоб ты была – едина.

Чтобы душе взволнованной моей
Твоя душа бездонное открыла,
Пока ты спишь в жемчужной мгле ночей.

Так я склоню далекие светила,
Едва, как маг молитвенно–немой,
Приблнжу твердь взыскующей трубой».

4. «Как ягода кровавой белладонны...»

Как ягода кровавой белладонны,
Упало солнце. И вечерний гром
Прогромыхал над меловым бугром,
И зазмеился бледный лик Горгоны.

Перед крыльцом белели вдруг колонны,
И снова меркнул старый, тихий дом.
И лишь в окне, под гофренным чепцом,

Качала тень докучные поклоны.

Уснешь ли ты? Скажи – твоя мечта
По–прежнему крылата и чиста?
Иль грозный лик дохнул своей отравой;

И сон бежит отяжелевших век,
И грезишь ты, как в оный день Лукавый,
Нас проклянув, соединил навек?

5. «Весна спешит, и быстрокрылый лёт...»

Весна спешит, и быстрокрылый лёт
Никто – увы! – остановить не может.
Я весело колол последний лед, –
Последний ландыш сердце мне тревожит!

И каждый цвет склоняет в свой черед
Усталый взор, – да солнце приумножит
И расцветит и возлелеет плод.
Благословен, кем круг Господень прожит!

Но никогда с беспечностью жены
Ты не сомкнешь кольца твоих объятий,
И двое мы – предатели весны.

О, шепоты безрадостных заклятий!
Вы, губы нег, язвите горячей
Полудня обеспложенных степей!

XVIII. Ночь

*Пусть подразнит – мне не больно,
Я не с ним, я в забытьи...*

Ин. Анненский

Еще мертворожденный день
Костлявыми руками скошен.
И Ночь мою торопит лень,
Затем, что сам себе я тошен.

Она тиха, она черна,
И поцелуи ей не внове:
Она – законная жена
В задрапированном алькове.

Пролет холодного свинца
Она мне в мозг – и веки тронет,
Морщины темного лица
Короной фольговой разгонит; –

И до полудня я готов
Внимать бездумно, недвижимо,
Как с реверансом ряд послов
Шуршит, прихрамывая, мимо.

Итальянская призма

Вячеславу Иванову

I. Фрески. Сонет

За фресками безумная окота, –
Я не знавал нелепей ремесла, –
Нежданно нас в больницу занесла:
Наш гид был строг, и нам была работа!

Искусство и больница, – странно что–то...
Но красота усталая звала,
А мы – за ней... Когда б не эта мгла,
Да запахи, да жуткая икота!

Смутясь глядишь, как тлеют угольки
Былых миров... Как детских две руки
Переплели сведенные колени.

Довольно, прочь! Но гид не досказал:
Перед стеной, где мальчик угасал,
Тут был алтарь, и вот к нему – *ступени*.

II. Двуликая

Торговка низкая, едва бледнеет день,
К воротам бронзовым Марии дель Фиоре
Ведет красавицу – на верхнюю ступень.
Толпа снует... Толпа оценит вскоре.

Спешит зарисовать божественный овал
Какой-то юноша, раскрыв альбом украдкой;
Пылал огонь в глазах, и карандаш дрожал,

Как шпага, обессиленная схваткой.
И нет ее... Ушла. – А старая всё тут,
Змея пригретая... Мгновенья грезы – где вы?
Он закусил губу и в несколько минут
Мегеру набросал на нежный абрис девы.

III. Падающая башня

Точно в платье подвенечном тонкий стан ты преклонила;
Или вправду ты – невеста, золотая кампанила?
В кружевах окаменелых, в многоярусных колоннах,
В этом небе густо–синем ты мечта для глаз влюбленных!
И когда спиралью шаткой я всходил, и сердце ныло,
Близко билось чье–то сердце – не твое ли, кампанила?
В бездну падали колонны, и над сизыми холмами
Облака сплывались в цепи и кружились вместе с нами.
И я думал: там за далью целый мир пройдешь
безбрежный, –
Чуда равного не встретишь этой девственнице нежной!
И я думал: чары знаешь, а напрасно ворожила:
Будешь ждать его веками, не дожدهшься, кампанила!

IV. В полдень

Ты к площади, где в жар томительный
Отраден сумрачный платан,
Идешь походкою медлительной,
Перетянув осиный стан.

Как ты бледна под синью черной
Любовно глаженных кудрей!
Я узнаю тебя, упорную,
По самой тишости твоей...

Шумят подруги с водоносами,
Звонка певучая струя;
Они со смехом и вопросами
Все льнут к тебе, любовь моя!

А ты, блаженная, ленивая,
Тебе их речи – нипочем?
Ведь он не лжет, что ты красивая,
Холодный, ясный водоем?

V. Сиенский череп

Он

– Говорит мне череп из Сиены:
«Всем конец один убогий уготован.
Помни, помни – поцелуй тленны,
Кто предастся им – будет скован».
Желтый череп блистает на славу,
Злым оскалом угрожают эти зубы;
Он в любви нашей видит забаву,
Говорит, что радости – грубы.

Она

– Милый, нет: «Поцелуй мгновенны,
Не теряйте дни золотые!»
Так смеется мне череп из Сиены:
«Вы, холодные, слепые и глухие!»
И еще я слышу другое:
«Что вы знаете о страсти настоящей?
Небо нас лобзало голубое,
Оттого мы целовались слаще».

VI. Эпилог

По улицам извилистым, как расщелины скал,
Как узкие расщелины, жилища горных фей,
Ночами полнозвездными один я блуждал
Среди домов торжественных, где не было людей.

Казалось, то не улица, а волшебницы нить;
Казалось, по–над плитами, светясь, бежит клубок.
И было мне так счастливо и привольно жить,
Ночами полнозвездными вдыхая ветерок.

Змеилась нить, вела меня – уводила под уклон
Туда, где своды мшистые одели водоем.
И, как струя холодная, охватил меня сон.
И снился мне прекрасный лик, и были мы – вдвоем.

Сказала мне: «мы в городе, где не было людей.
Здесь в ночи наши звездные, под дремный струйный гул,
Скользим мы, тени белые, с крылами лебедей.
Молись, чтобы в моих руках навеки ты уснул»...

Стихотворения, не вошедшие в основные сборники

Из сборника «Страстные
свечи: стансы». СПб, 1909

Солнце–лира

Федору Сологубу

Солнце–лира!.. Со струн золотых,
Где зачался хорал мирозданья
И творящий восторг не затих,
Льется песня святого страданья.

И когда в первый час раздалась
Под предвечной Рукой эти звуки, –
От огней твоих, Лира, зажглись
Все миры, все обители муки.

Под стенанье пылающих струн
Понеслись круговыми стезями

Сонмы тусклых планет, бледных лун
И комет с голубыми крылами.

И чем громче аккорд, чем больней
Затрепещет под властной Рукою,
Тем свободней, любовней, полней
Мир сольется с надмирной Душою.

1903

«Отведи синие шторы...»

– Отведи синие шторы.
Стукнули. Выглянь немного.

– Чьи–то тяжелые взоры
Смотрят строго.

– Рукой поманил он, стеная,
Согнулся и мягко отпрянул...
– Выйдешь ли? – Ночь ледяная.
– Выйдешь ли? – Канул...

Запахнулись синие шторы.
– Не гляди так больно и строго.
– Ах, не скоро, не скоро
Добредем до Бога...

1907

Серенада

Дробным дождем,
Золотистым дождем освежало меня.
Пел я под милым окном,
На гитаре звеня.
И к окну подошла посмотреть,
Кто поет под дождем.

Розу бросает смеясь,
Пышно зардевший цветок.
Как я запел веселясь!
Вышла ко мне на росистый лужок.
Юноша, строен и смел,
Хлыстиком тронул цветок.

Юноша строен и смел,
Томную деву победно кружил.
Струны щипал я и сладостно пел,
Словно колдун ворожил.
Строфу кончаю – зажгу поцелуй.
Пел – пламенел.

Солнечным пылом возжег
Двое сердец...
Только уж я изнемог –
Песне конец.

Вот оборвалась струна.
Утренний сон мой далек...

Замер последний аккорд.
Птицей взлетел на коня
Юноша, строен и горд.
Хлыстик целует и мчится склонясь...
И, не взглянув на меня,

Тихо к себе поплелась.
Плача, я ждал у окна.
Вот показалась она.
Очи пылают огнем.
Грозно качнула перстом...
– Будь же ты проклят навек! –
Дрогнули ставни окна.

Зарница

Мы вышли к берегу. Темнело. У реки
Был тот же тяжкий зной. Суровыми тенями
Покрылась даль, и черных туч клоки
Неслись разбитыми грядами.

Аллея вязов, словно две стены,
Во мгле ночной теряла очертанья;
А смутный гул ветвей и плеск волны

Сливались в трепет ожидания.

Как снег бледна, в короне черных кос,
Она глядела вдаль, загадочно немая,
И на груди гирлянда чайных роз
Дышала, тихо увядая.

И к мраморной руке устами я приник.
Я говорил: – Люби меня, царица. –
Она не вздрогнула... Но в этот миг
Синея вспыхнула зарница.

Зарница беглая мелькнула вдалеке, –
И взоры, полные зловещего покоя,
Зажглись, как меч в закованной руке
Непобедимого героя.

1899

Странник (Восточный мотив)

– Будь господин, – вот лучший лозунг мой.
Спокойно странствуй в пламенной пустыне.
От полдня жгучего укутанный чалмой,
Пей воду из ключей, молись перед зарей, –
Из камня грубого не сотвори святыни!

Будь господин душе своей мятежной;

Иди вперед и благодарен будь,
Когда к тебе, на твой кремнистый путь,
Скользнет красавица, блестя улыбкой нежной;
Люби ее на миг и тотчас позабудь!

Но если, раненый, ты изнемог в пыли, –
Страдай один... Молчи! И не моли
Ты у людей холодного внимания;
Гляди: вот лютый барс. Уже вдали
Он чует кровь твою и полон сострадания!

1898

Роза и лилия

Девушка в белом: «Он любит тебя.
Слышишь, как жалобно струны дрожат?»
Девушка в розовом: «Любит тебя.
Помнишь вечерний зардевшийся взгляд?»

Девушка в белом: «Он ласков со мной,
Чтоб о тебе я шептала ему».
Девушка в розовом: «Ласков со мной.
Только я песен его не пойму».

Об руку шли, отдаваясь судьбе.
Тайну откроет цветок на пути!
Девушка в белом: «Вот роза – тебе!»

Девушка в розовом (тихо): «Прости...»

1908

«Надвое косу свою расчесала...»

Надвое косу свою расчесала.
(Волосы хорошие были.)
Белая ночь твою кожу ласкала,
Сердце иголки язвили.

И ты вздыхала... Ты знала, ты знала...
Косы бессильны, бессильны!
Белая ночь твою кожу ласкала
Словно сиделка – бесстрастно, умильно.

Он не придет: отопри же шкатулку,
Вынь конверт пожелтевший.
Кто–то крадется по переулку...
– «Счастье?» – «Лист облетевший».

Гимн заре (Ведийская мелодия)

Светлая, вечно прекрасная!
Знамя твое поднялось на горах снеговых.
Мрак, отступая, редеет, – близка ты, всевластная...

Утренний ветер затих.
Вот показалась ты нам из тумана,
Вышла как юная дева из вод голубых.

Ждали тебя мы – и рано,
Рано собрались с молитвой и жертвой своей;
Логос зацвел под лучами, раскрылись тюльпаны...

Кроткая, вечно прекрасная,
Кони твои понеслись всё быстрее и быстрее.
Пылкие кони летят, – покори их, бесстрастная!

Публикации 1915–1917 гг.

Сонет

Дымок рассеялся, и только рокотали
Вагоны – там вдали... Их красная черта
Влилась в холодный мрак, а мы еще стояли,
Склонясь под тяжестью незримого Перста.

Еще глаза, борясь, из мрака вырывали
Мигнувший огонек, – но даль была пуста;
Лишь звезды в высоте роились и дышали
И ночь струила сон, нетленна и проста.

От золотых полей и смуглоликих жен,
Ракит раскидистых и белых колоколен
В какую даль твой лёт грозящий устремлен,

Над брошенной сохой внезапно вставший воин?
И где твоим святым дерзаниям предел,
Когда в грозе, о жнец, как жатва мир поспел?

На войну. Сонет

Пусть плачут женщины с пустынными глазами
И капли горьких слез срывают рукавом;
Пусть дети побегут за милыми отцами,
Когда пройдут они, суровы, под ружьем;

Громада двинулась. За хмурыми полями
Уж гулко прогремел и раскатился гром;
Над смертной высотой сплетаются крылами
Железные орлы в объятьи мировом.

Смирясь, подними, о мать, детей на плечи
И пусть безгрешный взор один глядит туда,
Где дрогнули весы последнего суда;

Где для бессмертия не нужен гроб и свечи,
И шествуют отцы, спокойны до конца,
К воздушной лестнице единого Отца.

1 октября 1914

Зима в деревне

Зима. Что делать нам в деревне?

Пушкин

I. «И вот опять судьба моя упорна...»

И вот опять судьба моя упорна.
Всё кануло. Все громы отгремели...
И вот на нить я собираю зерна
Оборванных бездумно ожерелий.

Пусть там, в полях, гудящая валторна
Скликает вихри к хмельной карусели.
Душа, как степь, пустынна и просторна,
Как степь, где веют белые метели.

Зима, зима... Уж по тропинкам сада,
К устам прижав настороженный палец,
Лукавая не крадется дриада.

Один снегирь, – пурпуровый скиталец, –
Везде, где сердце изошло любовью –
То там, то здесь – сугроб окрасит кровью.

II. «Был разговор. И спор. Но что же?..»

Был разговор. И спор. Но что же? –
Потом был мир... И как всегда,
Но только выпрেনней и строже,
Твоя мерцала красота.

Твои движенья тише стали
И вдумчивей. И в час разлук
На плечи руки мне упали,
И помню тот хрустящий звук.

И только колющую жалость
Струил мимобегущий час,
Твою смертельную усталость
И пепел отгоревших глаз...

Не приходи. Себя не мучай.
Пусть за блаженством – ничего.
День торжества и скорби жгучей!
День постриженья моего!

III. «Лилово небо, поле бело...»

Лилово небо, поле бело,

Порыв промчится вихревой...
И сердце словно оробело
Затем, что поле слишком бело,
Что вечер близится глухой.

И немые снеговые шири...
Лишь ворона пустынный грай, –
Один удар по вещей лире, –
Уронит от небесной шири
На землю гордое «прощай».

IV. «Зачем зашли мы в этот лог...»

Зачем зашли мы в этот лог,
Куда нас волчий след заманит?
Прошелкнет взведенный курок...
Минута трепетная канет...

Напрасно. В гору тянет след.
Здесь был – прыжок, а тут – усталость...
Раздумье... И, как призрак бед,
На белом проступает алость.

Опять, по грудь в снегу, бредем
Одервенелыми шагами,
А красный месяц над кустом
Грозит склоненными рогами;

И меркнет напряженный глаз...
Ружье тяжеле и тяжеле.
В зените мреющий алмаз
Нам говорит – о лучшей цели.

V. «Вносили смолистую елку...»

Вносили смолистую елку
В овчинах два мужика;
И долго топтались без толку,
Хоть ноша была легка.

Плясала метель распояской,
Снежки бросала в окно;
И жизнь казалась мне сказкой,
Пока я шел на гумно:

И вихрей злая мятежность,
И свист дымящих застрех,
И эта узорная нежность
Звезды, упавшей на мех...

Сегодня холмы и овраги
Снега венцом оплели.
Сегодня восточные маги
К Младенцу путь нашли.

VI. «Здесь много лет, в теплице парной...»

Здесь много лет, в теплице парной, –
Воюй, смиряйся иль тужи, –
Живут семьей неблагодарной
Златоголовые ужи.

И сколько раз из тонких трещин,
Где вилась лента под плющом,
Я был – хозяин – обеспечен
Дразнящим, черным языком!

Но я любил, как уж, – левкой;
Как уж, спешил от георгин;
Сквозь стекла небо голубое
Наш общий побеждало сплин;

А если там курило снегом,
Мы здесь мечтали – о весне
И отдавались долгим негам
В неизъяснимой тишине.

И, тайну древнюю лелея,
Порой я гладил – давний друг –

По банке свернутого змея
Недвижный, светозарный круг.

«Ледяная рука простучала в окошко...»

Ледяная рука простучала в окошко;
Чей-то голос и смех за стеклом:
– «Мой звенит бубенец и как скатерть дорожка,
В санках мчатся отрадно вдвоем».

И с улыбкой пошел ты на зов непреклонный:
– «Дайте шубу. Остынешь в пути».
Тронул конь, и помчались порошей взметенной,
И следов не найти, не найти...

Мы остались. Нам пусто. И зябко. И странно.
– «Слышишь там бубенец вдалеке?»
– «То метель разыгралась. То вихрей осанна...
Разводи же огонь в камельке».

И глядим мы туда, через стекла, на выюгу;
И нет сил этот сон перевозмочь:
Как помчались они, окликаая друг друга,
В безысходную, бледную ночь.

Песнь народу русскому

Красную Пасху встречаем.
Пасху пресветлую ждем.
Розой штыки украшаем,
Песню мирскую поем!

Если недели довольно,
Чтобы века искупить,
Если, как птицам, привольно
Сердцу в лазури парить, –
Алой заре возрожденья
Верь благодарной душой:
Рухнули ржавые звенья
Цепи твоей вековой.

Красную Пасху встречаем.
Пасху пресветлую ждем.
Розой штыки украшаем,
Песню мирскую поем!

Ты, не предавший Свободы,
Жертвенной кровью кропил
Буйные юные всходы,
Полные дремлющих сил.
Крепни же в мудрости строгой:
Помни семнадцатый год!

С Богом, широкой дорогой
Шествуй спокойно вперед,
Русский народ!

3 марта 1917 Град св. Петра

Стихотворения, не опубликованные при жизни автора

I

«Ты не читала их – слова мои больные...»

Ты не читала их – слова мои больные,
Глаза твои не лгут: ты не читала их!
А книгу ты несла в просторы золотые
И через две строки теряла третий стих.

Тропами росными брела ты наудачу,
Скликала трелями пугливых, вольных птиц
И, вспомнив обо мне, что, одинокий, плачу,
Четырехлистники роняла меж страниц.

«Отсветы облак в струях розовато–лиловые...»

Отсветы облак в струях розовато–лиловые.
Призраки тихого стада, бредущего берегом.
Лепет касатки, янтарные смолки еловые.
Девушки белая тень под раскидистым деревом.

Ангел ли мне говорил – душе моей чутко взволнованной,
Или то сердце раскрылось, и первая в сердце вошла
Девушки белая тень, как в чертог уготованный,
С розой небес на груди, с тихим раздумьем чела?

«Томится зноем степь. Морщины залегли...»

Томится зноем степь. Морщины залегли
Крестообразные по лику многотрудной,
Огнем измученной кормилицы–земли.
Даль зыбко курится. Ватагой безрассудной
Грачи проносятся, и белый клюв раскрыв,
Без сил спускаются на ветви древних ив.

И жатва нищая, где каждый колос пуст,

Как торба тощая бездомного скитальца,
Под видом пламенным издаст лишь мертвый хруст
В тоске безвыходной заломленного пальца;
А вихрь, безумствуя, проносится вперед,
До неба вскинется и прахом упадет.

«Вы правы, как всегда – нужны ль мои признанья...»

Вы правы, как всегда – нужны ль мои признанья,
Занять ваш острый ум – увы – мне не дано;
Скажу «люблю» иль нет – не всё ли вам равно,
А в музыку стиха как перелить страданья?

И повесть горькую постыдного изгнанья
От врат Эдемowych, закрывшихся давно,
Вам, светлой, повторять напрасно и грешно;
Нет, сердца нежного не омрачу сиянья!

Но буду с верой ждать, когда нежнее арф
Мне прозвучит ваш зов, а заповедный шарф –
Ваш дар – взовьет крыло трепещущего банта.

И пусть я странен вам безумною мечтой,
Я – верный рыцарь ваш! Где добрый Санхо мой?
Вперед! Уж слышится мне ржанье Россинанта.

Светлане

Видно, солгал мне месяц багряный,
Месяц, что в синюю ночь колдовал;
Видно, за призраком нежной Светланы
Я, ослепленный, напрасно скакал.

Только и помню – очи да косы,
Взлет над челом непокорных кудрей,
Будто всё те же и те же вопросы
В топоте гулком буйных коней.

Там, уплывая, вьются туманы...
Там простонали – колокола.
В тучу уходит месяц багряный.
Синяя ночь, побледнев, отошла.

Еду один – без дороги, без цели...
С милой Светланой встречусь ли вновь?
Рыцарь безумный, пою на свирели
Розам небесным земную любовь.

«Мне иногда судьба дарила...»

М. Л. Сергеевой

Мне иногда судьба дарила
Вас провожать через поля,
Когда, склонясь к земле, светила
Шептали: «милая земля...»

И поднимался гул окрестный,
И каждым хрупким стебельком
Земля любила свод небесный
И говорила лишь о нем.

А вы внимали и дремали,
Л шарабан наш мирно плыл...
И, верно, в полусне вы знали,
Что значит звездной ночи пыл.

«Как мотылек ты бьешься в паутине...»

Как мотылек ты бьешься в паутине
Моей любви, и только крепнет сеть
От взмаха крыл, бессильных улететь
И затонуть в лазоревой пустыне.

Вот символ мой, излюбленный отныне;
Его в душе без ропота отметить
И знай, дитя, про счастье умереть
На алтаре таинственной Богини!

О Афродита! славлю твой полет
Над зеркалом зарумяневших вод,
Над рощами и светлыми лугами...

Твой верный раб, покорен я давно
И падаю в нерукотворном храме
К твоим стопам, как в океан – на дно.

«Сегодня над душой царит туман...»

Сегодня над душой царит туман
Тонов голубо–розовых – и втуне
Пестрит в глазах седой Тертуллиан
И бронзовый мерцает Сакья–Муни.

И каждую страницу и строку
Как груз влеку – ненужный и постылый...
Одну зову – зову мою Тоску
Затем, что звать не смею милой.

Затем, что в одиночестве моем

Раскроется цветок сердечной боли,
Что муку, спетую в приливе огневом,
И ты разделишь – поневоле.

Отраднo слезы лить и грезить о весне,
Вновь биться над немыслимой задачей;
А там следить, как с грацией кошачьей
Ты пробежишь, белея при луне...

Ризе

Ризе, кошница роз, упавшая на скалы,
Не мой ли шаг будил твой камень вековой,
Когда бросал, любя, звенящие опалы
У белых ног твоих ласкательный прибор?

Как странно видеть мне знакомые светила,
Вдруг обступившие безвестный минарет,
Колодцы древние с плитой, что повторила
Словами золота непонятый привет;

Жилища тихие, запретные гаремы,
Как вы волнуете и будите мечты –
Живые символы, наглядные эмблемы, –
И всё же лучше вас румяные цветы,

И всё же лучше вас порхающие светы

В листве пылающих мятущихся жуков,
И всё же лучше вас бездомные поэты,
Мечту прядущие под мертвый стук шагов.

«Когда б мы здесь отпечатлели...»

В. М. Пуришкевичу

Когда б мы здесь отпечатлели
Вдруг распахнувшейся душой
Не свисты пуль, не гром шрапнели,
А голос жизни мировой.

Когда б, откинув клетки партий –
Капканы на твоём пути, –
Прочешь слова от звездных хартий
И Божьим ратником пойти.

«Конец безрадостным блужданиям...»

Конец безрадостным блужданиям –
От вечно–памятного дня,
Когда очей склоненных манием
Ты вдруг приблизила меня;

И от печали убивающей
Отведенный твоей рукой,
Смеюсь под тучкой нежно–тающей,
Проголубевшей надо мной.

Так прикорнувший на завалинке
За зиму очумевший дед
Насквозь – через тулуп и валенки –
Весной живительной прогрет.

«Я слезам заглушенным внимаю...»

Я слезам заглушенным внимаю
И улыбки, как розы, ловлю;
Но я знаю, мучительно знаю
Легкокрылую душу твою.

И в глазах, потемневших как омут,
Я читаю – минутный король, –
Как мечты, умирая, застонут,
И вонзится жестокая боль.

Как безумно молить об ответе,
Заклинать о прощальной любви,
Лишь тебя унесут на рассвете
Стрекозиные крылья твои!

«Непреклонен и упорен...»

Непреклонен и упорен,
В сердце врос косматый корень,
Все преграды одолел;
Раздвоился, растроился,
Дна заветного дорылся,
Глубинами овладел.

Кто мне семя смерти кинул,
В бездну кто меня низринул?
Кто, враждебный, колдовал?
Дни за днями угасают, –
Мнится, свечи тихо тают
В глубине немых зеркал...

Мнится: на груди, прижаты,
Как закованные в латы,
Две руки легли крестом.
И чуть слышно лепетанье
Слов унылых отпеванья,
Смутных шорохов кругом.

А из сердца в небо прямо
Стебель мощный и упрямый
Пурпурный возносит цвет;
Жаркой кровью напоенный,

Пышен венчик округленный,
И ему подобных нет!

И к цветку от гор, ширяя,
Прилетает птица злая,
Чтоб обнять его крылом
И, победу торжествуя,
Удостоить поцелуя
Лепесток за лепестком.

Подражание Андрею Критскому

На поисках ослиц, беглянок резвых стада,
Румяный юноша пророка повстречал.
– Вот царь Израиля, и в нем моя отрада! –
Так гость от высоты пророку провещал.

И рог помазаний над головой склоненной
Пролил святой елей – и стал царем Саул...
...Бодришь, душа моя! пребудь настороженной,
Чтоб враг людей твой путь назад не повернул.

Трезвись молитвенно в благоговеньи строгом,
Пред волей вышнюю повергнись, сердце, ниц...
Душа–избранница, соцарственная с Богом,
Захочешь ли бежать вослед твоих ослиц?

«К милой родимой земле мы прикованы цепью бескрайной...»

К милой родимой земле мы прикованы цепью
бескрайной;

Неистошимый родник в жилах пурпуровых бьет;
Тайной <жестокой> начатое кончится разве не тайной?
Разве устанет рука сплетаться в живой хоровод?

Пусть мы в священной игре пробегаем как легкие тени,
Факел горит высоко, факел гуляет кругом.
Знаки сильнее, чем гроб, и ведут нас всё те же ступени.
Там, где прошли мы вчера, завтра мы снова пройдем.

Лебедь

Я помню рдяный час и голос белой птицы
И рокот мощных крыл в пустынной вышине...
Ты руку подняла... «Смотри», – шептала мне,
И устремлялись ввысь стрельчатые ресницы.

Я помню этот час: напрасно вереницы
Годов мучительных текли в кошмарном сне!
Пушинка лебеда, вся в розовом огне,

Спускалась медленно на грудь отроковицы.

Прильнула и легла, и нежные персты
Нежданно бережно и слабо прикоснулись
Моей руки... «Так правда, – любишь ты?» –

Спросил я трепетно. И губы улыбнулись,
Как ласковый цветок, и поцелуй сам–друг
Прославил лебедя, летящего на юг.

«Бродячая безумная царица...»

Бродячая безумная царица
Влачит свой гнев, и муку, и любовь;
Гляди: раскроется широко багряница,
И жертвой огненной прольется долу кровь.

Под грохотом взволнованных заклятий
Затихли мы; но благ царицы гнев:
Он руки вновь сомкнет для пламенных объятий,
И вновь, как изумруд, прозеленеет сев.

«Хочется солнцу тучку порвать...»

Хочется солнцу тучку порвать

Всей пятерней светозарных перстов,
Хочется солнцу лицо показать –
Только смыкается туча опять,
Ткет дымно–серый покров.

Там неустанно сети прядут
Серые руки смелей и быстреей.
Чуть просинеет – уж брошен лоскут!
Солнцу не глянуть – не выйти из пут
В царской короне своей.

Солнце мне в грудь золотистый поток,
Видно, не может сегодня пролить,
Будет до вечера хмуриться рок.
Молча уйду и забьюсь в уголок,
Буду в ночи ворожить.

Буду с моей тишиной говорить,
В трепете молний провидеть тебя...
Можно ли солнце мое погубить?
Как не томиться, любя?
Как не любить?

**«Полет грачей над
жнивьем опустелым...»**

Полет грачей над жнивьем опустелым
Медлительно спокоен и упрям;
Доверься тот невгодам и ветрам,
Кто неистомным овладеет делом.

Клик торжества, привет собратьям смелым,
«Аминь, аминь» всклокоченным вождам...
Далекий путь готовится крылам,
Вознесенным к заоблачным пределам.

Так в синий день куда ни кину взгляд –
Везде сплетенья вижу черных кружев,
Один неутомимый вахтпарад!

Далекая, вниманьем удосужив
Сонет грачам – прочтешь ли между строк
Порыв любви, осиливший свой рок?

«Преклонись, душа, будь наготове...»

Преклонись, душа, будь наготове
Повернуть восставший грозный вал!
Вот они – сомкнувшиеся брови!
Гнев любимой – я тебя не знал!

Уж не брови – смертной сабли жало
На прекрасном вижу я лице;

Пусть любить ты, сердце, не устало
И в терновом, горестном венце!

Доля мне открыта роковая
Тихо гаснуть, пламенно любить
И в слезах, как туча, тихо тая,
В глубину, в неизвестность уходить...

Кто раскроет тайну огневую,
Зрячий кто слепого вразумит?
Вот я руку белую целую.
Нежный друг, восставший одесную,
Улыбаясь, в молниях горит.

«Качнуло дерево порывом бури вешней...»

Качнуло дерево порывом бури вешней,
Гнездо накренило – и птенчик там, внизу!
Белеют лепестки, осыпаны черешней,
И ветер дале мчит мгновенную грозу.

И солнце глянуло, а он, вчера рожденный,
Дрожит и трепетно смыкает синий глаз.
О счастья бедный миг, погибнуть обреченный,
Миг счастья моего – не так ли ты угас?

Птенец поверженный, возросшими крылами
Уж ты не полетишь к неведомым морям,
К лазури солнечной, пропитанной лучами,
К пустыням выжженным и девственным снегам

У моря

Только гул раздроблённой волны,
Только пригоршня пены морской... –
Вознесен из моей глубины,
Загораясь, потир золотой.

Он нежнее румяной луны,
Озаряющей сизую даль.
Разве с ним мои страхи – страшны?
Как слеза, не прозрачна печаль?

Я слежу за любимой волной,
Вот придет, разобьется о грудь...
И рокошет мне мудрый прибой:
– Позабудь. Не люби. Позабудь.

Но беглянку мне все–таки жаль,
Что уходит туда, в глубину...
Пусть тоска – просветлевший хрусталь,
В ней храню – как в гробнице – волну!

«Трепещут голуби упругими крылами...»

Трепещут голуби упругими крылами,
На подоконнике как звезды – их следы.
Курит снежок, но не угаснет пламя
В крови живых – до смертной череды.

Взвились, летят. Навстречу клубы дыма
От черных труб. Чета едва видна.
Там, высоко кружит неумоимо –
И вдруг опять у моего окна!

Опять их песнь, исполненная неги,
И зыбкий крест переплетенных крыл.
Опять следы звездистые на снеге,
Как бы чертеж неведомых светил.

Им хорошо в моем соседстве виться:
Для них я – сон сквозь тусклый пар стекла.
Им в первый раз здесь довелось влюбиться,
Моя любовь их в первый раз зажгла.

II

Жаворонки

Глаза – изюмины, хвосты и струйки крыл
Бесформенно–уютны, как пеленки:
Таковыми пекарь взору вас явил,
Печеные из теста жаворонки!

Вы на окне возникли – будто сон,
То парами, а то с птенцом на спинке,
Что шариком нелепым припечен,
Сощурившим пугливо маковинки.

Здесь у окна нельзя не постоять
И, грея кулаки, не подивиться,
Как будет пекарь мышцы напрягать,
Как он с зимой бестрепетно сразится.

**«Истомно в лазурности
плаваясь нещадной...»**

Истомно в лазурности плаваясь нещадной,

Смолистые почки страдальчески рвутся,
Две желтые бабочки к любви безоглядной
В дыхании юга, утопая, несутся.

Курчавы, полки серебристые облак
Качаются, тают, синеют, темнеют;
И гром обрывается, угрюм и неловок
Как отрок, чей голос, ломаясь, немеет.

И больно, о други, опять признаваться,
Что кубок вешний хмелит, как бывало,
Что солнцем повелено устам – улыбаться,
Хотя бы ты, сердце, безутешно рыдало.

«Душа угрюмая, и в стародавнем вкусе...»

Душа угрюмая, и в стародавнем вкусе
Влекусь я к таборам, кочующим по Руси,
К шатрам, разметанным среди больших дорог,
Где синим вечером заплещет огонек,
Котлы запенятся и, заплетаясь кругом,
Мужи суровые к пленительным подругам
Тесней содвинутся. Короткие слова
Лениво падают. Темнеет синева.
В хрустальной высоте роится улей Божий.

Гудит алмазный хор... Таинственной и строже
Раздастся ржание стреноженных коней;
А в песне плачущей услышишь: «Пожалей
И не губи. Твоя». Так бред любви недужной
Один безумствует под кровом ночи южной;
И остановится бесстрашный конокрад,
Ударит в грудь себя – и повернет назад.

.....

Как сладко большаком скакать во весь опор
На краденом коне... Там позади позор
И мука смертная, но конь всегда с цыганом,
И легче на пути падет он бездыханным,
Чем выдаст всадника, сдавившего бока,
Чья сухощавая когтистая рука,
Едва дотронувшись, рукой хозяйской стала
И степью повлекла, куда душа алкала...
И кто ответит нам – скакал ли здесь цыган
Иль птица ловчая упала за курган?

«Как печальны глаза, где часами, во мгле мутно–белой...»

Как печальны глаза, где часами, во мгле мутно–белой
Отражался взлохмаченный лес, потемневшие срубы,
Дрема псов на крыльце и вороны полет омертвелый, –

Как печальны такие глаза и как сердцу отзывному любви.

Соловецкий инок

Беглец житейских бурь, пустынным островам
Под солнцами крестов ты дух свой предал мощный;
Восторг мечты твоей – лазоревым волнам,
И сердца трепеты – молитве полунощной.

Монах и мореход, благословясь, весло
Из рук святителей приемлешь: путь опасен,
Но сила их с тобой, и свято ремесло,
Когда плывешь, смирен, покоен и бесстрастен.

Звеня, бежит волна, послушна под кормой,
Не ранит красота морян зеленокудых,
И в сердце укрощен прельстительный прибор
Напевами псалмов властительных и мудрых.

«Что ни день, как пчела, ужалит...»

Что ни день, как пчела, ужалит.
Умирает,
Как пчела, когда жало оставит.

Что ни день, островок мой всё меньше.
Путь мой – уже,
Разъяренные волны – выше.

Если любишь меня, – не мучай.
Станем тише и лучше.
И друг к другу прижмемся – под тучей.

Наше сердце – как пленная белка.
Ты любила? –
Вот хочу, чтоб ты руку на грудь положила,
Как сиделка,
И о том, что вдали – позабыла.

«Пусть слова тоски бесплодно отшумели...»

Пусть слова тоски бесплодно отшумели:
Кто, скажи, скорбит над женской раной?
Посмотри, как из серебряной купели
Золотой возносится младенец, –
И с улыбкой материнской, несказанной
Позовешь глазами: здравствуй, месяц!

И пока, одна, пройдешь пустынным садом,
Нежный луч с тобой не разлучится;

Он заметит, он ответит ясным взглядом,
Приведет, смеясь, к любимой тени.
И тогда, смирясь, захочешь поклониться
Палачу – и станешь на колени.

«Жарок полдень. Небо как пергамент...»

Жарок полдень. Небо как пергамент.
Голубое желтым пережгло.
И в зияньи трещин под ногами
Черное скорбящее чело.

Кто–то небо запечатал, строгий.
Будем скоро святость поднимать,
Осадим и межи и дороги,
Чтоб упала темная печать.

Повернем очами Матерь Божью
К неродимым, к проклятым полям,
Чтоб вздохнула над убогой рожью,
Помогла обмершим колоскам.

Будет плакать свечка на краюху,
Залучится венчик золотой...
Ты простишь ли древнюю старуху,
Что зовется, горькая, землей?

«Слышно – ноет истомно сирена...»

Слышно – ноет истомно сирена:
Слышно – сердце мое простонало.
Белый голубь из темного плена
Улетел бы – крыло поломало.

И, взволнованный, зову я внемлю...
Знаю, лжет мне узывная Майя,
Но люблю твою дальнюю землю
И тебя... И тебя, дорогая!

Пусть осилен грозой неизбежной
Белый голубь и сорван с лазури.
Принимаю твой вызов мятежный,
О сирена, зовущая бури,

Чтоб за час роковой и единый
Расквитаться с забвенною долей
И меж скал над ревущей пучиной
Целовать этот коготь соколий.

«Это случилось недавно и вовсе неожиданно...»

Это случилось недавно и вовсе неожиданно,
Это случилось совсем, о, совсем неизбежно...
С ветки слетает листок, обнажается небо так странно,
Синее небо глядит – и знаешь, что небо безбрежно.

С сердцем случилось как с тихим потоком природы,
Сердце предела достигло и путь начинает обратный.
Годы росток прозябал – шелухой отметаются годы.
В чаще блуждая, беглец услышал призыв благодатный.

«Только и знаю – леса да овраги...»

Только и знаю – леса да овраги,
Только милую – красавицу–ночь.
Сам я избрал тебя – доля бродяги!
Долю бродяги – кто ты? – не порочь!

Верно, затем, что венцом загорелись
Рыжие космы от ранних от лет –
Кудри кольцами, – а щеки зарделись
Кровью горячей, что маковый цвет;

Верно, затем потянуло на волю –
Хата тесна, докучает сосед.
Крутится ветер по чистому полю –
Резвые ноги бегут ему вслед.

Всю бы тебя обежал – да куда там! –
Тихая, темная Матерь моя. –

«О, пусть весна погонит к морю...»

О, пусть весна погонит к морю
Стада голубо–серых льдин
И с высоты окличет зорю
Зарумяневший лебедин;

И пчелка, забывая улей,
От духа терпкого взыграв,
Гудящей пронесется пулей –
Упасть на шелк упругих трав...

О, пусть! В чертах судьбы суровой
Как нам улыбку не прочесть,
Когда подснежник жизни новой
Прозвонит радостную весть?

«И нас венчали в утро Божие...»

И нас венчали в утро Божие
Короны синих васильков,
И улыбались нам прохожие,
Пока мы шли в тиши лугов.

Но четверть месяца отмолота, –
И я спешил с моим серпом,
А ты в шатре снопов из золота
Над зыбкой пела – о былом.

И громы рокотали ранние,
Призыв трубил пророчий рог,
И славил я мое избрание,
Когда огонь чело мне жег.

Ты на распутьи шла, печальная;
И ты звала – и ты ждала,
И вот твой стон, душа опальная,
Привлек небесного орла.

Теперь идешь ты в латах кованых,
Как рыцарь мне грозишь мечом.
Меж скал сошлись мы зачарованных
Окончить спор наш – о былом.

Н. Е. Маркову

Гряди, Буй–Тур, громи крамолу,
Пудовый дан тебе кулак;
Пусть турий рог, склоненный долу,
Бодает тухлый лапсердак!

Внимая мудрому глаголу,
Пусть твой признательный земляк
Ревнивую оттянет полу
И должный выложит ясак.

Что Курск тебе? Шагаешь быстро;
Сегодня свергнешь ты министра,
А завтра будешь сам премьер...

Но помните, Щигровский витязь:
Превратностям бывал пример,
А потому – не обожритесь.

В. Н. Кушнаревой

Глаза Ваши – голубые иль серые?
На них не смотрел я в упор,
Но крепко, по–детски, верую

В сияющий, светлый взор.

Вы вся – деревенская, летняя;
И кудри Ваши – спелая рожь.
Нашими городскими бреднями,
Мудрая, Вас не собьешь.

Над Вами серебрятся облачка
И небосклон, так бирюзово синь.
И мы живем!.. Мы, грешные, пока
Вы с нами, светлоликая. Аминь.

АВТОСОНЕТ

Кружатся дни мои запутанным романом,
И кажется порой: рехнулся романист,
Когда рядит меня то магом, то цыганом,
Сегодня жезл дает, а завтра только хлыст.

Языком пламени влюбленная Осанна
Моя возносится – и, мнится, сам лучист;
И вот уже грущу с лепечущим фонтаном
О том, что падает сожженный зноем лист.

Мечты свершаются назло докучной яви –
И обрываются, – и снова в тупике
Не к счастью шествуешь, не к радости, не к славе,

А просто, как пескарь, повисший на крючке,
Вздыхаешь о ведре – туда тебе дорога! –
Где, может быть, еще поплаваешь немного.

«Бредешь наудачу по роще осенней...»

Бредешь наудачу по роще осенней,
Выходишь на зелень озимых полей:
В молочном тумане толпой привидений,
Стреножены, прядают тени коней.
И ветер свивает кудлатые гривы,
И ветер мне сырость приносит земли:
Зеленые нивы, и бурые нивы,
И синие, синие нивы – вдали...

Затишье. Безмолвье. В бескрайном просторе
Кто встретится? Разве охотник верхом,
С обветренным ликом и грезой во взоре,
Бодрящий борзую призывным свистком.
Смеркается. Гаснет, задумчиво–кроток,
Закат в розовато–седых облаках...
И вспомнится нить многоцветная четок
В ленивых, когда–то любимых, перстах.

«Как эти строки сладостны и новы!...»

Как эти строки сладостны и новы!
Как больно бьется сердце над письмом,
Сквозящим сквозь лазурные покровы
Под бледно–золотистым сургучом.

Размашистыми острыми штрихами
Ты хочешь лишь о деле говорить;
Твой стиль откован, как гравюра в раме,
И разума нигде не рвется нить.

Но видится мне много... слишком много:
В колючем «р» мерещится копье.
И ждешь удар наездника степного,
О, сердце беззащитное мое.

Прочел. Опять здесь не найду ответа.
«Терпи и жди» – вот смысл немногих слов...
Терпеть и ждать – что лучше для поэта,
Когда он весь под чарой алых снов?

А если, как уснувшая весталка,
Забыла муза долг священный свой, –
Я рву письмо. И мне его не жалко.
И ненавижу всей душой.

«Печаль мою снежинками...»

Печаль мою снежинками
Прохладными овеяло,
Лебяжьими пушинками,
Танцующими феями!

Гуляет хоровод кругом,
Сплетаясь, развевается,
Велит забыть, молчать о том,
Что горем называется;

О том, что в глубине моей
В бездонном сердце плакало –
Велит молчать круженье фей
Таинственными знаками.

И вот иду. – Мне всё равно:
Пусть сердцу вы не верили.
Я улыбаюсь им давно,
Я с ними нынче заодно,
С порхающими феями!

На могиле сына

Устал я от живых, – мне мир усопших ближе,
Я научаюсь зовы их любить.

На кладбище, в отрадную отчизну
Я ухажу: здесь сердцу можно жить.
И там, наперекор глухой тоске и боли,
Вкушаю мир моей грядущей воли.

Меж холмиков ищу тропу к тебе, мой сын,
И над твоей могилкой неосевшей,
Листом сухим осыпанной, – один
Стою и жду. Чего? Отзыва? Доброй вести?
И в шорохе ветвей и шепоте листов
Ловлю намеки вожделенных слов.

Песнь иволги из чащи раздается,
Но трудно мне припомнить нежный смех,
Что навсегда затих, и тяжело сердце бьется,
Усталое искать путеводящих вех
Средь призраков, встающих из тумана.
Или уснуть?.. И встал я слишком рано?

Скажи же мне, откройся сердцу, друг,
Поэт–дитя, мне милый брат по лире,
Так быстро совершивший дольний круг,
Витающий в лазоревом эфире,
Где я найду покой? Где стану я на путь,
И сердцу где позволят отдохнуть?

Когда, скажи, от любящих не буду

Удара тяжкого нежданно получить?
Когда среди друзей коварного Иуду
Уже не стану – жертва – лобызать?
Когда, отбросив труп, свободный как стихия,
Прольюсь к стопам твоим, предвечная София?

Свободной

Вижу я: сердце твое не терпит регламенты.
Радуюсь: сердце твое не выносит власти ничьей.
Разве укажешь путь причудливо рдяному пламени
Или удержишь в беге хрустальный горный ручей?

Буду, любя, созерцать прихотливый твой путь,
легконогая,
Ритмы твои держать, духом объемля моим.
Да, ты права: пред тобой солнечных дней вволю много,
Всеми путями приходит дух созревающий в Рим.

«Золотому дождю подставляю...»

Золотому дождю подставляю
Я ладони, сложенные горстью.
Крепнет дождь. Я руки опускаю.
Дождь поет. И славлю силу Божью.

Льетса дождь мне на лицо, на плечи, –
Весь в огнях, и радугах, и блесках...
Или это только нежной девы речи,
Только солнце у нее в подвесках?

Урсула

Дочь короля, невеста, всей душою
Томится к Богу сил. И час настал.
Корабль их ждет. Со свитой молодою
Она взошла, и белый парус взвился.
Ее глаза ласкали синий вал,
Пока народ на берегу молился.

Вкруг – свита многих дев. Мечтой упорной
Они волнуются. Их ждет прекрасный юг;
Святой Отец в могуществе и славе.
Молитвенно персты перебирают зерна,
И сердце ширится, готовясь к дивной яви.

Лишь ворон на дубу, прощаясь, плачет.
Так... Вещему глубь смутных дней видна.
Толпа косматых всадников маячит.
То гунны двинуты для жатвы грозной.
Погибнут десять тысяч и одна.
Так рок судил. Возврата нет. Уж поздно.

Мессия

– Они твои разрушили варки
И по совхозам развозили. –
Вскипает кровь моя... Стучат виски.
Но я зову к нетленной силе:

Пусть в каждом сокрушенном кирпиче
Мне видится ступень стези чудесной неба.
Змея премудрости! Ты на моем плече
Отец мне дал тебя в замену хлеба.

Пускай мятежных крепнет дерзкий лом,
Обетованью чутко внемлет ухо:
Над черным и поверженным орлом
Взлетает белый голубь Духа.

Ты презрена, прекрасная моя,
Печальная, убогая Россия.
Но уж цветет голгофская заря,
И в сердце просится, про солнце говоря,
Созвучье дивное: Мессия.

Былое

Народовольцы... Строй людей из стали,
Откованных, как лезвие кинжала,
Вы, что в былом святыми проблистали,
Святыми, позабывшими про жалость:

Перовская, душа мечты кровавой,
Желябов и пытливый ум Кибальчич...
Кто, скудный духом, скажет: вы не правы?
Кто без унынья прочитает дальше?

И Александру павшему на смену
Явился правящий немим тяжеловозом.
Он получил широкою арену,
Державец в бармах иглистых морозов.

Царь Николай с Алисой колдовали...
Смесились кровь, и грязь, и снова кровь,
Чтоб древние твердыни грохотали.
И голос был: «Внемли. Не прекословь.

Свершается торжественная воля.
Блажен, кто зряч и видит сеть времен.
История – одно Христово поле,
И сеятель идущий – только Он.

Колыбельная сердцу

Лебедь прекрасный, твоя чистота отражает
Розы румяной зари.
Синие воды твою белизну повторяют.
Лебедь прекрасный, душе говори.

Озеру ты ли навеешь сон о снежных вершинах?
Берегу – рокот забытых гармоний?
Ты ли, душа, отразишься в душе лебединой?
Душу мою истомленную помни.

Лебедь прекрасный, побудь хоть немного со мною:
Я не дотронусь твоей белизны.
Ты ведь успеешь лететь над печальной землей,
Синие могут терпеть глубины.

Retardus

*Есть в человечестве натуральная сила инерции,
имеющая великое значение. Сила эта... безусловно
необходима для благосостояния общества.
Победоносцев*

Ты встал над Русью мертвенным кашеём,

Наставник царский и российский папа;
Ты тайно совещался с древним змеем,
И мощь была в твоих костлявых лапах.

Ты обнимал до смертного томленья
И поцелуем замыкая стоны,
А сам любил красу богослужений,
Просфоры, свечи, золотые звоны...

А сам любил кремлевские седины,
Раскольников пылающие срубы...
И мозглых казематов рык звериный
Чуть поводил насмешливые губы.

Самодержавия предызбранный оракул,
Тебя страшил налитый ветром парус.
Ты веровал в несокрушимый якорь.
Тобой владел угрюмый дух Retardus.

В степи

Жаворонки в синем возжигают свечки.
То и дело свечки ставят по—над полем.
И пионы степи пламенные речи
Властно выкликают о широкой воле.

В сердце радость свищет, как на лапках суслик.

Солнце не устанет, кони не изменят.
И пролетки ловкой круговые щели
Бесконечность Бога безнадежно мерят.

Снежинки 1922 года

Солнце щурится, желтея сквозь туманы,
И лениво падает перекрестный снежок.
Из гигантской трубки кто-то над домами
В небо чуть пускает сиреневый дымок.

Я ушел из дома и брожу без цели.
Я смотрю, как трое дерево валят.
За веревку тянут. Слышу – заскрипело.
Рухнуло и стихло... Глухо говорят.

Слышало ты, сердце, как деревья стонут,
Старые деревья парков и дорог?
Из туманов синий приоткрылся омут
И последний падает белый пушок.

Вот бегут: старушка, мальчик и салазки.
– «Войтыл, поросенок, а теперь лимон:
Что – лимон?» А мальчик, растарашив глазки,
Видит – снег и солнце. Миру удивлен.

Миру удивляюсь и брожу, как пьяный,

Говорю снежинке вздорные слова.
Солнце желтое сквозь сизые туманы
Словно в полумаске улыбается едва.

1921

Венчанные кровавыми звездами,
Они песнь вольности широкую несут.
И на ветру развеянное знамя,
Пурпурное, гласит: «Они идут».

И мир взирал с надеждой и тревогой
На грозный труд тех роковых людей,
Что, повинувшись чьей-то воле строгой,
Искали неизведанных путей.

Европа порывалась и не смела,
И, мастера крапленых карт, вожди
Коварно говорили: «Не поспело»,
В зачатке убивая мятежи.

Мы кровью изошли на скудных нивах,
И побеждал красноармейский штык.
Но облака на небе были лживы,
И солнце всякий выпило родник.

С Поволжья ширится зловещий голод

И сердце слабое полно тоской,
Оно стучит – стучит, как тяжкий молот,
Взлетающий над крышкой гробовой.

Земля, насытясь трупами, устала.
Живые спорят с гробовым червем.
О, Русь, ты правды мировой искала,
И правда обернулась – костью.

«Родитель мой король – он был в жестоком гневе...»

Родитель мой король – он был в жестоком гневе,
Когда пасти стада за речкой голубой
Я, королевский сын, к пастушке, робкой деве,
Однажды убежал весеннею зарей.

И как Адам в раю полурасцветшей Еве,
Так я отдался ей – и мудрой чередой
Скользили дни мои, и грезил змий на древе,
Пока я песни пел любви моей святой.

А в королевстве шли великие раздоры:
Король низвержен был, другой на трон воссел,
Но что мне до того? Я только песни пел.

И помню: раз мы с ней от королевской своры
Спаслись на дереве. Там, заплетясь гнездом,
Ласкал нас древний змий – и спали мы втроем.

9 января

Кровавым январем ты продолжал этапы
Судбины роковой безумно отмечать;
Издалека ее к тебе тянулись лапы,
И на чело легла проклятия печать.

Когда к тебе с хоругвями, как дети,
Текли толпы и пели гимн отцов, –
Вдруг проиграл рожок, и залпом ты ответил,
И лег багрец на белизну снегов.

Ты показал, что страх позорней преступления,
Узнала Русь, что там, в дворце – лишь раб.
И день за днем ковал ты только звенья,
И, слабый царь, ты в кузне был не слаб.

В грозových днях ты был изнанкой нужной,
О цоколи дворцов точились мечи...
Ты трепетал, как выродок недужный,
И сердцу и уму ты говорил: молчи!

Но в глубине твоей Водитель жил суровый,

Сильнейший, чем Гапон, избранник января.
Он вел страну к пожарам жизни новой,
Он миру жертвовал Россию и царя.

III

«Наш милый сын, рожденный на вершине...»

Наш милый сын, рожденный на вершине,
Как неба дар был сердцу беглецов;
И кольца змиевы баюкали отныне
Младенца нежного под шелесты дубов.

Он дивно рос и креп, внимая, как в долине
Скликались голоса торжественных дроздов,
Как в горней высоте, к неведомой судьбине,
Стремился рой святых на властный клич богов.

Уж стал он отроком прекрасным и печальным;
Уже в расщелину ушел премудрый змий,
Чтоб сердце сжечь свое на алтаре хрустальном
Под пенье сладостных подземных литаний;

А юноша мечтал о славном бранном споре
И о красавице, тоскующей в затворе.

«В сияющей чаше белогрудые ласточки...»

В сияющей чаше белогрудые ласточки,
Безумствуя, реют на широких кругах;
– «Из солнца бы вырвать нам зернышко радости,
А там и затихнуть, умереть в камышах». –

Не спросят у сердца: ты, сердце, устало ли?
Сгорая, всё выше восходить мы должны
И помнить про небо, про ласточку малую,
Про волю святую острокрылой весны.

«Ты свела, как раковина, створки...»

Ты свела, как раковина, створки.
Ты бледна и говоришь едва.
Редкие слова бессонно горьки,
Как полынь–трава.

И, в глубоком кресле отдыхая,
Видишь там, через окно зеркал:
Брошена русалка молодая,
Вольная русалка между скал.

Острый камень окровавил руки;
Непреклонна стража хмурых гор.
И в последней угасает муке
Синий взор.

«Скажи, какой рукой, нечистой и позорной...»

Скажи, какой рукой, нечистой и позорной,
Ты сброшена – ребенок – под уклон?
За слово ль нежное иль за платок узорный
Ты предала твой дорассветный сон?

Какими шла неверными тропами,
Где находила камень – голове
И алыми холодными устами
Росинку малую ловила на траве?

Как, наконец, смирилась и потухла,
И вот теперь – ключом заведена –
Косишь глаза, как розовая кукла,
И просишь поцелуев и вина!

Ах, в этом теле, маленьком и хрупком,
Ты тайну неизбывную хранишь

И – мертвая, – кружась заздравным кубком,
Нам о любви растоптанной поешь

«Итак, фальшивы были роды...»

Итак, фальшивы были роды,
Был крик ребенка – только миф,
И возле дерева свободы
Разлегся охмелевший скиф.

Всё глуше, глуше льются речи,
Всё тише топот стад людских.
Так меркнут тлеющие свечи
В дыре подсвечников пустых.

Увы! Навеки – то, что было,
Что в древности своей седой
Сказалось Тютчеву как сила
Бессмертной пошлости людской.

«На поиски, быть может, лучших мест...»

На поиски, быть может, лучших мест

Стремится нить лучистая далеко;
Что до меня – куда ни кину око,
Я вижу свет и только свет окрест.

Небесный хлад в парче золотистых звезд
Встречает клен, как мудрый царь востока;
Душа лесов, под дуновеньем рока,
Восторженно свой поднимает крест!

Здесь бересклет, румянясь как ланиты,
Стыдливой девы, сердцу говорит,
Что беззаветно любящий дарит;

Что вечностью те будут позабыты,
Кто в строгий час свиданья с женихом
Тьму не пронзит приветственным огнем.

Бабье лето

Спеши, спеши – короче стебель!
Дробите лист – вся сила в цвет!
Так мало солнца в бледном небе,
Чуть улыбнулось – и уж нет!

Вот на бугре, средь глины бурой
Пригрелся лютик... – как цветет!
Он до поры успеет хмурой

И просиять – и кинуть плод.

Гвоздика, видно, опоздала:
Малиновый венок так мал!
Пусть! Ты права, когда искала
Пробить свой корешок меж скал!

А было жестко, было больно, –
Так больно было – путь искать
И, замирая мимовольно,
О влаге камень вопрошать!

Что было так легко в апреле,
То чудо – в этот краткий срок;
Но мир – весь чудо, и у цели
Смеется каждый лепесток.

Святое время – бабье лето:
Тепла последний перегон;
Как будто явь – и точно сон;
Как будто песнь – а кем пропета?

**«В звуке – вся жизнь, вся
надежда в торжественном гуле...»**

В звуке – вся жизнь, вся надежда в торжественном гуле

В трепете ветра и рокоте вод;
Думы свой круг завершили – устали, уснули;
Сердце смирилось – и ждет.

Вот из–за рощи волна доплеснула святая
Колоколов.
В синих просторах звезда прочертила, мерцающая,
Мнится: ласкающий зов...

Ты ли, душа, мне родная,
Вышла, любя, из своих берегов?

«Серебристо–воздушными нежными пятнами...»

Серебристо–воздушными нежными пятнами
Одуванчики светятся в росных лучах
И мерцаньями тихими, сердцу понятными
Говорят о мгновенном, гласят о веках.

Красный стебель ты сломишь и дунешь рассеянно –
Зыбкий призрак разорван и тает, как дым;
Но не верь: что природой, как семя, содеяно,
Причастилось бессмертью под солнцем святым.

В этот утренний час, отягченные росами,

Улыбнутся цветы мимолетной весне;
И ответы богов за людскими вопросами,
Словно облак волокна, скользят в глубине.

Resignation

Воздвигнуты для въезда знатных лиц
За городом Херсонские ворота.
Я пленный в них входил, глядящий ниц.
Конвой был строг, уставший от работы.

Была глухая ночь. И сердцем я страдал,
Я чувствовал года – их груз мне сел на плечи.
Втроем мы шли. От них я отставал.
С конвойными какие будут речи?

Всё будет сделано как повелит закон.
Я говорю себе: откройся всякой каре.
В тюремной тьме, в ее давящей хмаре
Я верю, что сдержу совсем ненужный стон.

И, мнится, я впитал уроки древней Стои,
И сила мудрых слов как вечная скала:
Терпи не жалуясь, покуда кость цела.
Страдать покорствуя – ведь дело–то простое.

Наш дом – диковинный кирпичный красный куб,

Окошки сводчаты, замки по пуду каждый,
И черный дым, вясь над рядом труб,
Восходит к небесам с неутоленной жаждой.

Со всех сторон мы кинуты в тюрьму.
Грехи свои кто знает, кто не знает...
Тот сердцу верует, тот гордому уму,
И дни за днями тихо тают.

«Нам, полоненному народу...»

Нам, полоненному народу,
Что пал под силою враждебной,
Пошли твой дар, твою свободу,
Свод неба синий и целебный.

Пошли нам солнце золотое,
И пенье птиц, и ветер вольный,
Простор полей многоглагольный
И сердце, как цветок простое.

Дай нам понять, что волей отчей
Творится наше восхождение,
Что первый в мире Бог – рабочий
И что к Творцу идет творенье.

Дай пленному лихую долю

Принять как таинство святое,
Дай сон: нет стен, а только поле
И в небе солнце золотое.

Легенда о Моисее

Однажды Моисей, взошед на гору,
Взирал задумчиво. Кругом светло
Сияла ширь холмов на радость взору.

Весной обласкана, земля цвела,
Ликуя в пестротканом облаченье,
Душа пророка радостной была,

И на челе сияло вдохновенье.
Вся в радугах под нежной синевой
Цепь снежных гор, как легкое виденье,

Сулила неизведанный покой....
Вдруг соколом гонимый голубь белый
Промчался в небе трепетной чертой –

И Моисея сердце восскорбело.
Он бросил в небо возглас: не убий!
И как бы тучей небо потемнело.

Нарушилась гармония стихий,

Гром грохотал, и эхо повторяло
Всё тот же возглас строгий: не убий!

И сокол внял. Над голубем витала
Смерть неминучая, но вот он снова жив,
А птица ловчая далече улетала.

Вернулась вновь, голодных положив
Птенцов к ногам сурового пророка.
И молвил: «Мне ловитву запретив,

Не хочешь ли их гибели? Жестоко
Твое решение. Возьми, корми их сам!»
И сокола пронзительное око

В последний раз скользнуло по птенцам
И вещему пророку. И покинул
Детей тому, кто взор свой к небесам

Воздвиг, молясь. Но миг сомнений минул,
Он нож берет. Вот грудь он обнажил
И лезвие кругообразно двинул.

И плотью Моисей голодных наделил,
И кровью их поил, забыв страданье.
Так, став истоком живоносных сил.

Пророк святое вынес испытанье.

Песенка стража

Мурлычет сторож песенку
У двери у моей;
Знать, тоже ищет лесенку
Туда, где посветлей.

То кается, то мается,
То будто вовсе пьян...
Так по ветру качается
Замотанный бурьян.

С той песнью в сердце просится
Мечтаний легкий рой:
По малой капле точится
За звуком звук родной.

Люби кого приходится.
Кого? Не всё равно ль?
Святую Богородицу
Иль трепетную моль?

На всем печать Господняя,
Везде Его рука,
И песня та свободнее,
Что плачет у замка,

Что стонет понемножечку
Всю ночку напролет,
Сверлит себе окошечко,
Хоть шелку на восход.

Мечтатель

Ах, бежать от стен ревнивых,
Поразмыкать злое горе,
Позабыть зоилов лживых,
Видеть горы, видеть море!

Видеть вольные просторы,
Слышать говор, клик и хохот.
Шире море! Выше горы!
Там, где мула звонок топот...

Над тропинкой каменистой,
Там витают только птицы,
И озон струится чистый
В царстве вещей Ледяницы.

Обежать мир стародавний,
Облететь ли быстрой думой?
Ну, скажи, что своенравней
Вновь прийти к тюрьме угрюмой,

Попроситься под запоры,
Повиниться перед стражем,
Оттого что море, горы,
Всё у нас – когда прикажем.

Эзопу

Гений в теле горбуна,
Вдохновеньем озаренный,
Ты – всегдашняя весна,
Вечный лавр густо-зеленый.

Что тебе зима и плен,
Непогода или вёдро?
Всё земное – прах и тлен,
Правда только в песне бодрой.

Жизнь уходит, как струя
Из разбитого сосуда,
Все условия бытия –
Черепков гремящих гряда.

Правда там, где дух царит,
Где мечте своей в угоду
Непрестанно он творит
Сам себе свою погоду.

Правда там, святой мудрец,
Где бессильны плеть и казни.
В легкокрылой твоей басне
Ты нашел ее, творец?

Паук

Посвящено Диме

Вот он, паук, давно классический.
Как быть тюрьме без паука?
В нем символ дан почти мистический:
Отъединенье и тоска.

Таясь, весь день глядит внимательно
На суету бездумных мух
И ткань свою блюдет старательно,
Как инженер суров и сух.

Ему пути давно намечены
(В себе носил он те пути)...
Там, где две нити третьей встречены,
Он должен жертву оплести.

А сколько на улов отчислено
Крылатых фей на каждый день?..
И молвит он глубокомысленно,

Почти сурово! «Не задень,

Не нарушай порядка строгого,
А сам в углу своем сиди,
Учись у паука убогого
И познавай, что значит: жди».

Так говорит он или слышится
Из глубины моей тоски?
И паутина чуть колыхнется,
Натянутая мастерски.

По вольной воле иль рождению
В тюрьме нашел ты крепкий дом?
Что уподоблю наслаждению
Беседы с пауком?

Песня луны

Посвящено Наталии Ивановне

Сквозь мою решетку из-за туч струится
Тонкий луч, трепещущий и нежный,
То луна, земли моей сестрица,
Всё-то ходит по степи безбрежной.

Наливает тучку золотым елеем,

Душу наполняет грезой и покоем,
Будто тихо молвит: «Что мы разумеем?»
И еще потише: «Многого ли стоим?»

О тебе, поникший, в небе я тоскую,
Вот и заглянула в малое оконце.
Солнце наклоняет чашу золотую;
Солнце не устанет оттого, что – Солнце.

На полях лазурных, заплетая петли,
В ризе сребротканой я почти устала.
Свет мой хоть и видишь, вопрошаешь свет ли?
Неба дар безмерен – сердцу всё–то мало».

Посох в цвету

Если твой посох расцвел, кто помешает скитанию,
Кто преградит тебе путь, если ты с Богом идешь?
Странником был ты и станешь свободен, пленный;
Каждой дороге отдаст верный свой оттиск стопа.

Друг природы

посв. Вас. Иван. Шевченко

Менять ружье не так уж безопасно,
За это попадешь порой и под замок.
Ну, что ж? Я рад: я слушаю, как красно
Ты про охоту молвишь, мой стрелок.

Ты говоришь, и видится мне ясно
Весенний день, скользящий твой челнок.
Ты сгорбился и в небо смотришь страстно,
И тихо–тихо щелкает курок.

Почуяли... крыла звенят по влаге.
Чу! выстрел! И Трезор твой, полн отваги,
Бредет в кусты, куда чирок упал.

Промок, дружок... И гладишь ты Трезора...
Так при тебе я волю вспоминал.
Терпи и жди!.. Ты в Льгов уедешь скоро.

Защита песни

*Пишущий стихи похож на того, кто,
собираясь ходить, подвяжет ногу.
Л. Толстой*

Суровый дух, стихи ты осудил.
Мудрец, ты в них забаву только видел.
Но не людей – ты истину обидел,

Ты о цепях поющих позабыл.

К певунье пряхе стройный ритм восходит,
Кто с челноком заговорит шутя.
Взгрустнется ли, забвение находит
В мурлыканье безгрешное дитя.

А бурлаки, что бечевой ходили,
Как выучный скот поникшие в тоске...
Их песни вольные о матушке–реке
От очерствения, как миро, сохранили.

Смягчается томление дороги,
Когда бренчит колоколец дуги,
И пел ямщик про жребий свой убогий
И создавал «не белы то снеги!».

Нарушена ль души моей больной
Гармония – ищущих родных созвучий.
Ты, песня, – радуга под тучей грозовой,
Опора и надежда жизни лучшей.

Малышу

Дитя без соски и гремушки,
Ты – радость наших тусклых дней,
И как судьбе, седой старушке,

Не улыбнуться веселей?

Рука косящей не устала,
А ты явил свое лицо,
Пришел, пока несет так мало
Яиц куриных Глав–яйцо.

Трещит, скрипит ладья Харона,
Работою утомлена.
Давно «на пана и барона»
По Стиксу плавает она.

Цвети без булочки... И много
Одолевой докучных без!
Но, если вправду силен бес,
Он только тьякает на Бога.

Андре Шенье

посвящ. Е. М.

Нет, никогда ошейник гильотины
Не омывала кровь святей, чем эта...
Огнем и духом правились крестины
Прекрасного и юного поэта.

Как он любил укромные долины,

Где дремлет Пан в палящий полдень лета,
И песни дев, роняющих в корзины
Дар нежных роз для гроба и букета.

Тропою кротости он шел к великой силе,
И стал он – лев, когда пришел палач,
И волки исступленные завыли,

Чтоб заглушить детей и женщин плач,
Гнев правого и рокот соловьиный,
Витающий над черной гильотиной.

Книга в тюрьме

Посвящ. Леон. Петр. Богданову

Романы Эркмана и Шатриана
Читаем здесь. В них прелесть простоты,
И выступают как бы из тумана
Народные незримые черты.

В них жизнь дана вне позы и обмана:
И сельские смиренные цветы,
И горечь слез под грохот барабана,
И сердца заповедные мечты...

Блюдет один из пленных книги эти,

Тюремный шкаф кой–чем снабжает нас.
Забудешь всё. Вдруг вскрикнешь: «вот те раз...

Странички нет! Граждане – те же дети:
На папироски дергают листки,
Чтоб табачком забыться от тоски».

Моему сыну. Сонет мистический

Когда они пришли, ты рисовал безделки,
В которых был намек на строгий ход судьбы:
Блужданья моего там намечались стрелки
И Года старого увечья и горбы.

Когда они ушли – от острой переделки,
Как Астероиды – след мировой борьбы,
Ютились ящики, бумаги, скарб наш мелкий,
А я уже шагал на внятный зов трубы.

Душа смятенная клянет свои основы...
Но, зодчий храма, знает: нет, ты не в плену,
Здесь тайна некая, бродило жизни новой.

В солнцевороте том угадывай весну,
И ты поймешь, мой сын (пускай немного позже),
Кто, мудрый, замесил нам в этот хлебец дрожжи.

Тиф

посвящено Талаловскому

Есть паразит, приносящий в укусе
Немочь лихую, нередко и смерть.
Верит ученый в науку и трусит,
Смел неученый: он верит лишь в твердь.

Злой паразит заповедному служит,
Правит им ход неуклонный планет.
Кто о небесной планете не тужит,
Должен о тифе не слишком скорбеть.

Он не напрасно тебя посещает;
Вот отчего неученый правей:
Верит в планиду и бодро шагает,
Смерть ли он встретит – братается с ней.

Вот посмотри: на снегу бросил платье,
Голый сидит и снежком себя трет:
Надо быть чистым, – и это занятие
Я во дворе наблюдал... О, народ!

Много ты тайн неведомых чуешь,
В этом святая твоя красота.
Пасхой Христовой ты смело целуешь

Хоть и проказу – устами в уста.

И ничего! Так наступит на змея
И скорпиона, кто прав и велик.
Кто через зло перейдет не робея,
Тот уж не носит цепей и вериг.

У БОЛЬНОГО

Он бледен и в тенях зеленых. Уходят
В орбиты глаза.
Протянуты руки вдоль тела
Поверх одеяла.
Что скажешь ему,
Посетитель?
Помнешься
И бросишь тоскливую глупость,
Что, дескать, напрасно
Горькую долю тюрьмы
Усложнять...
Что люди лихие
Не могут понять...
Довольно.
Он слушает? Нет. Забылся? Ни слова...
Ему не смешно и не нужно.
Довольно!
Его лихорадит. Уходят

В орбиты глаза
На лице исхудалом.

Солнце в коридоре

Клонится к западу ясное, красное.
Вышли и мы в коридор
В длинном окне посмотреть
Солнце прекрасное,
Желтый по стенам узор.
Бледные лица друзей,
Тех, кому здесь посветлей.

Ходим мы кучками, речи не вяжутся...
Всех—то нас тянет к окну
То ли себя пожалеть,
То ль помечтать про «такую бы лестницу»,
Про старину,
Иль посмеяться, кто в смехе успел
Выковать щит от томительных стрел
И дразнящих...
Лучей,
Тихо скользящих
По лицам людей.

Чья красней?

Посв. Нат. Никол.

К раббину Риво некто приходил,
Глася: «Назначено мне дело злое;
Мне говорят, чтоб меч я обнажил
На человека. Но мерзит кривое,
А повелевший смертью мне грозил,
Когда ослушаюсь. Рабби, больное
Утишь мне сердце, совесть развяжи,
Что ныне делать, ясно расскажи».

И отвечал учитель: «Сам подумай
О крови брата – иль твоя красней,
Чем кровь его? Пускай злодей угрюмый
Убьет тебя – ты крови не пролей.
Ждет смерть тебя иль жизнь в юдоли шумной,
Не изменяй завету: «Не убий»».
Так говорил смятенному Рабби.

Изобретатели

Посвящ. Ив. Евг. К.

Долой острог! Да здравствует трудовая

коммуна!

Надпись на флаге

Убийство Каин изобрел
(Был человек–кремень),
И кроткий Авель отошел,
Как гаснет вешний день.
А кто решил людей согнать
От четырех дорог?
Кто первый изобрел острог?
Кого мне поминать?
Иль имя это сам Господь
Скрывает от людей?
Ведь Каин убивает плоть,
И душу – этот змей.
Еще охотнее сравнишь
С косматым пауком...
Он опозорил слово дом:
Ни дна ему, ни крыш!
Пусть он витает в пустоте,
Не ступит на порог,
Кто черной послужил мечте,
Кто выдумал острог!

Окно без рам

Диме

Поднявшись на этаж второй,
Ты подойдешь к окну без рам,
Где сквозь решетку ветр живой
Несет не воздух – фимиам;

И вольный виден кругозор:
Площадка бега и за ней
Пустынных домиков узор,
Дымки, а там – простор полей.

И восхищенный ловит взгляд
Вид идиллический. Вдали
На лыжах четверо ребят
Цепочкой резвой протекли.

Вот сняли лыжи. На снежки.
Меж ними бой уже кипит;
Они задорны и легки,
И верно каждый победит!

Над ними веет ветерок
И тот же ветерок в окно
Несет порхающий пушок,

И место мне в игре дано.

Виргилий. Сонет

Посвящ. Е.В. Шлоккер

Бальзам надежды он на раны пролил,
В железный век мечтал про золотой,
Гласил о Том, кто исцелит все боли
И успокоит мир с его тоской.

Душа, влекомая к земной юдоли,
Томилась неключимую рабой.
Он с ней заговорил о светлой воле,
О синем, что сияет над землей.

Живя с природой, чуткий и пытливый,
Он изучил крылатую пчелу
И возрождений символ дал нелживый.

Садовому искусный ремеслу,
Привил ты Риму черенок Мессии
И дал Психее пару новых крылий.

Павел Ефимов

*Влечение, а не принуждение властвует над
вселенной.*

Фурье

Сам к нам пришел ты незванный, непрошенный,
Вымел нам камеру, щи разогрел.
Строгой судьбой в эти стены заброшенный,
Нес ты уж месяцы грустный удел.

Стал ты нам другом, спокойный и сметливый.
Мы тебе хлеба давали, кто мог.
Круглый лицом и улыбкой приветливый,
Утром приходит, несет кипяток...

Было нас двое и двое к нам прибыло.
Ты помогаешь и всем четверем.
С ласкою тихой блюдешь ты, что б ни было.
Как без тебя мы отсюда уйдем?

Ждешь ты амнистию. Грех твой не маленький:
С поля бежал – и добрел до тюрьмы.
Месяцы ждешь ты, солдат неудаленький,
Месяц с тобой дождемся мы.

Ты говоришь нам в часы откровенности:

«Вы хороши мне и я вам хорош».
Труд твой за хлеб, а безмерные ценности –
Ласку твою – бескорыстно даешь.

Жизнь не оставит нас в нашем томлении;
В этом покинутом солнцем мурье
Осуществляем семьей восхождение
К миру гармоний, что строил Фурье.

Жена и муза

Обем

Чтоб видеться (в тюрьме тоска – не голод),
Ты, пленнику, приносишь мне обеды,
Усталая пересекаешь город,
И наши через щель не веселы беседы.

А по ночам божественная дева,
Пока я сплю, незримо ждет у ложа.
Проснешься – «Здесь ты?» – «Здесь!» Глядишь налево:
Окно во тьме. Но ты и так пригожа.

Твой голос – свет душе. Не надо утра.
Чем сердце ты, богиня, удостоишь?
И вот начнет торжественно и мудро.
Я тихо вторю ей: нас в мире двое.

Ты прежде забавляла – учишь ныне,
Я познаю, чем мир стоит и движим.
Как человек, подобный мерзлой глине,
Восходит ввысь – про то мы строки нижем.

И ритмы мира, музыку вселенной
Несешь ко мне и сыплешь из корзины
Твои цветы, и я ликую, пленный,
Вознесенный на снежные вершины.

Пока ты здесь в ночи и озаряет
Мне шелку милый взор в дневную пору,
Я не томлюсь... Печаль моя витает
Как облако по синему простору.

Тебе и ему

Ты говорила мне, что он уже садится
И гордо выглядит, как молодой орел.
И любо слышать мне, как сыном мать гордится,
Приветствуя ребячий произвол.

Он зим еще не знал, и круг его в начале.
Стремленье первое – дать юной силе ход.
Чтоб руки матери подняться не мешали,
Он много раз их гневно оттолкнет.

И будет сладкий миг, когда он крепко станет,
И лучший миг еще, когда он крикнет: я!
И он пойдет на клич, куда его поманит
Прекрасная богиня бытия.

В углу моем, смиряясь, незримо привыкаю
Сурово заглушать зов жизни изжитой.
Чего еще я жду? Иль, может быть, желаю?
– Жизнь хороша, но лучше – на покой...

Что впереди с моей я стал бы делать волей?
Обманы смутных дней я до конца познал,
И ныне утлый гроб мне грезится без боли,
Заманчивый, как страннику привал.

Расскажешь сыну ты, когда понять он сможет,
Как странно наши с ним скрестились пути;
И пусть рука его тебе еще поможет
За мною вслед покорно добрести.

Старуха

Посвящено В. Е. Бахтадзе

Едва повечеру окончится поверка
И скрежетом ключа мне кровь оледенит,

Ко мне приблизится старуха–лицемерка
И на ухо спеша заговорит.

Меж тем как ночь недвижима на страже,
Проходит старая и шепчет, наклонясь,
Что был ты то да се, силен и важен даже,
И чьей–то прихотью стал только грязь.

И липнет, как слюна, и сморщенной рукою
Доучно, медленно чело ласкает мне.
От этой жалости я рабым сердцем вою
И цепь мою кусаю в полусне.

Все койки до конца она пройдет дозором,
Оплачет всех, кто слезы лить готов,
И нескончаемым, томящим разговором
Заманит нас в трясины без краев.

А ночь тюремная на страже не устанет,
Покуда черноту царапает восток,
И каждый, истомлен, как приведенье встанет
На скрип ключа, будящего замок.

Запретное свидание

Сквозь щелку двери мы едва переглянулись,
Ты поняла меня, и губы улыбнулись.

Прощаемся кивком. И вот к тому окну
Спешу перебежать: обманем сатану!

И я не долго жду. Спешит. Остановилась.
Корзину ставит в снег. Окно дарует милость
Беседы радостной, свободной и живой.
Чуть только далеко... Но воздух—то какой!

И в этом воздухе ядреном и колючем
Твой голос слышится, отрадно благозвучен,
Как горного рожка торжественная медь,
Как журавлиный клик, манящий улететь...
Морозец—то каков! Но в сочетанье дружном
Два наших голоса текут зефиром южным.

Новые соседи

От сумы да от тюрьмы...
Пословица

Новые соседи принесли нам жалобы новые,
Слова—то другие, а послушаешь — те же.
Ночью храпы иные, а сны, видно, наши, свинцовые...
Наши прошли вы этапы, наши канавы и межи.
Новые соседи, привет от старых пленников!
Только не горюйте слишком, не советую:
Жить здесь можно труднику, можно и бездельнику,

Есть куда направить лодочку отпетую.

Лодки наши, лодочки, с парусами рванными,
Бури—то вас бросили и рубили скалами...
Солнце где—то прячется, скрытое туманами.
Много горевали вы? То ль еще бывало нам?
Бросьте счет, товарищи: дни, недели, месяцы...
Не томи, друг, сердца, назад не оглядывайся,
Принимай без страха всё, что только встретится,
От сумы с тюрьмой, смысленый, не отказывайся...

Корейша

Провидец, скрывшийся безумьем, словно маской,
Он в шутку звал себя студентом хладных вод
И жил, утешенный какой—то дивной сказкой,
В больнице под ключом — Бог весть который год.
В чудачествах не знал ни меры, ни предела,
Сегодня — балагур, назавтра — глух и нем.
Брал приношения и раздавал их тем,
Над чьими душами нужда отяготела.

И много было в нем непонятых глубин...
Забьется в уголок, зачем—то камнем диким
С благоговением, с вниманием великим
Дробит бутылки там... Как маг и властелин.
Когда к нему порой ходили за советом,

Он на клочке писал неясные слова.
Он юродивым был и, может быть, поэтом,
И умер, преклонясь, как осенью трава.

.....

За гробом рос прибой задумчивых людей.
Шли плача и скорбя. Казалось, будто правил
Он сердцем простецов, кто любит горных фей...
И след сияющий по–над Москвой оставил.

Моей жене

Мать четырех детей – двоих ты потеряла:
Порхнули ласточки из милых рук.
Мечтой скорбящею за ними ты витала;
Так облачко целует лунный круг.

И двое близ тебя: наш отрок и малютка,
А я в плену – и как могу помочь?
Томит грядущее: оно темно и жутко:
Холодная, всклокоченная ночь.

И пусть мне говорят, что я напрасно верю,
Что я не в силах Бога доказать, –
Пусть будет так! Я тайну сердцем мерю:
Я знаю, что такое смерть и мать.

Не хлопочи

День пережит – и слава Богу
Тютчев

Читай мои стихи... Я в них тебе виднее.
Забудь про шелуху печальную мою.
Я душу отдаю моей крылатой фее
И в ней тебя и мир ласкаю и люблю.

И что мне до того – я тощ или упитан?
Тюремной сырости души не умертвить.
Когда для песен я взлелеян и воспитан,
Я в беспредельности давно уж начал жить.

Не беспокой же тех, кто в мире власть имеет.
Так безразличен мне превратный мой удел...
Когда в душе моей весной незримой веет,
Мне только жалко их тупых враждебных стрел.

Сектант. (Откровение, гл. 11, ст. 2–3).

Сегодня ввергнут к нам евангельского толка
Сектант, и вопрошал его наш сионист,
Как экземпляр живой диковинного волка,

Что между сереньких так странно бел и чист.

Да, веру жаркую не спрячешь – не иголка.

– Но в Троицу верите? – Как в Библии стоит.

– И в Богородицу? – Он гнулся мягче шелка,

Но отвечал, храня невозмутимый вид.

– В Апокалипсисе, – сказал он в заключенье, –

Есть нам пророчество: закончится наш строй

В сорок два месяца – и будет нисхождение.

Затихнул и поник печально головой.

«О, два свидетеля, отцы святых декретов!»

Так говорил слуга евангельских заветов.

Рудольф штайнер. Сонет

Твое обетование не ложно,

Великий Вождь, ты прав, я вижу это:

Душа народа ждет, как мать, тревожно

Неверный шаг незрелого поэта.

Так вешним днем пробьются осторожно

Побеги трав, когда земля пригрета.

Теперь мне сердце выразить возможно,

Когда над ним стоит моя планета.

И пусть ты далеко: ведь дух твой мощный
Достиг меня через поля и горы,
От юга твоего к стране полнощной.

Мне грезятся пылающие взоры,
Чело жемчужное, движенья дланей
И слышны громы вещей заклинаний.

Сосед

Посвящено Л. А. П.

Были соседи мы, стали соседями,
Рядом ведь камеры нашей тюрьмы.
Душу отводим порою в беседе мы
В краткие дни нашей лютой зимы.

Ввергнутый в яму (хотя и не львиную),
Так же ты ясен, как ранее был,
А запоешь про детину с кручиною –
Кажется, всё бы с тобой позабыл!

Мы прочитали вчера с изумлением,
Будто пропали бумаги твои.
Ищут по городу их объявлением...
Водку хватил он иль выпил Аи?

Что б он ни выпил, печальный мучитель твой,
Верно, не будет ему веселей,
Чем близ тебя, средь волны освежительной
Песни широкой и вольной твоей.

Семицкая песня

Мы березку заплетали,
Мы кукушку поминали
В светлый вешний наш семик.
Небо было – голубое
И веселье – молодое...
Прикасался к лику лик.

К губам – губы, к сердцу – сердце,
Распахнулась настезь дверца
Меж душою и душой.
Гулко квакают квакушки;
Все мы девоньки–подружки,
Это праздник наш родной.

Из одной–то мы деревни,
Мы блюдем обычай древний:
Заплетайся, хоровод!
Парней прочь – бери их леший!
На березку ленты вешай,
Лето жаркое нас ждет.

Будет пёкло, будет страда,
А весной – одна отрада,
Соловей–то: чок–чок–чок!
Только Ваня пусть придет к нам,
Ваня тихий пусть поет нам,
Как у норки друг–сверчок.

«Сегодня в сумерках звучал согласный хор...»

Сегодня в сумерках звучал согласный хор
Из женской камеры. И вспоминались живо
Поля родимые, зеленошумный бор
И юных девушек, бегущих торопливо
По ягоды, беспечный разговор.

Я говорил в тоске. Пусть счастье будет вновь,
Но никогда уже к нам не придет беспечность.
Как первоцвет души – лучистая любовь,
Так и тюрьмы объятья – это вечность,
И навсегда она отравит кровь.

Первый зуб

Ты бросаешь мне в окошко,
И твой голос юн и звонок:
– «Показался зубик первый». –
Зреет радостно ребенок.
Шаг за шагом, понемножку
Он идет дорогой верной.
«Сосунок такой забавный,
Укусил сегодня больно,
И о зуб стучала ложка...»
Сердце слышало невольно:
Я тебе, родная, равный, –
Догоняю понемножку.
Так через слезы, стоны боли
Слышен мерный шаг природы.
Так от века и до века,
Через годы, через роды,
Вырастаем поневоле,
Достигаем человека.

«Свободен мухи лёт, а пауку работа...»

Свободен мухи лёт, а пауку работа.
Пусть буду мухой я, плененной пауком.

Я не забочусь, нет, но я для них – забота:
Сначала изловить и высосать потом.

Чуть смеркнется – пришли, всех нас переписали,
И гнусно скрежетал в замочной щели ключ.
Не я считал их, нет; они нас проверяли,
И сердце слышало, как ручеек певуч.

Пускай у стен моих сменяются патрули –
Простивший тот же всё, всегда, и в ночь и в день.
Не я их запирал – они меня замкнули,
И надо мной шумит и зеленеет сень.

Сонет прозревшего. Сонет

В. А. Полоскову

Как протекло мое перерожденье,
Хотите знать? Бог посетил меня.
В осьмнадцатом году я из селенья
Бежал в поля, тоскуя и стена.

Вблизи гремело жуткое сраженьё,
И треск и грохот на исходе дня.
Открылось мне, что это – преступленье:
«Проливый кровь – убийца», – думал я.

И громко так моя душа стонала,
И я молил: «Творец мой, пронеси
Твой правый гнев. Служил тебе я мало.

Отныне весь я твой: от зла спаси;
Прозревшего учи, как жить для Бога».
И внял Отец. Так стал я у порога.

Жене больного

О. В. Рождественской

Вам дали, как жене, вблизи больного светить.
Быть может, надобно, чтоб был преступник жив;
А может быть и так: сам непреклонный тиф
Способен женщине как джентельмен ответить.

Блажен, кто в забытьи глаза любимой встретит:
Пусть бред горячечный упорно прихотлив,
Он может те глаза преобразить в залив
И тем благой исход издалика наметить.

То с книгой дружеской, то с верною иглой,
Жена всегда войдет к больному как хозяин.
Был Адой любящей утешен даже Каин.

А муж преступный ваш не Каин – Боже мой!

Дерзайте, кроткая: за вас сама природа;
И пусть второй ваш приз последует: свобода.

Любовь и смерть. Сонет Диме

Полонский пел кузнечика так нежно.
Мишле творил глубокий труд – «L'insecte»:
Жизнь малых тварей изучив прилежно,
Преодолея он грани многих сект.

Он показал, что дробное безбрежно.
Любви и смерти узел он рассек;
Явил осу, что строит безмятежно
Дворец детве, кончая краткий век.

Он понял мотыльков, что в круг сберутся
Пред тайной тайн... Раздумье....
Миг один – Они к цветку прямым путем несутся,

Где ждут приют и амбра для родин,
Где юность их блаженно протекала,
Где мать–старушка тихо угасала.

Мертвая голова. Сонет Диме

В лучистой Франции, когда вино Шампани
Лилось, как позже кровь, во славу трын–травы¹,
Явились бабочки, неведомые ране,
С энигмой на спине ужасной головы.

Народ, измучен злом, бродящий как в тумане,
Ждал знамений везде и думал: каковы
Удары грозные? Гадали поселяне
О смысле подлинном той мертвой головы.

Что страшный этот знак стране родной пророчит?
Из пропасти ли сонм колдуний прилетел?
Он язвы моровой, войны иль глада хочет?

Закон возмездия никто не разумел...
Впервые океан переплывал картофель,
Личинки сфинксовы и тонкий Мефистофель.

Скарабей

*Quand la veuve en deuil, l'éternel Isis qui se reproduit
sans cesse avec les memes douleurs, s'arrachait de son
Osiris, elle reportait son espoir sur le scarabee sacre, et*

¹ Vive la bagatelle! (Примеч. автора.) [Да здравствуют пустяки! (фр.)]

elle essayait ses pleurs.

Michelet²

Египтянам скарабей
Дорог был как символ жизни.
Жизнью жил их мавзолеей,
О таинственной отчизне
Говорил им скарабей.

Был усопший египтянин
В дивный кокон заключен
Для пути в отчизну тайн,
Как ладья был оснащен:
Плыл к Изиде египтянин.

Мудрость древних тех людей
Угасала понемногу:
Позабыт и скарабей,
И гробницы, и дорога
В область праведных теней.

Спит, как лев, в пустыне знойной
Край великих пирамид,
Дивный сфинкс его хранит,
И в увечье вид достойный.

² Когда скорбящая вдова, бессмертная Изида, неспособная избыть свою боль, оплакала наконец Осириса, она вверила надежды священному скарабею, и слезы ее осушились. Мишле (фр.).

Оттого порой томит
Душу царство пирамид.

Ракиты

Посвящ. И. В. Нестерову

Ракита, вездесущая ракита,
Ты – дерево родной страны моей.
Зеленой тенью лента речки скрыта
От ярких ослепительных лучей.

Кудрявым хмелем в чаще лоз увита
Тропинка втайне любящих людей.
Там, к хилой хате прислонясь, ракита
Сожмет ее объятьями ветвей.

Зимою вдоль проселочной дороги
Наставлен веток бесконечный ряд, –
И верен путь, хотя метели строги.

А кинешь на погост досужий взгляд –
И там она: ничьи не позабыты
Холмы могил крестом живой ракиты.

Охотнику. Сонет

Убита Треплевым таинственная чайка.
Вы «Чайку» видели, охотник? Крепко вы
О нежном символе подумали? Увы!
Вы были тетерев, а драма – только лайка.

Когда из логова поднялся робкий зайка,
Подумали ли вы про коготь злой совы;
Иль, наведя ружье, о всем забыли вы?
И с выстрелом вскричали: получай–ка!

Не думалось ли вам, что всякий долгонос,
В болото погрузив мудреный свой насос,
Весь день работает почище вас, охотник;

Что всякий куличок, летящий над водой
С бодрящим посвистом, живет, как вы, мечтой
О солнце и любви, мой милый греховодник?

Зимний рассвет

Светает. Колокол, зовущий к службе ранней,
Душе вскрывающий блаженство упований.
О, час прозрачности, неясной, но живой,

Когда по облачкам струится золотой
Новорожденный луч и кличут по застрехам
Друг дружку воробьи к заботам и потехам;
Час пробуждения трудящихся людей,
Скрип бодрый сапогов, скрип дровяных саней,
Веселый дым из труб, струей всходящий зыбкой,
В окошке пара глаз с проснувшейся улыбкой,
Движенье гроздьями висящих кубанов
В руках румяных жен – их лепет, смех и зов,
И крепкий дух овчин оранжевого цвета –
Во всем гармония и радость для поэта.

Новобранец

И. Н. Решетинскому

За звездочкою звездочка,
За белой веет белая...
Лежит мой путь–дороженька
Сквозь степи омертвелые.

Любезную гармошеньку
Терзаю всё разлукою,
Жену мою Матрешеньку
Томлю сердечной мукою.

Изба моя, жена моя

Да мерин мой саврасенький...
Прости–прощай! солдат уж я
Под звездочкой, под красненькой....

Дадут ружье да скажут: пли!
Пойду за океан–реку.
Индусы, слышно, подошли...
Равняться лестно – на Москву!

За звездочкою звездочка,
За белой веет белая.
Поет моя гармошечка
Про нивы–жатвы спелые.

Акафист в камере

П. Обабкову

В соседней камере, когда сгустился мрак,
При трепетной свече акафист Иисусу
Читали нараспев, и ждал с надеждой всяк,
Чтоб облегчил Господь больной души обузу.

Сменялись два чтеца, и семеро людей,
С благоговением оборотясь к решетке,
Ловили каждый стих... Дышалось им вольней,
И были их глаза молитвенны и кротки.

Славянские слова звенели в тишине,
Во глубь седых веков мечту мою стремил.
«Иисусе, Пастырю, не погуби мене» –
И вопиял мой дух из стен своих: «помилуй!»

Похвала тюрьме. Сонет

Тюрьме моей я буду благодарен:
Мне очень хорошо в тюрьме жилось.
Тюремщик здесь – слуга, острожник – барин
(Такое уж в России повелось).

Нам каждый день кулеш горячий сварен,
Мясца шматок (при нем большая кость).
Лишением свободы кто ужален,
Пускай того, безумца, гложет злость.

В России нет свободы лучезарней,
Чем в тюрьмах, где дозволено цукать
Не только ту ж неведомую мать,

Но и к свободе нежных чудо–парней.
И говорю друзьям: Живи и наслаждайся,
Да помни сказ: тюрьмы не отрекайся.

Кретин

Я называл его кретином. Лобик низкий
Над бровью убежал, теряясь в волосах,
И весь какой-то был он мятый, серый, склизкий
И пробуждал недоуменный страх.

Лицо людское в нем скользнуло точно с горки,
Запнувшись как-то вдруг у роковой черты
Животного. Таких легко судили порке,
А ранее гвоздили на кресты.

Он бессловесен был, ему не дали койки,
Один на каменном валялся он полу.
Без философии был человек он стойкий,
Без пессимизма верил в ночь и мглу.

Он в шапке меховой казался будто лучше
И даже пробовал похохотать порой;
Усевшись на тряпье, он говорил, что мучат,
И поминал, что хочется домой.

Песня черной земли

По зеленой по пшенице

Густо–синий василек...
Посмотрел я молодежи
Прямо в синий во глазок,
Посмотрел – она косится.
– «Поцелуй меня разок.

– Муж–то увалень да дурен,
Ты же павушка из пав». –
Синий глаз ее зажмурен.
– «Ну, целуй, когда ты прав,
Видно, быть грозам да бурям –
Слышишь шелест дремных трав?»

Так мы начали беседу
С молодецей в добрый час;
Только тот и жди победу,
Чей не дремлет верный глаз.
Было всё равно соседу,
Ну а милой – в самый раз.

Царица нищета

Святой Франциск к Царице Нищеты
Любовно возносил лазурные зеницы;
Учил Готама нас: Всё в мире – это ты,
И говорил Христос про беззаботность птицы.

Он звал к лугам, где нежные цветы,
Где сельный крин прекрасней багряницы
Царей земных... Но люди, как кроты,
Ушли от солнца в черные темницы.

Но вот приходит Бог, как сила злая,
И сочетаемся мы с грозною нуждой,
А из-за туч манит рука родная

И вечный взор сияет глубиной...
Пойми слова, звучащие нестрога:
«Нет в людях сил – возможно всё для Бога».

Веревка

Ощупью средь ночи я петлю накинул
На непрочной койки рваную холстину;
Правой узел правил, левой сжал края:
Крепкая веревка слушалась меня.
Узел был на славу, всё казалось прочно,
Но, слабея снова в темноте полночной,
Разошелся узел. Падала рука!
И сжимала сердце строгая тоска.
Всё-то представлялось сумрачное дело:
Как дрожали руки и душа скорбела
У того, кто жаждал верную петлю
Ночью той ужасной, стоя на краю

Бездны необъятной, что дышала грозно
И шептала в ухо: поздно, слишком поздно!

Голову сдавило как бы злым недугом.
Я с веревкой скользкой говорил, как с другом.
– Вот я пленник бедный, починяю ложе;
Дело просто, ясно, – только отчего же
В пальцах моих трепет и в груди огонь?
Мнится мне, мерцает смутно бледный конь,
А над ним отверсты в мгле недвижимой ночи
Роковой медузы фосфорные очи.
Или ты, веревка, вольной смерти учишь,
Для чего меня ты долгой ночью мучишь? –
И я ждал ответа... Но из рук скользила,
Как змея, веревка. И в углу уныло
Шелестели мыши средь бумаг моих,
И щемил мне душу нерожденный стих.

«Пальмы да пальмы... Сплетения пальм без конца...»

Пальмы да пальмы... Сплетения пальм без конца
Ночью морозной на стеклах изваяны.
Завтра встречаем мы красное солнце Творца
Нашими стройными ваями.

Как изваял их мороз, мы не в силах понять, –
Разум немеет пред явью и грезюю.
Робкое сердце плотское учись же смирять
Перед небесною Розою.

Эпиграмма (на Валер. Гавр. Калинина)

Познайте тайну душ: Как агнец нес он
Неправый плен, но быв освобожден,
Глядел насупленно, был грустен и смятен,
Как бы блуждая меж трех сосен.

Отрывок

М. Г. Рождественскому

Сдвинуть вы меня хотите, друже;
Ваши символы – туманные слова.
Вы без мысли не пройдете лужи,
В строгой мысли зреет голова.

Символ что? Под образы любые
Что угодно я вам подведу,
А у вас всё – Логос да София,
С вами вместе – нет, я не пойду.

Ваши доводы – гонимый бурей листик,
Их не хочет ни мой ум, ни вкус;
Есть один душе опасный мистик –
Галилейский плотник Иисус.

«Наш разговор оборван часовым...»

Наш разговор оборван часовым:
– Здесь говорить нельзя. Скорее проходите. –
Поежась, ты пошла, не спорить же с таким!
А он вослед кричал еще сердитей:

Повиновение дало ему размах;
Воистину, для счастья нужно мало.
И вырастал он в собственных глазах,
Пока вдали ты пропадала.

Пляска стражей

Слышу пляски дробный топот
За железными дверями.
Этот – ну в ладоши хлопать,
Семенит другой ногами.
Эй, Тула, Тула – я,

Тула – родина моя!

Ночь длинна, устали стражи,
Подремали сколько надо.
В коридоре свянешь даже –
Невеликая отрада.

Слава Богу, мы не пленны:
Те замкнуты – нам свобода.
Хоть одни и те же стены,
Да иная, знать, природа!

Вот к рассвету близко время.
Оседлай коня–скамейку,
Повод в руки, ноги в стремя –
Догоняй судьбу–злодейку!
Эй, Тула, Тула – я,
Тула – родина моя!

Песня

Взгрустнется ль мне, всхрапнется ль мне,
Всегда со мной глаза милóй,
Глядят во дни, глядят во сне,
С такой ли грустью да тоской?

Далеко милая моя,

Проехать надо город Псков.
Со мной не разлучилась
Ее горячая любовь.

В тюрьме моей сижу, бобыль,
Никто ж меня не навестит,
Мету полы, глотаю пыль, —
А отделенный—то ворчит.

Приходят дни, проходят дни,
Всегда со мной глаза милой,
Они глядят ко мне одни,
Как я живу с моей тоской.

Народ освобожденный

Заветный час пришел. Восстал народ державный,
По всей стране звучал как бы набатный звон;
Повел плечом едва и пал подгнивший трон,
И красный стяг воздвиг наш победитель славный.

Владык не нужно нам! Брат брату в праве равный,
Вступают в новый путь, увенчанный огнем.
Привет, привет тому, кто битву с древним злом
Несет бестрепетно, как труженик исправный;

Кто может жертвовать и ждать грядущих дней

С терпением и мудростью великой;
Кто кликнул лучший клич: Ленивых не жалеЙ!

И в праведном бою с разрухой многоликой
Кто на полях родных, средь хлеба золотого
Познал великий долг народа трудового.

Косовица

Рожь готова, рожь поспела, всяк налился колосок.
На рассвете закосили, помолившись на восток.
Главным шел дядя Ваня, шире всех его размах;
Он не станет, не устанет, разойдется просто страх!
Развернулись стройным рядом все другие молодцы.
Вся артель сошлася дружно: загляденье – не косцы.
Знаем дело, знаем время: коли можно надломить
В колоске зерно любое – время матушку косить.
Чтоб вольнее – шапки скинем, венчик ржицы вкруг
волос.
Слушай песню в небе синем... Жаворонку довелось
Видеть светлое раздолье нашей Руси трудовой.
Заходи дружней, ребята, вишь, уходит сам–большой,
Дядя Ваня, наш вожатый, голова и быстроход,
Будто шутит, а не косит – будто водит хоровод.

Замочная скважина

*Мир виден через замочную скважину.
N.N.*

Глубокая ночь. Тишина. И замочная скважина
Еще золотится от лампы – извне.
Душе моей грезилась башня... Этаж за этажем
Она возносилась на синем – во мне.

Прекрасная башня из мрамора чудом не падала,
А только склонилась, как зрелый цветок.
Я видел, как ты поднималась, смертельно усталая,
И слабой никто восходить не помог.

Я грезой приближен к тому, что мне сладостно было бы.
Иль рухнула башня живая во мне?
Замочная скважина ярко мне в сердце светила бы. –
Я спал. И пришла ты во сне.

«Сердце бьется шибко, шибко...»

Сердце бьется шибко, шибко –
Жгучий ветер в лицо дохнул.
В чьих руках я – только скрипка?

Кто струну перетянул?

Кто привел к пересечению
Двух стремлений, двух путей,
Осенил, как вдохновенье,
Чашу дал и молвил: пей!

Чьею окружен я бездной?
Чьим истерзан я венцом?
Ночью синей, ночью звездной
Встречен Богом? Палачом?

Тишина... Лишь крови шелест.
Слышен дальний чей-то зов.
Я познал святую прелесть
Облетающих цветов.

Свобода

Я проводил двоих друзей на волю.
Один, весь озаренный, ликовал,
Тюремную позабывал он долю
И милых уж душою обнимал.

Другой – мудрец, – изведав, что в неволе
Он только мыслил, только отдыхал,
Спокойно выходил, как пахарь в поле,

Когда налажен плуг и час настал.

Я, провожая, думал, что друзьями
Дух наградил прекрасными в тюрьме,
Что многие томятся здесь годами

И выйдут ли – Бог весть, и было мне
Предчувствие моей свободы больно:
Из храма так выходишь – мимовольно.

Памяти сына

I. «Был у нас такой мальчонок – Бог увел его от нас...»

Был у нас такой мальчонок – Бог увел его от нас.
Был удачлив от пеленок – он родился в добрый час.
В Павлов день родился крошка, подсказал, как надо
звать;
На крестины пригласили мы писательскую рать,
Не затем, что горды были и любили блеск бесед,
Единил нас златокудрий, легконогий Мусагет.
Вячеслав отцом был крестным – красил розами купель,
Алексей Толстой пел оду, что пастушечья свирель.
Был Кузмин, Верховский, точно лики тех ушедших дней.

Всё собранье олимпийцев, весь венок крылатых фей.
И лилась беседа наша, беззаботна и светла,
В петербургский день морозный Иисусова числа.

II. «Вырастал наш Павел крепким; был спокоен, много спал...»

Вырастал наш Павел крепким; был спокоен, много спал;
Был веселый, – лапкой цепкой он с медведиком играл,
Любовался травкой малой, синий венчик васильков
Созерцал благоговейно в час весенних вечеров.
Позже, музой посещаем, сочинял порой стихи
И почитывал с охотой про отцовские грехи
(Впрочем, то, что папа–цензор, испытую, пропускал;
Жгучим эросом младенца греховодник не питал).
Издавал малец газету с гордым именем «Шалун»,
В ней он сказку нацарапал... Рос писатель в нем иль
лгун?
Лгун пытливый и правдивый, как поэту надо быть –
Часто строчит день–то целый, позабудет есть и пить.

III. «С революцией настала Павлу новая пора...»

С революцией настала Павлу новая пора.
Вся семья—то выезжала из широкого двора.
Нужно было осмотреться, становясь на новый путь,
Нужно было с новым веком столкнуться как-нибудь.
Деревенское приволье городским сменив домком,
Он узнал малютку Славу с черной коской и глазком.
Славе Павел был представлен. Был он розов и смущен.
Он еще не знал то слово: вероятно, был влюблен.
То ли шалость, то ль стремленье поклониться,
полюбить.
Пили рядом чай, варенье предлагал, чтоб услужить.
Убегали в садик малый, в уголке искали тень.
На малютках—креслах тихо ворковали в ясный день.

IV. «Так роман был первый начат, и конца роман не знал...»

Так роман был первый начат, и конца роман не знал.
Воли быстрей дни нашей жизни, и Павлуша поспешал.
Смерть пришла, как тень внезапна, и ребенок наш угас,
Он, рожденный в день прекрасный и в счастливый тихий
час.
Он лежал в гробу прозрачный и как будто говорил:
«Плачьте, плачьте, я—то знаю, что свое здесь совершил,
Заклучил я краткий век мой, но успел всё испытать,
Всё, что сердцу нужно было и на чем лежит печать
Жизни вечной... Всё святое полюбил я в ранний час,

Оттого иду спокойно и в душе лелею вас.
Между нами нет разлуки, только крепче связь с Отцом». Так, казалось, говорил он просветившимся лицом.

V. «Провожали гроб ребята и девушки без числа...»

Провожали гроб ребята и девушки без числа.
Между ними, как вдовица. Слава юная прошла,
И была она прекрасна, словно белой розы цвет.
Лета день был теплый, ясный – он был дан тебе, поэт,
Чтоб печаль тобой любимых озарялася лучом
И кропился, как елеем, дух, пронизанный мечом.
Вот и вся поэма Павла, я писал ее затем.
Что во сне склонился милый и спросил он: «Папа нем?
Пусть напишет он про сына, не смущается концом,
Пусть собрата видит в Павле. Сочиняем мы вдвоем.
Сократи что больно было, вникни в светлый детский мир:
Нас, поэтов, ведь могила не лишает звонких лир».

Ad Rosam Per Crucem³

Всё темнее сердце и печальней,

³ К розе путем креста (лат.).

Но к Тебе, упорствуя, стремлюсь.
Как лоза завьет колонну пальмы,
Я вокруг воли Спаса обовьюсь.

Никогда б не ведать мне исхода,
Не дойти до Божьего крыльца,
Если б Ты, предвечная Свобода,
Не приял тернового венца.

Если б, багряницей облеченный,
Ты не стал позорищем для слуг
И, на крест рабами вознесенный,
Не простер широко бледных рук.

И в борьбе с властителем упорным
Нам ясней Любовь твоя, Христос, –
На кресте обугленном и черном
Расцветет венок пурпурных роз.

Подражание Кампанелле

Народ наш величав, как некий светлый бог
С неисчерпаемой и творческою силой,
Но чудно правит им ребенок злой и хилый,
Велит ему – несет то камень, то песок.

Тирану низкому он выстроит чертог,

На дикий клич его забудет страх могилы –
Пойдет колоть людей, как сноп, что колют вилы
И в слепоте своей <замкнет> себя в острог.
И дело страшное! Когда к нему приходит

Вернейший друг его и говорит: «восстань!»,
Безумно в друге он обидчика находит
И яро на него свою подьемлет длань.
А тот – ничтожный царь, что ядом зелья травит,
Смеется в высоте и черту свечки ставит.

Слепой

Слепой от малых лет, старик убогий, с палкой,
По коридорам он бродил часами;
Своим незрячим взором жуткий, жалкий,
В шубейке порванной был одинок меж нами.

Как он попал сюда? Чем согрешил? Болтали,
Что обладал он памятью лукавой
И выдавал партийных... Тут кивали
На проходящего... Такой печальной славой

Был окружен слепец. Но многим он казался
Почти что ведуном. Он сны соседям
Истолковать умел и тихо улыбался
В отрывистой и сумрачной беседе.

Он в камере своей всех поименно помнил,
Знал святцы наизусть, был сам календарем.
И если жизнь нам делалась истомней,
Он утешал словами: «все умрем».

Вечное. Сонет

Пока забвение стыда
Как ткань гнилая не порвется
И многоглавая беда
Змеей вкруг мира грозно вьется,

Во дни, когда растет вражда,
И с братом брат безумно бьется,
И злое слово *никогда*
Пугливым сердцем познается,

На рубеже предельных мук,
Когда целующий – Иуда, –
Порвется пестротканый круг,

Нежданное свершится чудо,
И расцветет, как белый крин,
Из сердца мира – Божий Сын.

Аид

Они вскрывали мощи Иосафа
И видели в них только прах и тлен.
Пусть так! Когда Христа постигнул плен,
Что видел в нем надменный Каиафа?

Пусть Иосафу до Христа далеко,
Пусть мощи – только тень Святой Любви;
Но, если миру Бог сказал «живи!»,
Свирепей змия пламенеет око.

Змий, миру подаривший древле тленье,
Влечется лишь к тому, что создал сам.
Бессильному войти в лучистый храм –
Тому в гробах и сила и значенье.

Воробьи

То бывало, воробьи слетались
У решетки под моим окном
И чирикали и светом упивались,
Опьянялись солнечным вином.

Был я счастлив счастьем воробьиным,

Забывался под моим замком.
Вот их нет... И ныне ни единым
Уж не греюсь солнечным лучом.

И куда девались птахи эти?
Перелет – не дело воробья,
Их не ловят в западни и сети:
Неизвестна им тоска моя.

Мое сердце – как цветок измятый,
Кем–то брошенный на мостовой.
Одинок я, холодом объятый,
Одинок под пылью и пятой.

Убежали

Убежали нынче двое арестованных с работ,
Оттого–то наши власти злая оторопь берет.
Не пускают нас сегодня пробежаться по снежку,
На дворе чуть–чуть размыкать наше горе да тоску.
Мы, покорные, страдаем за удачливый побег,
Мы сегодня не гуляем, и без нас кружится снег,
И без нас заводят вихри песни гулкие свои,
И без нас близ кухни скачут на дежурстве воробьи.
Двор сурово охраняют–соблюдают сторожа.
Двое где–то убегают – им погода хороша.
Замечает след мгновенно легковеющий снежок,

И насвистывает бойко загулявший ветерок.

«Я новеллы нынче слушал...»

Я новеллы нынче слушал:
Мопассан галантерейный
Нынче спиртик будто кушал
У порога спальни ейной.

Был хозяйский сын героем,
Сам он был герой – пожиже;
Наслаждались жизнью трое,
Почитай, как и в Париже!

Жили–жили. Торговали
Многоценными духами
И цветочки обрывали
Ошалелыми руками.

Воровали дерзновенно,
И всегда сходило гладко.
И вздыхал проникновенно:
– Те года – не сон ли сладкий?

Жизнь, как Маслена неделя,
Торовато протекала...
А теперь – мели, Емеля,

К языку—то что пристало?

«Во тьме, меж нами, в ночь беззвездную...»

Во тьме, меж нами, в ночь беззвездную
Он умирал – вне череды,
И мы стучали в дверь железную,
Просили света и воды.

Всё глубже вздохи и размернее
Из груди миг за мигом шли,
И ночь, казалось, беспредельнее
Склонилась к матери—земли...

Вот чиркнет спичка отсыревшая –
Но света не увидим мы...
И грудь хрипела наболевшая
Средь этой сырости и тьмы.

Никто не внял. Не дрогнут правила,
Навеки данные тюрьме,
И под замком пребудут камеры,
Пока земля в глубокой тьме.

Последний звук... Ни вдоха более.

Спасен... Свободен он теперь!
Но кто-то всё стучит неволею
В железом кованную дверь.

«Пятидесятый день меж этих мрачных стен...»

Пятидесятый день меж этих мрачных стен
Я и томлюсь, и странно наслаждаюсь.
Вот ночь последняя, и кончится мой плен,
И в старый мир я возвращаюсь.

Настанет сладкий миг, и белой пеленой
Вдруг ослеплю глаза, и не в квадратах тесных
Промозглого окна утешусь синевой –
Увижу всю красу полей небесных.

Увижу я глаза не сквозь дверную щель,
Скажу, что думаю, без сторожей ревнивых,
И высшая тогда откроется мне цель
В моих томительных порывах.

Но не забыть мне тех, кто долгие года
Не перейдет теснин изгнания;
Мне больно им сказать: простите навсегда
И жутко молвить: до свиданья.

Песня юродивого

Я от Бога всё приемлю,
Как небесные цветы,
Что летят ко мне на землю, –
Я от Бога всё приемлю
В свете вечной красоты.

Скорби, боли и недуги,
Если сердцем ты готов, –
Только сладостные други,
Скорби, боли и недуги –
Только круги лепестков.

Неведомой мне тайной
Ты хранишь меня пока.
Средь сумятицы печальной
Неведомой мне тайной
Жизнь страданий мне легка.

Так летят ко мне на землю
В свете вечной красоты,
И я дивным звонам внемлю,
Что несут ко мне на землю
Вековечные цветы.

«Кругл и розов. Взор сияет...»

Кругл и розов. Взор сияет.
Рот открыт и машут руки –
Вот таким меня встречает
Мой младенец – по разлуке.

Лиру строить не дерзаю
На державинскую оду,
Лишь смиренно прославляю
Мать и мощную природу.

Ева средь волчцов и терний
Тем упрямей поднимает
Человека, тем размерней
И полней в нем кровь играет.

А насколько и докуда
Хватит сил – что дальше будет?
Эта мысль – души остуда,
Здесь не мы, а Высший судит.

Званы мы в наш мир юдоли
Для труда преодолений.
Пусть гнетут и мучат боли,
Эти боли – лишь ступени.

«Мы двое вышли из тюрьмы...»

Мы двое вышли из тюрьмы.
Ты полетел – стрела из лука,
Я тихо шел... Расстались мы:
Для каждого своя наука.

Через площадь шел мой долгий путь.
Смеркалось, и снега сияли...
Дышала, поднимаясь, грудь.
Сквозь дымку звезды проступали.

Потом я улицей шагал.
Встречались люди, обгоняли,
Их голос ласково звучал,
Когда они мне объясняли,

Как здесь пройти, где повернуть,
Как выйти на мосток к порожкам.
Так я держал обратный путь
И в жизнь вливался – понемножку.

И сердце ждало сладкий миг...
Так ждет, в лазури догоняя,
Журавль подбитый горний клик
Его приветствующей стаи.

Кручина

Над равниной плакала кручина;
Растекалась кручина ручейками,
Ручейки по речкам собирались –
Уходили речки к синю–морю.
И кручина, голосом окрепнув,
Говорила, пела синю–морю:
– Море, море, – Русь в боях могуча,
Каждый в ней – закал принявший витязь.
Только сердцу вдовьему не легче,
Только сердцу матери не слаще
О погибшем витязе крушиться.
Льются слезы без конца, без края.
На полях, политых кровью братней,
Вызревает хлеб, и хлеб тот горек. –

Так кручина морю говорила.
Омрачилось сине–море. Горькой пеной
Побелели волны, но спокойно
Прогремело море: – Праздный ропот.
Человек приходит не навеки,
Не навек уходит из–под солнца.
Посмотри на небо: круги правит
Человек, подобный звездам светлым.
Не горюй о нем ты, доля вдовья,
И не плачь о нем, старушка Божья:

Зоря алая не на́ век отгораёт –
Пролитая кровь не погибает.
Поклонись, кручина человечья,
Ты отцу зари, предвечному солнцу.

«Издалека мертвил я благодать...»

Издалека мертвил я благодать
И осквернял тебя, божественная фреска;
И краски яркие затем лишились блеска,
Что я не мог палитры удержать.
Я двигал кисть вперед и снова вспять,
И вот судьбы законная отместка.

Так Космоса незыблемый закон
Один навек – как ход самой природы.
Узнай ту ткань, где ты, как нить, вплетен,
И обретешь ты дар святой свободы –
То будет миг, где явь сменяет сон.

«Он нездоров – и стал вдвойне нам дорог...»

Он нездоров – и стал вдвойне нам дорог:

Дрожа, горит в нем малый огонек.
Нам каждый вздох и крови каждый шорох
Гласят как зов, как ласка, как упрек...

Меж нас он врос звеном нерасторжимым,
Беспомощный – он силу нам дает;
То нас роднит с высоким херувимом,
То с червяком, что по листку ползет.

Далекие светила, сохраните
Недужного целительным лучом:
Вот жизнь его на еле зримой нити
Качается под каждым ветерком.

«Причалили... И брызги влажной пыли...»

Причалили... И брызги влажной пыли
Блеснули на лету, но луч погас. –
Усталость нашу мы еще хранили,
А море бурное ушло из глаз.

Освобожденные, мы снова вместе были,
Тюремные собратья, – в первый раз.
Мы о случайном много говорили;
Молчание соединяло нас.

И вот опять переживаю снова
Вчерашний день – и он во мне поет;
Ушедшие, к вам обращаю слово:

Пусть радуга над вами расцветет;
Открытым взором нашу боль окинем,
Как легкий дым, витающий на синем.

Перекаати–поле

Плугом я оторван от земли родимой,
Я подхвачен ветром и несусь по полю –
Через овраг, дорогу, пашню – мимо – мимо,
С ветром разделяю новую мне долю.

Я землей питался и развил недаром
Купол свой ветвистый – был кустом зеленым;
Мчусь я бурым комом, обкатался шаром,
Породнился с буйным вихрем–ветрогоном.

Пробегаю версты, – и поля всё те же;
Конь храпит, испуган, смяв меня копытом.
Хорошо мне прядать чрез кусты и межи,
По пути обняться с бурьяном невзрытым.

Жажду вместе с ветром вечной перемены;

Хочется летать мне, нравится катиться.
Я еще не волен, но уже не пленный:
На крылах воздушных я лечу, как птица.

Два сонета

1. «Лик Спаса моего я подниму ль, склоняясь...»

Лик Спаса моего я подниму ль, склоняясь,
Хоругвь священную я понесу ли миру?..
О, сколько долгих дней я не тревожил лиру,
Слезами горькими смывая кровь и грязь...

Ты не возьмешь меня, мой древний темный князь,
Не привлечешь раба к покинутому пиру;
Довольно послужил я жалкому кумиру –
На новый, лучший путь иду, перекрестясь.

В тюрьме моей твои сокрушены оковы.
Суровые враги, хвалю ваш грозный стан;
Дерзай, слепец, ты мне от Бога дан.

Твой залп не заглушит моей Осанны,
Свобода не лишит даров твоих, острог,

Когда со мной Отец, душе рожденный Бог.

2. «В руке Твоей я только ком земли...»

В руке Твоей я только ком земли,
Ты вылепил и, сжав, растопишь снова.
Покорно жду таинственного слова,
Чтоб лилии над бездной расцвели.

Когда б уста изобразить могли
Хоть луч любви, луч солнышка Христова,
Иль между волн, где тонут корабли,
Размах сетей, раскинутых для лова!

Влеку меня, предвечная Любовь,
Не покидай привычного к изменам.
Пусть голос твой звучит еще и вновь:

Как я блажен моим неожиданным пленом!
За дверью там блестит нестрашный штык...
Товарищ, ты слышал, что Бог велик?

«О новом смертнике мы слышим каждый день...»

О новом смертнике мы слышим каждый день,
И каждый день уму вопросы ставит.
Уж смерти не страшит таинственная сень,
И, мнится, правильно наш перевозчик правит.

Бодришь, мой дух. Будь легок, как олень,
Беги к тому, чье имя солнце славит.
Пусть в шлаки темные тоску мою и лень
Высокий Параклет в каленом горне плавит.

О, други близкие, вы слышите ли гром,
И гнева ярого вы видите ли чаши?
Вопросы крайние поставлены ребром.

Для истины сердца зажгло ли ваши?
И мудрость вещую отвергнете ль теперь,
Когда безумствует в своем бессилье зверь?

«Мои часы ведутся без ошибки...»

Мои часы ведутся без ошибки,

Мой жребий вынут – я не тороплюсь.
В перстах Твоих лозой хочу быть гибкой
И слышу голос Твой: «Дерзай, не трусь».

В саду любви благоухают липки.
С цветка к цветку я, как пчела, несусь;
Я верю, Ты простишь мои ошибки,
Когда Тебе, Единому, молюсь.

Ты без меня детей моих научишь
Прекрасному, как ты учил меня...
Быть может, ты темницей только шутишь,

И я, бубенчиком моим звеня,
Пасусь, как мул, в репьях и без поклажи,
Беспечный мул, простой, ленивый даже.

«Ты пишешь и слезу роняешь на листок...»

Ты пишешь и слезу роняешь на листок.
Зачем ты здесь? Бежал от пули и штыка.
О хате и земле сожгла тебя тоска,
И ты ушел в кусты и скрылся, как сверчок.

Не вышло – не того... И строгий человек

В разлатом галифе накрыл – и цап–царап!
Теперь сиди и плачь... И слезы кап, кап, кап...
Бумага смокла вся. Утешься: не навек.

Плечами богатырь. Румян, как маков цвет,
Стыдлив, как девушка... Ты – подлинно герой
И вместе дезертир с поникшей головой.
Как мне понять тебя? Поведай свой секрет?

Устал от крови ты... Ты лил ее весь год.
Сначала с радостью. Потом – потом привык.
Но вот в печальный день вдруг поскользнулся штык,
Ты потянул назад, назад, а не вперед.

Ты не боялся, нет, но убивать устал.
Душа остынула... Довольно, дайте срок...
Теперь сиди в тюрьме, плененный голубок,
И всё, и кончено... Письмо ты дописал?

«Жизнь сердца жаждет вечной перемены...»

Жизнь сердца жаждет вечной перемены;
Я вновь пришел к тебе, мой мертвый дом.
Вновь посмотрел извне на те же стены
И видел часового под ружьем.

Играет изморозь по стенам; воздух ясен –
И пламенеет солнце на штыке.
Вот я гляжу, спокоен и бесстрастен,
А люди там – в уныньи и тоске.

Вокруг тюрьмы блуждаю наудачу.
И мнится мне, что тайну я открыл:
Простор полей я чувствую иначе
И белый снег по–новому мне мил.

Удавленник

М. Г. Рождественскому

Он с нами жил и ждал суда в смятеньи,
А в сердце тьма выросла, как черный цвет.
Нам слышались в ночи то стоны, то хрипенье
Души растерзанной, не верящей в рассвет.

Он ждал суда, но смерть впитал заране;
В прощальный час дрожал, как зябкий лист,
И бросился в петлю, избрав крючок в чулане,
Толкнул ногой скамью, мотнулся и повис.

А утром мы веревку разделили,
Бранили глупого: куда, зачем спешил?

А как и где его похоронили,
Не знаю, не слышал, и звать как – позабыл.

Безумный ты, мудрец ли, я не знаю;
Я знаю, ты ушел туда, где нас мудрей.
Вслед за тобой душою я блуждаю
Сквозь сумерки торжественных зыбей.

От смерти в смерть уйти! Бежать от смерти лютой
В объятия смерти нежной, как сестра.
Приять венец, дарованный минутой,
Услышать зов: «Приди. Я жду... Пора».

СНОВИДЦЫ

И. М. Персиц

Мы поутру в чека от таинства ночного
Несем на братский суд видения и сны.
Тот видел паровоз, а тот барана злого,
Та – жутко–алый луч, а этот – сук сосны.

И серый старичок, болезнью изнуренный,
В провидцы чуткие внезапно обратясь,
Толкует медленно: «К добру, когда зеленый».
«Ждет оправдание». «Твоя к тебе придет».

«Яйцо мерещилось как будто бы большое», –
Продребезжал чуть слышный голосок.
«Яйцо? К слезам всё круглое такое».
«Хлеб видела? Дождешься, верь, дай срок».

Мы здесь вповалку все... Но трепет жизни тайной
Струится над челом измученных людей,
И рок божественный, извечный, неслучайный
Сердец касается крылом летучих фей.

Ближким

Ваш дом уютный на Веселой
Я так любил... Он и теперь
Манит меня в мой час тяжелый
Прийти и постучаться в дверь.

На этот стук Андрей ваш верный
Свой лик святителя являл;
Караг бросался, пес примерный,
И, пристыженный, отступал.

И я входил, и сладко было
Пройти через Фемидин зал
Туда, где Маша стол накрыла
И ярко самовар сиял.

Я заходил к вам за улыбкой,
За словом дружеским, за тем,
Чтобы развеять сумрак зыбкий
Ненужных дум, померкших тем...

Старик с горящими глазами
Гремел перунами порой
И вдохновенными словами
Нас звал – подняться над собой.

А вы, склонясь за самоваром,
Грозу улыбкой победив,
Нас приобщали к лучшим чарам,
И знали мы, чем смертный жив.

Вот деспот дома, крошка Лида,
Мелькнет, как мышка, у стола,
И дед забудет Аристида,
И розой мама расцвела...

.....

Я сердце отдаю надежде,
А рок насуплен и сердит.
Издаেকে меня манит
Ваш дом покинутый – как прежде.

На смерть С.С.Р.

Ты умер как герой, и, верю, умер светел.
Твой мощный дух умел благоговеть;
На зов Отца ты, просияв, ответил
И сбросил плоть, как порванную сеть.

Ты был нам колокол, порою лишь будильник,
И раздражал ленивых и слепых.
Мы от тебя, как дети, уходили,
Когда ты звал – и близких, и чужих;

Ты звал нас всех к неугасимым светам,
Ты крестоносцев видеть в нас хотел;
Ты был пророком, мистом и поэтом,
Томить сердца – тебе был дан удел.

Тобою мир постигнут был глубоко,
А сам ты был, как лев, неукротим.
Теперь закрылось пламенное око.
Дух отлетел... Склонимся перед ним.

На смерть С.С.Р.

1. «В дали веков у склонов Этны жгучей...»

В дали веков у склонов Этны жгучей
Великий Эмпедокл учил людей
И в кратер бросился навстречу жизни лучшей
В объятья очистительных огней.

Хлеб огненный, наследие Сатурна,
Вкусил мудрец, когда к богам пришел.
Кто говорит, что поступает дурно,
Раскрыв крыло, взлетающий орел?

Твой жребий был таким. Не умирают боги,
А только шествуют свободно сквозь миры, –
И, верно, для тебя открылись те чертоги,
Где ждут тебя товарищи игры.

На нашем языке пусть ты – самоубийца,
Пусть в этом слове жесткий слышен суд:
Так вырвется из тяжких туч зарница
И, хмурясь, тучи медленно плывут.

2. «Ты рождена голубкой нежной...»

Дочери

Ты рождена голубкой нежной;
Тебе – страдать, тебе – терпеть!
В познании, что скорбь безбрежна,
Земную тягу одолеть.

Любовь твою ищи расширить
И охватить душою смерть;
Идти за тем, кто в дольном мире
Голгофой озаряет твердь.

Принять суровый символ жизни,
Не утрашиться до конца
И к пламенеющей отчизне
Смиренно проводить отца.

«Я сквозь железом кованную дверь...»

Я сквозь железом кованную дверь
Вступаю к вам, отверженные люди,
Теперь войду не как плененный зверь
И не как тот, кто вины ваши судит;

Свою вину постигнул я теперь,
И чей–то зов войти к печальным нудит;
И слышится душе: дерзай и верь,
Открой уста – всё остальное будет.

Подъемлю чашу трепетной рукой,
И, ведая, что доли недостоин,
Я духов тьмы зову на крепкий бой.

Кто без меча и лат; ужели воин?
Но голос твой, возвышенный Орфей,
Звучит душе гармонией своей.

Зимняя буря

Ожесточение белой метелицы
Сердце пугает, как гнев демонический,
Вихорь возносится, поземок стелется,
Кто–то вдруг вскрикнет в тоске истерической.

Будто бы пьяный слоняюсь по городу.
Кровельный лист, громяхая, срывается.
Снегом в ледяшку сковало мне бороду.
Тополь пугливой тростинкой шатается.

В этом смятении, в этом кружении

Душу сжимает тоска безысходная.
Путники, страннички, ваше томление
Крадется в сердце, как струйка холодная.

Счастливы те, кто у печек пылающих,
Кто окружился родными и милыми,
Кто лишь вздыхает о тех погибающих,
Песнями вьюги отпетых унылыми. –

* * *

Какая музыка среди телеграфных нитей!
Колдунья в белых космах – ты хитра.
Вы, вихри хваткие, скитальца окружите
И будете водить от полдня до утра.

Чу... Колокол гудит без воли человеческой.
Иль это зов для многих похорон?
Когда сокрылся люд, стихий понятней речи
И каждый ветра вздох – как жалоба и стон.

Первая лекция в тюрьме. Сонет

Скоро ты узнаешь в школе,

Как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик.

Архангельский мужик, с твоих плеч могучих
Дозволь мне говорить, пришедшему в тюрьму,
О том, как ты служил народу своему.
В крови поникнул мир... И горизонты в тучах.

Душа скорбит. Срываются на кручах
Тропинки жуткие. Глазами меришь тьму;
Но веришь в путь, сияющий уму,
Внимая поступи часов грядущих.

Я буду говорить о том, кто, среди снегов,
От юных лет взирал, благоговеен,
На тайны несказанные миров,

Судьбою то обласкан, то осмеян,
Кто знал, что тьма – безумие и грех,
А свет – Христов и просвещает всех.

Пять ран богоматери (К циклу медитаций)

1. «В заветный день Перворожденный Богу...»

В заветный день Перворожденный Богу
Во храме посвящен, и в славный храм
Пришел ведун, проживший слишком много,
Чтоб горний свет блеснул его глазам.

О, как давно стремился он в дорогу
К Истоку Сил... И вот сквозь фимиам
Он видит дивный Лик, он близок Богу
И, взяв дитя, вдруг озарился сам...

– «Ты отпускаешь с миром, о Владыко,
Раба, что зрел Спасителя Земли.
Словам моим, Пречистая, внемли!

Твой Сын на подвиг выступит великий
Как царь сердец, – мою запомни речь, –
Тебе ж самой пройдет сквозь душу меч».

2. «О, дивный Отрок, мудрыми словами...»

– «О, дивный Отрок, мудрыми словами
Ты души старцев мощно колебал;
В очах твоих горит святое пламя,
И голос твой отрадней, чем кимвал.

Над тайной букв коснели мы годами,
Ты волшебством сердца в лазурь умчал!» –
И белыми качали головами,
Дивясь Тому, кто как пророк вещал.

А в сумрак храма красноватым бликом
Вечерний луч вливался, опочив
Над златокудрым отроческим Ликом...

Кто стукнул в дверь? Чей ворвался призыв:
«Мой Иисус!» Бледны черты благие,
И к Отроку склоняется Мария.

3. «Послушай, мать. Ликует сила злая...»

– «Послушай, мать. Ликует сила злая:
Взят в Гефсимании твой милый Сын.
Ученики сокрылись, убегая,

И не остался с Мудрым ни один.

Подъятыми мечами угрожая,
Они ворвались в тишь немых долин.
Иуда пал... Учителя лобзая,
Он указал, где Царь и Властелин.

Отважный Петр в мече искал защиту.
Сын запретил, сказав: «извлекий меч
Обрек себя, чтоб быть мечом убиту».

Уведен Он... И надо нам напречь
Всех тех, кому твой Сын был благодетель;
Пусть всяк из них предстанет как свидетель».

4. «Вот тело обнаженное белеет...»

Вот тело обнаженное белеет
Вдоль дерева, и дан рукам размах;
Вокруг креста неведомое веет,
И волос палачей колышет страх.

В их жилах кровь как будто леденеет,
Но ремесла усмешка на устах –
К деснице гвоздь прижат, и молот реет;
Глухой удар, и слышен хруст в костях.

Вот по ладони струйка пробежала,
Другая заалела ей вослед,
И скорбная Мария простонала:

«Палач, остановись!.. Иль это бред?
Он перед миром чист!» – и меть святая
Поникла в прах, стопы Его лобзая.

5. «Родимый Сын, не ты ли предо мной...»

– «Родимый Сын, не ты ли предо мной,
Спеленутый, как бы младенец ранний...
Прекрасный лик, прозрачный и немой,
И скрещены в кровавых язвах длани.

Ты в мир пришел, как голубь молодой.
Твой взор был слаще взора кротких ланей,
Он скорби побеждал, как луч весной,
Он утишал огонь земных желаний;

Мир воздает позорищем креста.
Тобою крест святыней мира станет;
Мир без тебя – печальный сирота,

Во мглу не–бытия бесследно канет;
Прими, земля, того, кто был мне Сын,
Лелей Его во тьме твоих глубин!»

Adler Lied⁴

Посв. Olga Mertens

Мое гнездо я на вершинах строю,
Куда достигнет только взлет крыла,
И бездна тусклая зияет подо мною,
Где пролегает вольный путь орла.

И грудь моя, охотника в эфире,
Целящий пряный воздух жадно пьет.
Я, одиночек в моем безбрежном мире,
Витаю по кругам, как царь высот.

Мой острый взгляд легко измерит дали,
На высоте объемлю мир – один;
И дикий клетот мой так чужд сынам печали,
Как чужды для меня цветы равнин.

Когда же молния вдоль гор померкших блещет
И эхо громово над безднами поет,
Во мне испуг позорный не трепещет,
И в бурю гордое крыло меня несет.

⁴ Орлиная песнь (нем.).

Остров Южный

I. Очи земли

*И снова смотрят фиалки,
Фиалки снова.
До сих пор не знал ты,
Что очи земли лиловые.*

И. В.

Грезой, прозрачной как утро,
Тайное ты постигаешь.
Ты, как фиалки, мудро
В синее небо взираешь.

Ладан плывет, голубея, –
Прах оставляется урнам...
Разве забыли мы, фея,
Что когда-то парили в лазурном?

II. Прогулка

Мы огибали дом полуразрушенный,

Темнеющий сквозь заросли кустов;
Ты шла, грустна. Таил твой взор опущенный
Раздумья фиолетовых цветов.

Легко стопа несла тебя, крылатая;
Голыш, задетый, мчался под уклон...
Мы говорили: здесь семья богатая
Весельем наполняла старый дом.

Мы говорили, что могучи эти заросли,
Что вязы величавы, как нигде...
Но наши речи, прерываясь, замерли,
И я в глаза твои широкие глядел.

Да, всё пройдет: холопы–победители
Уйдут за барами... Все будут как земля!
И только эти очи–небожители
Прольют свой свет в лазурные поля.

III. Красная роза

Я сегодня принес тебе красную розу,
Густо–красную розу – как кровь,
Чтоб над ней твой младенческий рот улыбнулся
И мечтательным очерком выгнулась бровь.

От куста эту розу я срезал ножом:

Непокорен и крепок зеленый был стебель.
Мы прекрасное смело берем!
Мы прекрасному молимся в небе...

И когда белизну твоей груди
Ярко–красный цветок озарил,
Мне пригрезился остров южный,
Где безумно я розы любил.

Вспоминалось жемчужное море,
Гул прибоя и пена у скал.
Вспоминался мне голос напевный,
Что когда–то меня окликал.

IV. Психея

Рука вознеслась и перстом, полным власти,
Указала мне дали зеленых холмов,
Указала березок струистые пряди
И прозрачную ткань облаков.

– Там ласточек много! – и, нежная, рея,
Слетела улыбка с пурпуровых губ.
– Ты опять покидаешь меня, Психея?
– С тобой человек я, без тебя – только труп.

– С каждым шагом – выше! С каждым мигом –

свободней!

– Так ветер научит меня танцевать.

– На снежных вершинах я буду сегодня.

– Я с ветром буду одно опять...

Рука вознеслась и перстом, полным власти,

Хоровод указала святых облаков,

Указала мне молодость и вольное счастье

И кубок железный бессмертных богов.

Балет изы валлат

Свет раздражал вас электрический,

Томила чуждая толпа...

Вы волновались в артистической

И репетировали па,

Движенья белоснежных рук

И веера волнистый круг.

Как всё высокое опошлено,

Когда скучающей толпе.

Любя, несешь мечту полнощную

И сердца рдяную купель.

И всё же прелесть всепобедная

Явила нам в урочный миг

Какой-то мир, еще неведомый:

И вихрем опьяненный лик,
И негу хрупкого цветка
В объятьях нежных ветерка.

О, легкокрылая плясунья
С душой, как горный эдельвейс!
Как под рукой покорны струны,
Прекрасному я предан весь.

IV

«Над сдвигами бровей рубцы глухого сплина...»

Над сдвигами бровей рубцы глухого сплина
Пусть не смутят тебя... Подумай: кто, мужчина,
Измлада преданный мятущимся страстям,
Кующий цепь побед, закован не был сам?
В любовной кузнице, у жаркой пасти горна
Он мышцы напрягал – и молот бил упорно,
И молоту его послушен был металл...
Ты улыбнись ему... Ты видишь: он устал.

Недвижный и немой, протянутый в качалке,
Он будто нежится. Но посмотри, как жалки
Бегущая на лоб седая прядь волос,
И щеки впалые, и сдержанный вопрос
Красивых губ его, где лишь на миг летучий,
Как луч хладеющий сквозь сомкнутые тучи,
Блеснет ирония – над жизнью, над судьбой
И над тобой, дитя... не сетуй – над тобой.

А ты пойми его и тусклый взор недужный
Глазами ясными приветь как вызов дружный.

Ты подойди, смеясь, и, тихая, качни
Ленивый стул его, и, – если вы одни, –
Откинь седую прядь, и легче паутины
Рукой любви смахнешь суровые морщины.

Возок

Остаток древней старины,
Возок, забыт совсем задаром;
Конечно, лакомые сны
Мерещились в нем старым барам
На лоне сельской тишины...

В каюте мчатся по снегам
Тепло и тишь – чего же боле?
Здесь можно зеркальце для дам
Хранить для путевой неволи
В утеху бархатным глазам!

В суконной сумке, о, поэт,
Напрасно ты припрятал флягу.
Ты музой шустрою согрет –
Тебе бы карандаш, бумагу...
А вот бумаги–то и нет!

Мораль посланья такова:
Кто хочет взглядом веселиться,

Возка не бойся: голова,
Ручаюсь, в нем не закружится,
Всё это лживые слова!

Для нежных питерских девиц
Возок – полезная обитель;
Лелей их, добрый сельский житель!
Как зябких перелетных птиц:
В возке вези отроковиц!

«Поэты роскошной Пальмиры!..»

Поэты роскошной Пальмиры!
(Я с грустью шептал ей: прости...)
Пусть Ваши согласные лиры
Застряли на долгом пути, –

Они победили пространство,
И вот – полногласно звучат
И будят мое окаянство
С тоской оглянуться назад,

К године, мелькнувшей так быстро,
Когда управляли душой
То нега манящего систра,
То грозный и гулкий гобой;

И Вы из заоблачной башни
(Где страж так огромен и строг)
Сходили на пир мой домашний,
Вкушали крестильный пирог...

«Если ливень промчится стремительный...»

Если ливень промчится стремительный
По полям, и лугам, и садам,
И воздвигнет закат упоительный
Семицветную арку богам,

И росинки зардеют пунцовые
На шелках умиленных берез,
И глаза улыбнутся как новые,
Улыбнутся сквозь призраки слез; –

Не грусти, что мгновенье кончается;
Что дано – то навеки дано:
Если чаша любви проливается,
Пей без меры святое вино.

Дети

Там, где черемуха ветки
Зыбким сплетает шатром,
Словно два птенчика в клетке,
Плещутся дети песком.

Я помешать не хочу им,
Мне подойти не дано; –
Мимо пройду с поцелуем,
Неразделенным давно.

Словно два маленьких гнома
Что-то колдуют, смеясь...
Жаркая дышит истома,
Вьется зеленая вязь.

Мы – уж давно не колдуем,
Нам заклинать не дано;
Пламень мы только задует,
Только расплещем вино.

Знайте, исполнил я дурно
Мудрый закон любви.
Сердце – как мертвая урна,
Темные яды в крови.

Детки мои – малолетки,
Смех ваш звенит как ручьи,
Вы ведь зеленые ветки,
Зеленые ветки мои!

Дети, растите, цветите!
Сердце, омойся в крови!
Дети, как око храните
Мудрый закон любви.

Тебе

Я полюбил тебя... Прости, что полюбил!
Сквозь чуждый мир, под тучей беспросветной
Я шел один, – я выбился из сил;
Я меж камней искал цветок заветный
И небо о звезде мерцающей молил.

Гудела буря. Гневными громами
Твердь мир кляла, и вороны, крича,
Вились над головой зловещими кругами...
Я шел неровными, неверными шагами,
Я ждал удар разящего меча.

И вдруг – просвет. Среди туч звезды жемчужной
Небесная игра; и близ тропы цветов
Белел, благоухал, и точно теплый, южный

Мое лицо обвеял ветерок...
К тебе, к тебе летел мой дух недужный!

И ты была цветком среди нагих камней.
И ты была звездой на небе полуночи.
Твой голос пел, как нежный голос феи,
Горели трепетно ласкающие очи...
И ты была моей... И ты была моей...

Моя звезда, цветок благоуханный!
Что, если рок разгневанный судил
Мне тучей быть твоей, и бурей неожиданной,
И черным вороном?.. Прости, мой друг желанный:
Я полюбил тебя... Прости, что полюбил!

Маргарите

Жена моя, сестра и мать моя родная,
Все три в одном лице... Сказать тебе иль нет?
Я полюбил тебя, в ночи моей блуждая,
Твоя любовь несла мне просиявший свет.

Звездой ласкающей была ты мне в пустыне,
Огнистою слезой над гребнем злой волны,
В темнице ты – мой день, и четко вижу ныне
Брега желанные лазоревой страны.

Наш путь перешагнет над этой жизнью тленной.
Уже не изменю, и ты не отлетишь.
Так рядом мы пойдем, скитаясь по вселенной.
Какая благодать! Какая ширь и тишь!

Своим

Как он там, среди кучи белой
И пелен и полотенец,
Машет ручкой оробелой,
Наша радость – наш младенец?

В одиночестве кровати
Растарасились глазенки.
Неприятные повадки:
Мамы нет – одни пеленки.

Чу, шаги!.. И взоры ясны,
Разгорается румянец...
Пуще гневен, крики властны,
И воздушный резов танец.

Как отрадно тискать маму
В упоительной надежде
И братишкиному гаму
Улыбнуться – всё как прежде.

Усмехнуться, поперхнуться...
Миг – и сонное дыхание,
И, чтоб крошке не проснуться,
Тишина и трепетанье.

Одолев людские злобы,
Будьте веселы и дружны,
А ухабы и сугробы
Раскидает ветер южный.

«По коридору печки трещат, и, близ огней...»

По коридору печки трещат, и, близ огней
Присев, вдыхают люди благоуханье щей.
Согреют ужин скудный, хлебнут глоток–другой,
Растянутся на нарах, и будет им покой.

Лениво ночь иссякнет, быстрее канет день,
И соберутся к печкам питомцы деревень.
Вдали от милой хаты, от жен и от детей
Качаются, лохматы, у тлеющих огней.

Диме из тюрьмы

Вспоминаешь ли, мой сыне,
Об острожнике–отце,
Что в стенах таится ныне,
Как птенец в своем яйце?

Я заочно шерстку глажу
На упрямой голове
И тихонько песню лажу
О Ереме и Бове.

Мнится, затеваю прятки.
– Где ты, папа? – В клетке, сын!
То леплю тебе загадки,
Комом выйдет первый блин.

Размышляй, родимый сыне,
Про птенца в своем яйце
Иль про пальму средь пустыни
В зеленеющем венце.

Гимн из тюрьмы

Был я жалок и слаб и блуждал во тьме,

Пробираясь путями безглазыми.
Вот дошел до тюрьмы – и, спасибо тюрьме,
Загораются звезды алмазами.
Был я в мире моем и безумен и слаб,
Только червь, только прах, только раб.
За тюремным окном, там плывут облака,
Веют вольные ветры целебные.
Ночь тюрьмы – наша ночь – глубока, широка,
Но в ней слышатся хоры хвалебные.
Я в предутренней мгле, я в суровой зиме,
Там, внизу, я в промерзлой земле.
Там ли песни поют, там ли ткани плетут?
В эти ткани миры облекаются,
В этих тканях пути посвященья и суд,
В них и боги и люди встречаются.
Не сгорев до конца, не приемлешь венца,
Не дойдешь до благого Отца!
Духи света, вы слышите ль песню мою,
Вы, текущие с Божьими чашами?
Эту песню сложил, эту песню пою,
Весь овеванный хорами вашими.
Но летите вы вдаль, как звезда за звездой
Проплывают лазурной стезей.